
ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Электровозоремонтное депо станции Пермь II Свердловской железной дороги. Оно вступило в строй действующих предприятий железных дорог Урала — Сибири в 1955 году.

Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: На катке.
Фотоэтюд Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: Москва. Храм Василия Блаженного после реставрации.
Фото С. Фридлянда.

ОГОНЁК

№ 11 (1500) 11 МАРТА 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К НОВОМУ ПОДЪЕМУ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Советский народ приступил к осуществлению программы великих работ, утвержденной XX съездом Коммунистической партии.

К новым созидательным делам призвала партия всех тружеников социалистической промышленности. Больше металла, угля и нефти, разнообразных машин и приборов, больше строительных материалов, тканей и других предметов широкого потребления — к этому устремлены помыслы советских людей. Повысить технический уровень производства, улучшить экономические показатели — этим озабочены инженеры, техники и рабочие наших предприятий.

Со всех концов Советской страны в первые же дни после съезда начали поступать сведения о могучем подъеме, которым трудящиеся ответили на заботу партии и правительства о народном благе.

Кузнецкие горняки рапортуют: февральский план выполнили все тресты бассейна, на 12 400 тонн увеличилась суточная добыча угля. Они обратились к шахтерам страны с призывом организовать соревнование за дальнейший рост производительности труда, за досрочное выполнение плана 1956 года.

Купавинские текстильщики обязываются сверх годового плана выпустить 100 тысяч метров тканей.

Ростовские комбайностроители заявляют: переход на 7-часовой рабочий день не снизит количества нашей продукции. Они дают твердое слово, что при сокращении рабочего дня задания пятилетки будут выполнены досрочно.

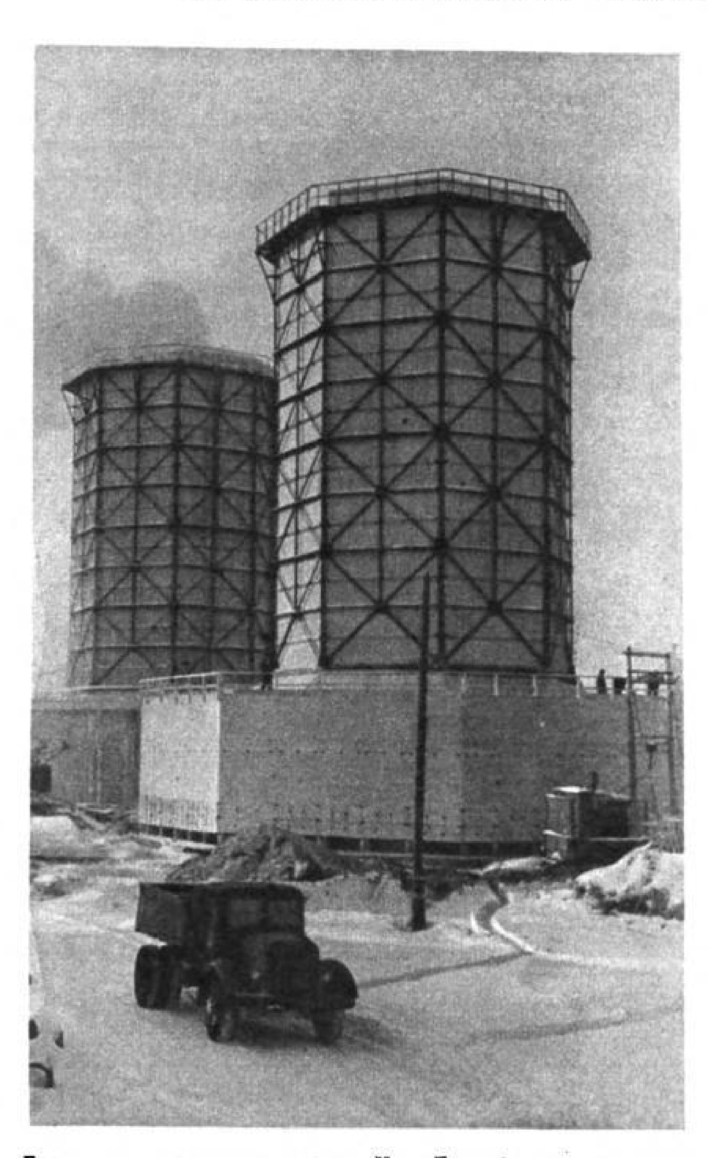
Сталевары завода «Азовсталь» в минувшем году сварили несколько тысяч тонн стали сверх плана. Теперь они выступили инициаторами соревнования за сокращение срока производственного цикла на один час.

Решения XX съезда КПСС воодушевляют советских людей на новые трудовые подвиги, зовут их к новым творческим успехам.

На снимке: передовые сталевары мартеновской печи № 11 завода «Азовсталь» А. Малецкий (слева) и В. Минин.

Фото М. Медуховского.

Задания пятилетки в действии

Градирни кислородного цеха Ново-Тагильского металлургического завода.

Фото А. Грахова.

Мощный электровоз

В Москву прибыл серо-голубой электровоз. На торце его кузова, под зеркальными стеклами широких окон, эмблема завода с пятиконечной звездой и семь знаков его паспорта «ВЛ-23-001».

Это первый, опытный экземпляр электрического магистрального локомотива нового типа, выпущенного Новочеркасским электровозостроительным заводом имени Буденного.

Новый мощный электровоз заменит на электрифицированных дорогах страны машину «ВЛ-22м». Как и его предшественник, он шестиосный, но это сходство, пожалуй,— одно из немногих, что их роднит. Почти все узлы и аппараты, а их свыше 50, разработаны заново. Тем не менее локомотив был спроектирован за рекордно короткое время — на 3 месяца раньше срока — в честь XX съезда КПСС. Вслед за конструкторами отличились и производственники. Локомотив был построен скоростными темпами.

Мощность электровоза — 4 300 лошадиных сил — на треть выше мощности старого электровоза.

Электровозы «ВЛ-23» могут работать спаренно. Тогда две такие машины повезут состав весом в 5 300 тонн. Длина состава достигнет... 1,5 километра.

Новый локомотив выгодно отличается от старого и внешней, полуобтекаемой формой. Для каркаса кузова применен облегченный прокат. В просторной кабине весьма удобно расположены приборы и аппараты.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото О. Кнорринга.

Новый клинический корпус

В Москве вступил в строй новый клинический корпус Научно-исследовательского института нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко.

Показывая гостям новое здание, директор института действительный член Академии медицинских наук СССР профессор Б. Г. Егоров рассказывает:

— В первом этаже расположено детское отделение, во втором — послеоперационное и в третьем — отделение для выздоравливающих. Каждая палата состоит из двух комнат: комнаты для больных и так называемой предпалаты для дежурной няни. Там же находится гардероб, умывальник, специальный стерилизатор. Ночью палаты освещаются мягким и спокойным светом от лампочек, вмонтированных в плинтусы. У кроватей — удобные комбинированные столики, позволяющие больному читать лежа. У дежурных столиков — световая сигнализация. Каждая палата имеет отдельный выход на балкон. На этажах — просторные, светлые холлы для отдыха больных. Установлены телевизоры, три раза в неделю демонстрируются кинофильмы.

Новый трехэтажный корпус объемом 17 735 кубических метров имеет 54 палаты и рассчитан на 140 коек.

С. КАРАСЕВ

Кислород идет в мартены

В мартеновских печах бушует пламя. С недавних пор оно горит ярче обычного. Сюда по специальным трубопроводам подается кислород. Обогащенный кислородом воздух ускоряет сгорание топлива — быстрее расплавляется шихта, сокращается длительность плавки.

К XX съезду КПСС на Ново-Тагильском металлургическом заводе вступил в строй мощный кислородный цех. Его сердце — блистающий чистотой гигантский машинный зал. Он похож на зал электростанции. Здесь стоят мощные компрессорные установки, многочисленные контрольно-измерительные приборы. В течение часа новый цех может выработать более 10 тысяч кубометров кислорода.

— Печь как бы омолодилась, стала работать лучше на всех периодах,— говорит сталевар комсомольско-молодежной печи № 9 первого мартеновского цеха Михаил Сафронов.

Почти каждая плавка выдается теперь сталеварами цеха значительно быстрее. Только за одну неделю февраля, сократив продолжительность плавок, сталевары трех печей первого мартеновского цеха дали 2 тысячи тонн стали сверх задания.

Кислородный цех на Ново-Тагильском заводе — первый на Урале. В течение шестой пятилетки внедрение кислорода в мартеновское производство будет осуществлено и на других металлургических предприятиях Урала. Это даст стране дополнительно сотни тысяч тонн добротной уральской стали.

А. ГРИГОРЬЕВ

Звено Днепровского каскада

Недалеко от индустриального Днепродзержинска по плану шестой пятилетки будет построена Днепродзержинская ГЭС, входящая в каскад днепровских гидросооружений.

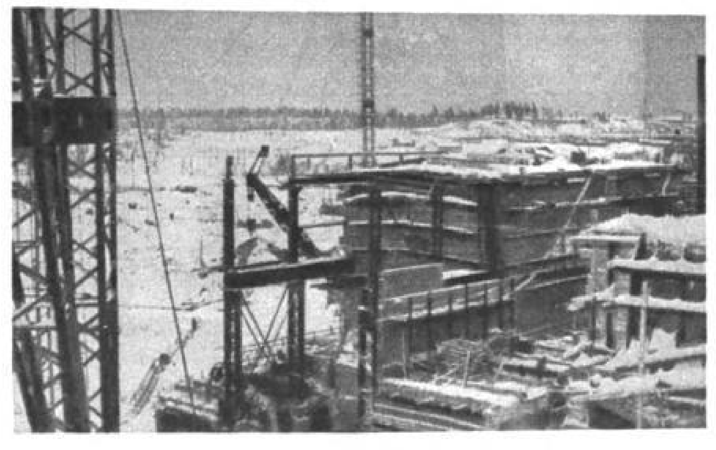
На берега Днепра прибыли первые группы гидростроителей. Здесь предстоит соорудить здание гидроэлектростанции, судоходный шлюз, бетонную водосливную плотину, земляные защитные дамбы. По плотине будут проложены железнодорожный путь и шоссе, которые соединят левобережные сельскохозяйственные районы области с Днепродзержинском.

Сейчас особенно много дел у геологов. Вместе с топографами они наносят последние контуры гидротехнического сооружения и берегов водохранилища, которое вместит 3 миллиарда кубометров воды.

В текущем году будет построено до 10 тысяч квадратных метров жилой площади. Уже идет монтаж первых сборных домов.

Н. КЕМЕНОВ

Стройка на берегах Онды

На строительстве Ондской ГЭС.

Мы подъезжаем к скалистым берегам Онды. В двух направлениях непрерывной вереницей идут самосвалы, на подъездных путях маневрируют паровозы.

Дальше взору открывается стена бетонной плотины, полукольцом перегородившая непокорную Онду. Теперь ее воды образовали водохранилище объемом в 130 миллионов кубометров. Эта масса воды будет приводить в движение мощные агрегаты Ондской ГЭС.

В шестой пятилетке на территории Карело-Финской ССР намечается ввести в строй ряд крупных гидроэлектростанций. Среди них — Ондская ГЭС мощностью 80 тысяч киловатт.

На некогда пустынных берегах Онды уже выросли три поселка, каждый из которых имеет удобные дома, магазины, клуб, водопровод, электричество и радио.

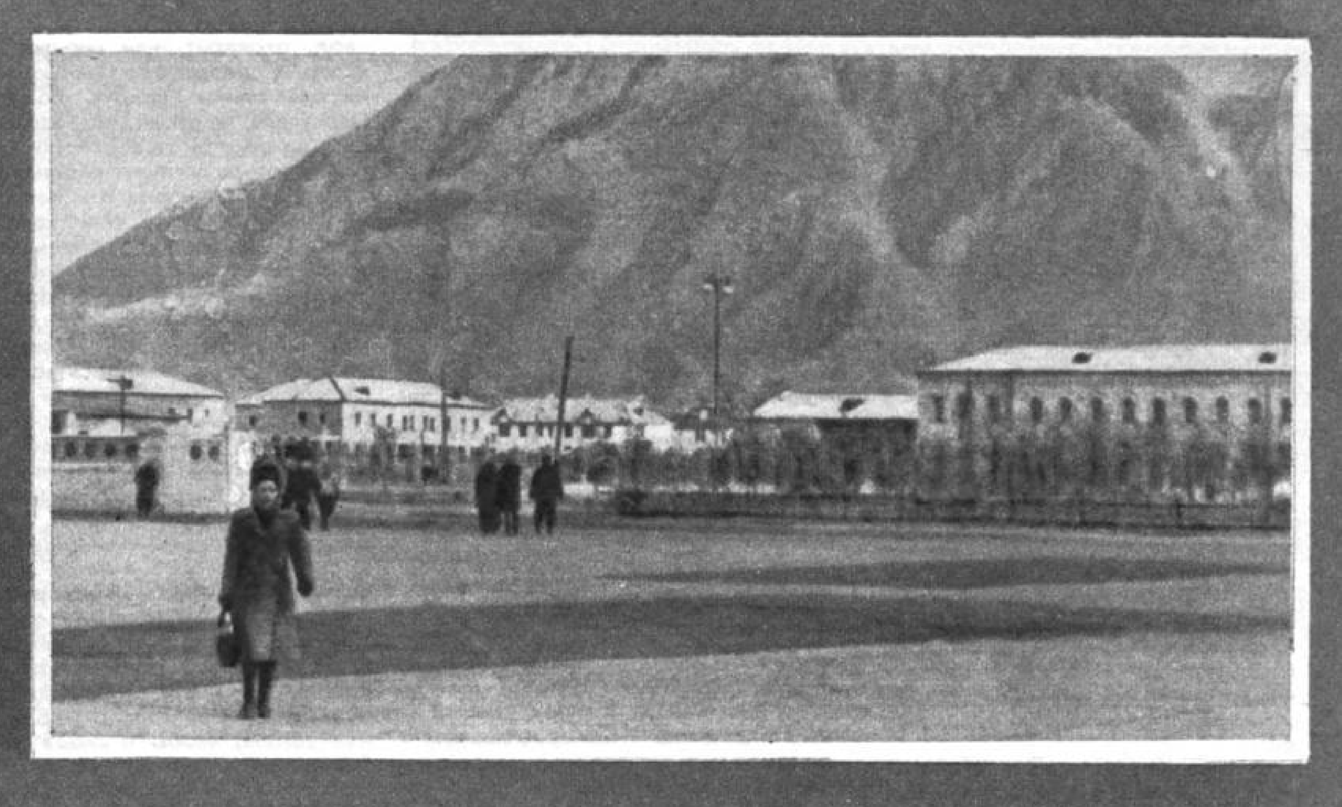
В строительстве Ондской ГЭС принимает участие около двухсот предприятий страны. Машиностроители Харькова прислали сюда турбины, ленинградцы и рижане — электрооборудование.

Сейчас строители Ондской ГЭС готовятся к пуску первой турбины, одновременно ведется сборка второго агрегата.

Развернутая на XX съезде партии картина огромных достижений нашей страны воодушевила строителей Ондской ГЭС на новые трудовые успехи. Они прилагают усилия к тому, чтобы ввести ГЭС в строй не в четвертом, как намечалось, а в третьем квартале текущего года.

Ю. КОГИНОВ

ПО ЖИВОЙ ЗЕМЛЕ

На пустынном берегу Каспия вырос город Небит-Даг.

А. ЕГОРОВ,
доктор геолого-минералогических наук

Фото автора.

Слово «пустыня» вызывает в воображении картины сожженной, мертвой земли, недвижно простертой до горизонта, то прикрытой раскаленным песком, то изъязвленной пятнами солончаков, то проткнутой голыми каменными хребтами.

Впрочем, пустыню, что лежит между хребтом Большим Балханом и полуостровом Челекеном, можно назвать живой. Толща земной коры здесь издавна, на протяжении миллионов лет, то поднимается, то опускается, как грудь человека при вдохе и выдохе,— живет!

Сравнительно недавно, еще несколько десятков лет назад, у подножия Большого Балхана плескались воды Каспия, корабли бросали тут якоря. Потом земля «вздохнула», морские воды откатились далеко на запад, на сотню с лишним километров, и там, где были заливы, образовались сухие плоские солончаки, покрытые растрескавшейся глиной.

Город нефтяников Небит-Даг возник на чисто выметенной ветрами, голой равнине у подножия Большого Балхана.

С группой участников выездной сессии Академии наук Туркменской ССР я прибыл в Небит-Даг ночным поездом. Просторная асфальтированная привокзальная площадь, залитая огнями, замыкалась вдали Домом культуры нефтяников, красивым зданием с ажурными арками. Ярко светила полная луна, и на темносинем бархатистом небе четко вырисовывались снежно-белые стены аккуратных двухэтажных домов из тесаного камня.

...Солнце еще не взошло, но уже порозовели вершины Большого Балхана, похожего на огромного лежащего верблюда. Город просыпался. Спешили на автобус рабочие-нефтяники, хозяйки уже направлялись на рынок.

Воздух Небит-Дага прозрачен и чист, ибо почти весь город газифицирован. Газовые печи для отопления, газовые плиты на кухне, газовые колонки в ванных комнатах, газовое пламя бушует в топках пекарен и ремонтно-механического завода... И все-таки в городе используется немногим больше одного процента того газа, который могут дать сказочно богатые недра хотя бы только ближайшего нефтепромысла.

Город построен так, что ему не страшны ни тропическая жара, ни ураганные ветры, способные срывать крыши вместе со стропилами, ни землетрясения. Город раскинулся свободно. Дома не давят друг друга. Каждый квартал окружен молодыми рощицами карагачей, поднявшихся выше человеческого роста. Скоро ветви закроют дома, защитят их от ветра и солнца.

Из Небит-Дага мы выехали в Челекен, еще один форпост покорителей пустыни. Справа вдоль дороги синей стеной поднималась громада Большого Балхана. У Джебела она отступила на север и слилась с темнеющим небом. Вокруг нас остались только пески да редкие кустарники тамариска. До восхода луны мы пересекли русло Узбоя. Еле заметный ручеек струился по глинистому ложу, покрытому плотной коркой соли,— вот все, что напоминало о протекавшей здесь когда-то полноводной реке.

В стороне от дороги, среди зарослей тамариска, мелькнули огоньки грязевого курорта Моллакара; здешняя черная грязь и нежнорозовый крепчайший природный рассол заставляют кровь быстрее течь по жилам, заживляют раны, восстанавливают утраченную силу мышц и подвижность суставов.

За Узбоем все выше вздымаются песчаные холмы — барханы. Только цепочка полузасыпанных столбов с ниточками проводов позволяет различить направление дороги. Да и о какой дороге можно говорить в песках? Две — три колеи, набитые машинами утром, к вечеру заносит песком. Ветер мгновенно заравнивает мелкие выемки и медленно движет песчаные горы.

Когда смотришь на почти отвесный подветренный склон бархана, а ветер шевелит песок на гребне его, представляется роковой морской вал, готовый опрокинуться и раздавить тебя.

Поднявшаяся луна щедро осеребрила застывшие песчаные волны, одна другой выше. Самые грозные поднимались на тридцать — сорок метров. Между ними змейкой ползла дорога, незаметно взбираясь на Михайловский перевал.

Какое облегчение испытывают путешественники, когда автомобиль, спустившись с грозного перевала, впервые после многих часов ползания по пескам на первой скорости ступает шинами на твердую землю!

Вдруг наша машина остановилась.

— Выйдем на минутку, я покажу вам нечто очень интересное,— поманил меня мой спутник.

Мы прошли несколько шагов в сторону от дороги и попали на сплошную россыпь ракушек. Ближе к прежнему берегу моря ракушки были белые и в большинстве своем мелкие, похожие на тыквенные семечки; к западу же простирались сплошные развалы почти черных раковин.

— Белые — это исконные обитатели Каспийского моря, дрейсены,— пояснил спутник,— а черные — митилястеры, переселенцы из Черного моря. В 1919 году, прикрепившись к днищам канонерок, которые перебрасывались для борьбы с белыми, несколько митилястеров попало в Каспий. Они почувствовали себя здесь так хорошо, что расплодились мгновенно и кое-где даже совсем вытеснили дрейсен. Вот так и была отмечена береговая линия моря в 1919—1920 годах. Не правда ли, четко?

Да, действительно, природа оставила прекрасную пометку на берегу.

— А теперь море?..

— Далеко, и все отступает!..

...Около полуночи впереди блеснули светящиеся пунктиры ярких ламп на высоких нефтяных вышках. Грунтовая дорога сменилась асфальтом. Мы въехали на Челекен.

Бывший остров Челекен манил меня еще со студенческих лет, с тех пор, как я прочел о нем в старом учебнике геологии Ивана Васильевича Мушкетова. Трудно сказать, что именно влекло меня сюда, но я стремился на Челекен и надеялся увидеть много интересного для геолога. Мои мечты сбылись, и я не был разочарован.

Челекен расположен на очень сложно построенном участке земной коры. Большое число трещин позволяет горячим подземным водам и пару легко подниматься из глубин и достигать земной поверхности. Вода выносит нефть и горючие газы, а там, где ей удается пробить особо хорошие ходы, она выбрасывает в большом количестве глину, песок, а подчас и крупные обломки горных пород, образуя грязевые вулканы. Их на Челекене три: огромный, замерший несколько тысяч лет тому назад Алигул и два действующих: Розовый и Западный Парсугели. Кратер первого вулкана уже занесен илом и песком, и только выброшенные обломки пород, образующие кольцо в полтора километра шириной, говорят о былой его мощи. В кратерах обоих Парсугелей образовались озера глубиной в 60—70 метров. Со дна все время поднимаются нефтяные газы и капельки нефти, вода как будто кипит. Парсугель в переводе с туркменского значит вонючее озеро. Названием этим озеро обязано дурно пахнущим горючим газам, обильно насыщающим воду. В Розовом Парсугеле вода временами действительно слегка розовата. Это происходит при оживленной деятельности грязевого вулкана, когда вместе с усиленным притоком теплых минеральных вод увеличивается примесь солей железа и необыкновенно быстро размножаются особые виды бактерий. Вода в озерах теплая, а буровые скважины, расположенные по соседству, выбрасывают даже горячую — при температуре более 70 градусов — воду.

Грязевые вулканы есть и за пределами полуострова. Теперь бесспорно доказано, что они тянутся цепочкой от Челекена до Апше-

Грязевой вулкан Алигул замер несколько тысяч лет тому назад. Вот как выглядит кратер вулкана сегодня.

ронского полуострова через все Каспийское море. Один из них, примостившийся на мелководье банки Ливанова, с правильными интервалами подбрасывает над поверхностью морской глади пятиметровый столб воды. Издали кажется, что резвится огромный кит.

В этих местах много нефти и газа. Их напор так велик, что бурить скважины надо умеючи. Однажды позволили скважине бесконтрольно выбрасывать газ, воду и песок, а кончилось тем, что в образовавшуюся пустоту (так что едва спаслись люди) погрузился весь буровой агрегат и двадцативосьмиметровая железная вышка. Они сейчас где-то на глубине многих десятков метров, а наверху вскипает вода в искусственном озере.

Здесь нет обычных нефтяных качалок, вычерпывающих нефть из скважин. В недрах столько газа, что он сам выбрасывает нефть наружу, только успевай ее забирать!

Челекен на редкость богат. Помимо нефти и газа, здесь добывается иод из горячих подземных вод, озокерит, или горный воск, которым щедро пропитаны песчанистые глины вокруг Розового Парсугеля, асфальт из загустевшей на земной поверхности нефти. Некоторые глины вполне пригодны для гончарного и черепичного производства. Мне кажется, что мы сейчас еще очень мало знаем, насколько богат Челекен.

Строить город было трудно: он отрезан от железной дороги грядами барханов, и материалы для стройки приходилось волоком перетаскивать через пески тракторами или переправлять через бурное море на судах. Здесь не было пресной воды. Три года назад на месте города дымились на ветру барханные пески. У моря стояли старенькие поселки с прокопченными бараками, доставшимися в наследство от прошлого. Таким был и Кошкин поселок. Жители его теперь переехали в дома нового города, а кривые бараки в декабре 1954 года срезал бульдозер, срезал и разровнял землю, чтобы и следа их не было.

Новый город не имеет парадного и черного входов. У него не было и не будет грязных окраин. Каждая его часть, по замыслу строителей, имеет свое назначение. У моря песчаный пляж с пестрыми грибками да голубыми будочками; в море уходит причал для яликов и яхт; чуть поодаль, в двадцати шагах от моря,— стадион, летний кинотеатр, кафе.

Административная и торговая части города отделены от пляжа легкой ротондой — полукругом белых колонн. Восточнее, на возвышенности, распланированы кварталы основной, жилой части города, застроенной уютными одноэтажными домиками с палисадниками, огороженными белыми изгородями. Некоторых кварталов еще нет. Их обозначают пока ряды колышков, а на месте будущих домов из земли торчат только концы труб, заглушенных пробками. Когда дом построят, то не придется перекапывать тротуары и дороги для укладки водопровода, газопровода и прочего: все подземные магистрали уже проведены.

Многое здесь делается «на рост». Что ж, разве мы удивляемся, когда видим на ребенке мешковатую одежду? Мы знаем, что через год рукава уже будут до локтей, а брюки — выше щиколоток. Хорошо, что в Челекене, например, на трибунах стадиона мест вдвое больше, чем сейчас на всем полуострове болельщиков футбола.

...В ясный, безветренный день самолет уносил нас на запад. Я пристально всматривался в ползущий под крылом пестрый ковер пока еще пустынного побережья, мысленно восстанавливал геологическую карту Западной Туркмении, и мне казалось, что вместе с запахом водорослей от изрезанного бесчисленными заливами побережья поднимается и еле уловимый запах нефти. Неисчерпаемые запасы ее хранят недра Закаспия, и много еще новых городов вырастет здесь.

На челекенском пляже пустовато. Что ж, это не удивительно: снимок сделан в декабре.

Интервью «Огонька»

НОВЫЕ РЕЗЕРВЫ ЧИАТУРЫ

Президент Академии наук Грузинской ССР

Н. И. МУСХЕЛИШВИЛИ

В недрах Большого Кавказа таятся разнообразные полезные ископаемые. К ним все ближе подбираются люди, вооруженные наукой. Много ценного найдено за последние годы в горах республики. Однако и на старых месторождениях ученые и инженеры вскрывают все новые резервы. Я имею в виду Чиатурское марганцевое месторождение, крупнейшее в мире по масштабам и лучшее по качеству руды.

Добыча руды здесь все время увеличивается. Но только ли за счет того, что растет число эксплуатационных участков? Нет. Росту добычи руды во многом способствуют исследования грузинских ученых.

Вот один пример.

Бедные карбонатные марганцевые руды раньше не имели никакого промышленного применения. С некоторых пор ими заинтересовались в Институте металла и горного дела Академии наук Грузинской ССР. Выявлено, что такая руда в производстве передельного чугуна заменяет флюсующий известняк, что она, как крупнокусковая руда, не требует агломерации (спекания) и, следовательно, не вызывает в металлургическом процессе больших потерь. И, что самое главное, эта руда оказалась ничуть не хуже обычной, сортной руды, применяемой в производстве доменного марганца и передельного чугуна. Одним словом, руду, которую раньше считали никчемной, решили испробовать.

Несколько лет на ряде южных заводов страны велись промышленные опыты, окончившиеся успешно. Они показали, что доменный процесс с введением этой руды резко улучшился и значительно снизилась себестоимость продукции. Теперь из Чиатуры по многим направлениям идут составы, груженные так называемой бедной карбонатной рудой, на которую раньше и смотреть никто не хотел. Пришлось произвести перерасчет промышленных запасов чиатурского марганца, разумеется, в сторону их значительного увеличения.

Были у нас в Чиатуре еще более невзрачные на первый взгляд представители марганцевых руд, не вошедшие ни в какие кондиции. Это бедные марганцевые руды, содержащие малые количества никеля, кобальта и других ценных элементов. Ученые нашли и им применение. Из них стали готовить минеральные удобрения. Из руды извлекается марганец, а оставшиеся микроэлементы при внесении их в почву вызывают неожиданный эффект — резко повышают урожайность. Сейчас на одном из заводов, расположенных на территории Грузии, строится полупромышленная установка для производства таких удобрений.

Грузинский ученый, действительный член республиканской академии Р. И. Агладзе предложил совершенно новый в металлургии способ электролитического получения марганца высокой чистоты, столь необходимого для высококачественных марок стали. Этот метод уже внедрен в производство на одном из заводов республики, и сейчас Институт металла и горного дела занимается его усовершенствованием. На базе чистого марганца получены различные виды сплавов, обладающих ценными свойствами, в том числе сплав высокого электрического сопротивления. Новые сплавы уже находят применение.

Ученые-металлурги разработали также эффективную технологию получения перманганата калия: в нем нуждаются и фармацевтическая, и пищевая, и другие отрасли промышленности. В Грузии строится опытный цех, который будет выпускать перманганат калия по новой технологии.

Производство проката и добыча марганцевой руды в республике за пятилетие должны возрасти в полтора раза. Ученые Грузии делают все для того, чтобы помочь ведущей в республике отрасли народного хозяйства — марганцевой промышленности.

В шестой пятилетке мы предполагаем заняться изучением и железных руд грузинских месторождений, тем более что в этом очень заинтересован наш молодой закавказский металлургический завод в Рустави.

ВОЛЯ НАРОДА — К ЕДИНСТВУ

Д. Н. Айдит среди трудящихся острова Бали.

Беседа с Генеральным секретарем ЦК Компартии Индонезии тов. Д. Н. АЙДИТОМ

Вопрос. Каковы перспективы создания единого национального фронта в вашей стране и какое может иметь значение создание такого фронта для достижения полной независимости Республики?

Ответ. Идея создания единого национального фронта овладела миллионами индонезийцев. Мы не сомневаемся, что такой фронт является важнейшим условием в борьбе за полную свободу нашей страны. Спрашивают, что должно быть основой этого единого фронта. Мы отвечаем: союз рабочих и крестьян. У нас в Индонезии крестьянство составляет семьдесят процентов населения. Коммунистическая партия Индонезии поставила перед собой задачу — привлечь к активной политической деятельности широкие крестьянские массы. Важная задача состоит в том, чтобы наладить деловое сотрудничество с наиболее влиятельными партиями страны.

Вопрос. Читателям «Огонька» было бы интересно узнать, как создается фронт национального единства, как налаживается сотрудничество между вами и лидерами других партий.

Ответ. Я сейчас расскажу об этом. Но сначала два слова о врагах национального единства. Главный враг наш — голландский империализм. Каждый успех национально-освободительных сил ввергает голландских империалистов в отчаяние. Но это радует народ. Серьезную опасность представляют также попытки некоторых американских кругов вовлечь Индонезию в агрессивные военные блоки. Все эти попытки наталкиваются на твердое сопротивление народа.

Теперь отвечу на ваш вопрос. В Индонезии есть три основных политических течения: коммунистическое, националистическое и исламистское. Создать единство этих трех наиболее влиятельных течений — значит сделать новый крупный шаг в деле завершения национальной независимости Республики. Цель подобного союза состоит в том, чтобы сформировать прогрессивное правительство Индонезии. Какова будет программа этого правительства? Прежде всего защита национальной независимости, осуществление демократических свобод внутри страны, борьба за укрепление мира, повышение жизненного уровня народа.

За последнее время достигнуты некоторые успехи в этом направлении. По всей стране прошли массовые митинги, на которых выступали представители этих трех течений, требуя создания правительства именно с такой программой. 15 января нынешнего года в Джакарте состоялся митинг против колониализма, в защиту прав народа. Это было беспрецедентное событие в истории национально-освободительного движения страны. Впервые на митинге, поддерживая друг друга, выступали лидеры коммунистов, националистов и исламистов. Выступал бывший премьер-министр, один из виднейших деятелей национальной партии, Али Састроамиджойо, затем слово получил лидер исламистского движения, вице-председатель нашего парламента Аруджи Картавината. Затем выступал я. Совместное выступление на этом митинге представителей трех партий воодушевило миллионы патриотов, сторонников национального единства. Вскоре такие же митинги с участием представителей трех течений состоялись во всех провинциях, областях и районах страны.

Вопрос. Это был первый шаг в создании единства национальных сил?

Ответ. Далеко не первый, но один из самых важных.

Вопрос. Как отнесся к этому событию президент Республики господин Сукарно?

Ответ. Президент Республики приветствовал резолюцию митинга в Джакарте, он призывал всех нас к укреплению сотрудничества трех течений. Отвечая некоторым противникам национального единства, господин Сукарно сказал, что нельзя создать национальное единство, игнорируя волю 16 миллионов индонезийцев, поддерживающих коммунистов. Эти справедливые слова президента нашли горячий отклик и одобрение во всей стране.

Вопрос. Как вы оцениваете итоги выборов в индонезийский парламент?

Ответ. Выборы, как известно, проходили в конце прошлого года. Они имели историческое значение для будущего страны. Они показали возросшую политическую сознательность народа. Это были первые всеобщие выборы в Индонезии, и в них приняло участие свыше 80 процентов избирателей.

Для того, чтобы вам стали понятны огромные перемены, происшедшие за последние годы в политической жизни страны, я назову еще несколько цифр. В 1954 году Компартия Индонезии насчитывала 500 тысяч членов, сейчас — один миллион.

2.600 тысяч рабочих объединены в профсоюзный центр, широко известный во всем мире. Прогрессивная организация крестьян также насчитывает 2,5 миллиона человек. Молодежная организация Пемуда Ракьят, находящаяся под влиянием компартии, объединяет в своих рядах 700 тысяч юношей и девушек. Около полумиллиона женщин входит в прогрессивную женскую организацию.

Еще не все массовые организации, примыкающие к национальному и исламистскому течениям, готовы сотрудничать с массовыми коммунистическими организациями. Однако у нас уже теперь есть немало общих точек зрения: мы все выступаем против колониализма, мы все стоим за полное расторжение голландско-индонезийского союза, мы все боремся за повышение жизненного уровня народа. Можно не сомневаться, что таких общих взглядов на главные национальные проблемы будет все больше и больше.

Если сейчас не всегда удается сотрудничество массовых организаций на всех уровнях, мы идем на сближение в провинциях, областях и районах.

В заключение товарищ Айдит сказал:

— XX съезд КПСС вольет новые силы в движение за мир в Индонезии. Директивы съезда по шестой пятилетке еще и еще раз убедят широкие массы нашего народа в благородном стремлении Советского Союза к миру и созидательному труду.

Приезд в Москву г-на Мюрдаля

5 марта в Москву прибыли исполнительный секретарь Экономической комиссии ООН для Европы г-н Гуннар Мюрдаль и сопровождающие его ответственные сотрудники секретариата комиссии.

Г-н Мюрдаль прибыл в Москву для обсуждения вопросов, связанных с деятельностью Европейской экономической комиссии, и в связи с апрельской сессией этой комиссии.

На снимке: Гуннар Мюрдаль на Белорусском вокзале в Москве.

Фото М. Савина.

СОВЕТСКО-ДАТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

В Советском Союзе гостит Премьер-Министр и Министр иностранных дел Дании Х. К. Хансен. Во время пребывания в Москве Премьер-Министр Х. К. Хансен и Министр просвещения Дании Юлиус Бомхольт, который сопровождает Премьер-Министра в поездке, имели беседы с Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным, Членом Президиума Верховного Совета СССР, Первым Секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, Первым Заместителем Председателя Совета Министров СССР и Министром иностранных дел В. М. Молотовым, Первым Заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном, а также другими руководящими деятелями Советского Союза. В результате этих переговоров опубликовано Советско-Датское Коммюнике и подписано Соглашение между Данией и Советским Союзом о спасении человеческих жизней на Балтийском море.

Визит Х. К. Хансена в Советский Союз служит дальнейшему укреплению взаимопонимания и добрых отношений между Данией и Советским Союзом.

На снимке: подписание советско-датских документов 6 марта 1956 года в Кремле. За столом — Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Премьер-Министр и Министр иностранных дел Дании Х. К. Хансен.

Фото А. Новикова.

Д. Б. О'Коннор:

«СОТРУДНИЧЕСТВО — НАШЕ СПАСЕНИЕ»

Американская фирма купила в СССР лицензию на право производства в США советского оборудования.

Вице-президент американской компании «Дрессер Индастриз» господин О'Коннор прощался в своем номере с представителем Интуриста.

— Так, значит, в июне? — спрашивал представитель.

— Да, в июне,— отвечал О'Коннор.— И с женой и еще с четырьмя друзьями!

— Хорошо, будем иметь в виду.

— Очень хочется рассмотреть вашу страну получше.

— Приезжайте, приезжайте, всегда рады!

Два человека крепко пожали друг другу руки. О'Коннор повернулся к нам:

— Приятно, уезжая из страны, знать, что приобрел здесь хороших друзей. Ну-с... Теперь с делами покончено, я отдаю себя целиком в руки прессы. Спрашивайте! — И уселся в удобное кресло.

— Судя по вашему хорошему настроению, мистер О'Коннор, поездка в СССР не принесла вам убытка?

— Убытка? — засмеялся американец.— Ну, нет! Сегодня в семнадцать часов я подписал соглашение с представителями «Машиноэкспорта». Наша компания приобрела лицензию на право производства ваших турбобуров...

— Простите, мистер О'Коннор, нельзя ли просить вас рассказать об этом с самого начала.

— О, по порядку? Согласен. Тогда надо начинать с Рима. Летом в Риме я был на международном нефтяном конгрессе. Советский инженер Требин рассказывал там об успехах вашего нефтяного машиностроения. А потом роздал делегатам проспекты с описанием турбобуров для бурения нефтяных и газовых скважин. По проспектам было видно, что это нечто совершенно новое по сравнению с тем, что есть у нас в Штатах. Моя фирма решила, что было бы выгодно получить в Советском Союзе лицензию на право производства таких турбобуров на наших заводах. Но одно дело — описание на бумаге — мы, американцы, ведь знаем, что такое реклама! — а другое — реальная действительность. Согласны? И вот я поехал в СССР посмотреть все своими глазами и пощупать руками.

— Что же, реальная действительность отличается от рекламного проспекта? — спросили мы.

— Э, господа, мы договорились — по порядку! Давайте не нарушать уговора. Итак, я послал телеграмму в СССР с просьбой разрешить мне приехать и обсудить интересующий вопрос. Это было, если не ошибаюсь, в ноябре. А через две недели я уже получил ответ.

— Как вас приняли в Советском Союзе?

— Я вам скажу вот что. Если вы едете в Россию с дружескими предложениями, вас всегда встречают по-дружески. Я знаю это: моя фирма двадцать лет имеет дело с вашей страной. И так везде. Надо привозить с собой дружбу. И все будет в порядке...

А теперь насчет рекламы и действительности,— продолжал О'Коннор,— пришла очередь ответить и на это. Я поехал в Башкирию на нефтяные промыслы. Я работал там возле скважин день и ночь. Со мной вместе были ваши инженеры. Чудесные люди! Великолепно знают свое дело, волнуются за него. Один раз мне нужно было остаться у скважины до трех ночи: посмотреть на бур, когда он будет вынут. И инженеры, которые кончили работу и могли идти домой, остались со мной... Да, так вот о действительности: промысел — один из величайших в мире!

— Вы имеете в виду размеры?

— Нет, и техническую оснащенность, класс оборудования — все вместе. А турбобуры — в частности. В этой области Советский Союз намного обогнал Соединенные Штаты. Причем я особо подчеркну, что промысел, который я видел, создан в очень трудных природных условиях.

Американец с шутливой торжественностью произнес:

— Двадцать лет компания «Дрессер Индастриз» поставляла в Советский Союз промышленное оборудование, а теперь впервые мы покупаем в Советском Союзе право на производство в США советского оборудования.

— В нашей стране есть такой лозунг — «Догнать и перегнать!»

О'Коннор засмеялся.

— Что ж, хороший лозунг! Деловой!

— Господин О'Коннор, вы начали рассказывать о переговорах и не закончили. Как вы их охарактеризуете?

— Быстро, точно, по-деловому — вот мое мнение. Контракт был заключен через две недели после моего приезда. Это необычайно быстрые темпы в международной практике. Переговоры шли в самом дружеском тоне. Никаких препятствий. Я по образованию инженер, но прежде всего — бизнесмен. Инженер только помогает моей работе. Будьте уверены, в вопросе о торговых переговорах я разбираюсь. Обычно не принято хвастать будущими прибылями, но, скажу вам по секрету, я уверен, что эти турбобуры разойдутся по всем Штатам. Конечно, мы их будем модернизировать, улучшать: надо все время двигаться вперед.

— Значит, торговое сотрудничество между СССР и США полезно?

— Мало того! — воскликнул коммерсант. — Сотрудничество — наше спасение!

— А что вы скажете о соревновании между нашими странами?

— Я не так много видел на этот раз в СССР. Мой маршрут — от «Машиноэкспорта» к этому письменному столу и обратно, если не считать Башкирии, где я интересовался только нефтью. Но я знаю, что в некоторых областях США стоят впереди Советского Союза и, наоборот, в других областях Советский Союз обогнал США. Если хотите, то более конкретно мы продолжим этот разговор в июне, после моей туристской поездки по СССР. Я надеюсь многое увидеть тогда. Договорились?..

Г. БОРОВИК

МАНЧЕСТЕР—ЛЕНИНГРАД

Самолет с делегацией муниципалитета Манчестера опустился в Ленинградском аэропорту в субботу вечером, а через день глава делегации лорд-мэр Манчестера Томас Риген уже внимательно осматривал комнаты нового дома на Кузнецовской улице. Прогуливаясь из угла в угол, он шагами измерял площадь квартиры. За лорд-мэром следовала вся делегация, на ощупь проверяя стены, двери, окна... Остановившись и взглянув на потолок, господин Томас Риген сказал:

— Высота приличная.

— У нас пониже,— подтверждает специалист по жилищным вопросам в муниципалитете г-н Ричард Харпер.

— Паркетный пол, двойные рамы. Хорошо! — продолжает лорд-мэр.— Много строите!

Гости осматривают кухню: один кран, горячей воды нет.

— У нас с этим лучше. Мы можем вполне поучиться друг у друга,— замечает г-н Ричард Харпер.

Недалеко от новых жилых кварталов Первый троллейбусный парк. Гости заходят в цехи, осматривают станки, беседуют с рабочими. Лорд-мэр садится в кабину водителя, пробует, удобно ли сидеть. Член муниципалитета Роберт Томас вникает в каждую мелочь. В прошлом он шофер, а сейчас деятель профсоюза работников городского транспорта. Он залезает под машины, осматривает подъемные механизмы и обо всем делает записи в блокноте. В Манчестере весьма оживленное движение транспорта. Нельзя ли использовать что-нибудь полезное из опыта ленинградцев? Узнав, что кондукторы сдают по весу собранные за день монеты, Томас внимательно рассматривает весы и гири.

— Сколько требуется кондуктору времени, чтобы сдать деньги и получить билеты? — интересуется Томас.

— Восемь минут.

— Замечательно! — Томас делает новую запись в блокноте.

В автобусном парке есть свой ночной профилакторий для рабочих. Такого в Манчестере нет, и он вызывает особый интерес.

— Это очень важно, что у вас так заботятся о здоровье рабочих,— говорит лорд-мэр Томас Риген.

Члены делегации направляются в 171-ю среднюю школу на улице Маяковского. Советской школой больше всех интересуется Нелли Бир: в Манчестере она участвует в работе комитета по народному образованию.

В классе идет урок английского языка. В руках гостей — учебники. Лорд-мэр просит школьницу Наташу Лапковскую прочесть отрывок из биографии Бернарда Шоу.

— Вы знаете английский язык много лучше, чем я русский,— шутит мэр.

Классы, лаборатории, мастерские, пионерские комнаты — все привлекает пристальное внимание. Пионерки Ирина Анастасевич и Лена Мадатова передают подарки для школьников Манчестера. Прощаясь, гости обещают педагогам школы наладить переписку советских учителей с их английскими коллегами.

В управлении милиции города Ленинграда идет беседа с начальником управления Героем Советского Союза И. В. Соловьевым. Гости спрашивают об условиях работы милиции, о характере преступлений. Всех интересуют детские комнаты в отделениях милиции.

Г-н Бернард Ленгтон в своем муниципалитете ведает полицией и сейчас хочет выяснить некоторые детали.

На Дворцовой площади господин Томас Риген обращает внимание на машины, которые убирают снег и посыпают улицы песком.

— Об этом надо разузнать подробнее,— говорит лорд-мэр и направляется к уборочной машине.

Быстро промчались дни пребывания гостей в Ленинграде: по вечерам — в театрах, днем — на заводах, фабриках, в институтах, музеях, детских учреждениях.

— Все ли вы видели, что хотели? — спросили мы лорд-мэра Томаса Ригена.

— О, да! План пребывания в Ленинграде составлялся с полным учетом всех наших пожеланий. Очень много интересного увидели мы в этом великом городе. Невозможно все и перечислить, но, пожалуй, самое поучительное — это детские и культурные учреждения.

— Как вы смотрите на развитие дружбы между Манчестером и Ленинградом?

— Наш приезд — хорошее начало. Мы очень довольны своей поездкой. Такие посещения помогают правильней понять друг друга. Наш муниципалитет решил пригласить депутатов Ленинградского городского Совета приехать в Манчестер. Мы сделаем все, чтобы дружба между жителями наших городов крепла.

В конце беседы господин Томас Риген коснулся предстоящей поездки в Англию товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

— Мы ждем этого визита с громадным нетерпением,— сказал он.— Жители Манчестера часто спрашивают меня: посетят ли господа Булганин и Хрущев наш город?

К. ЧЕРЕВКОВ

Господин Т. Риген вручает подарок Манчестера ленинградцам — поднос из драгоценного дерева.

Фото Н. Ананьева.

ПОЭТ-ГЕРОЙ

6 марта в Москве состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня рождения замечательного татарского поэта Героя Советского Союза Мусы Джалиля. С докладом выступил писатель Ахмет Исхак. По поручению Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Тихонов передал вдове поэта Аминэ Залиловой грамоту о присвоении Мусе Джалилю звания Героя Советского Союза.

Когда в наступление из окопа поднимался солдат и шел вперед, чтобы увлечь за собой остальных, он сразу становился видным всей роте. Потом, после боя, солдаты расспрашивали друг друга, кто был первым, узнавали, с кем он ел кашу из одного котелка, что делал, какие песни любил, как жил. И потому, что он кому-то оказывался земляком, что пел он одни с ними песни и жил так же, как они, герой становился ближе и еще родней. Так близка и понятна нам жизнь Мусы Джалиля — пламенного поэта-коммуниста, убитого фашистами в январе 1944 года в Берлине, в тюрьме Моабит.

До последних ударов сердца Джалиль был верен Родине, до последних ударов сердца писал он стихи о ней. Сквозь время, сквозь камень тюрьмы и пламя крематорных печей дошел до нас мужественный голос поэта, живой и удивительный. Татарский поэт не покорился «страху сорока смертей», высоко пронес честь и имя гражданина Союза Советских Социалистических Республик, и на языках всех наших республик звучат сейчас его стихи.

Когда на нашу Родину двинулась война, он поднялся навстречу врагу с оружием в руках и с песней в сердце, как подобает поэту-коммунисту. В те годы вышла его последняя, изданная при жизни книга «Письмо из окопа».

В бою мне поможет любовь
твоя,
Пока мечтаю, пока дышу,
О любви к тебе
и к Отчизне я
Кровью своей на земле
напишу.

Снова услыхали мы голос поэта лишь через много лет. Тяжело раненный, он попал в плен к фашистам. И там Джалиль не сдался. Он организовал подпольную группу борьбы, но, выданный предателем, был приговорен к смертной казни. Бельгийский товарищ поэта по тюрьме сохранил и передал его записные книжки советскому консулу в Брюсселе.

В Моабитской тетради есть лирика, сатира, юмор — все виды поэзии. Как жизнь Джалиля неотделима от Родины, так она неотделима от его поэзии.

Его талант был сильнее смерти.

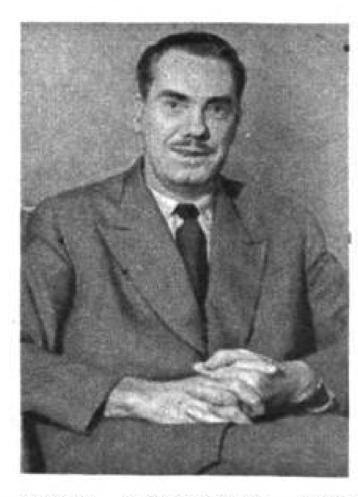
Песни,
вы в сердце выросли —
Цветите в полях страны.
Пламенной силой
правды
На жизнь вам права даны!
Вы — чувства мои
и помыслы,
Вы — слезы...
Я не был лжив.
Умрете —
меня забудут...
Вы будете жить —
я жив!

Трудно найти слова, чтобы выразить восхищение перед величием и красотой духа поэта-героя. Его стихи живут бессмертной жизнью искусства, устремленного к народу.

Сергей ОРЛОВ

В борьбе за мир

Недавно шведская общественность отметила 50-летие известного писателя, вице-председателя Всемирного Совета Мира Артура Лундквиста. Он вступил в литературу около тридцати лет назад и известен как поэт, прозаик, литературный критик, общественный деятель.

Изучая богатое, многообразное творчество Артура Лундквиста — им написано около тридцати произведений в жанрах поэзии и прозы,— легко убедиться, что все свои поиски, сомнения, стремление разобраться и понять сложный ход развития общества он пытался отразить в своем творчестве. Каждая его новая книга — свидетельство дальнейшего идейного роста писателя.

Артур Лундквист — автор многих талантливо написанных путевых очерков о разных странах. Исторические события нашего времени, в особенности вторая мировая война, заострили политические интересы писателя, привели его к пониманию борьбы людей за свои права.

Большой жизненный опыт, изучение борьбы народов различных континентов обогатили художественную прозу Лундквиста. В своей книге «Дарунга или молоко волчицы» Лундквист пишет:

«Каждая человеческая жизнь представляет ценность, но не для себя и не за счет других, ценность отдельного человека возникает в результате общего взаимодействия». Этим глубоким уважением к человеку проникнута и общественная деятельность Лундквиста.

Советские люди искренне желают Артуру Лундквисту дальнейших успехов в его творчестве, успехов в благородной и самоотверженной борьбе за мир.

В. МОРОЗОВА

В начале 1956 года в Пхеньяне завершено строительство прядильной и ткацких фабрик текстильного комбината. На снимке: передовая работница чесального цеха Ким Мен Сук.

Интервью «Огонька»

ПОД ЗНАКОМ НЕРУШИМОЙ ДРУЖБЫ

ПАК ДЕН АЙ,
заместитель председателя ЦК Трудовой партии Кореи

Заключенное семь лет назад Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой — яркий пример бескорыстной помощи страны победившего социализма народу, стремящемуся строить новую жизнь. Основанное на принципах равенства и взаимной выгоды, это Соглашение еще больше укрепило дружбу и сплоченность между корейским и советским народами, подняло международный авторитет нашей молодой республики и создало благоприятные условия для ее экономического и культурного расцвета.

Сейчас, когда корейский народ занят восстановлением разрушенного народного хозяйства, мы с благодарностью думаем о той помощи, которую оказывают нам Советский Союз, Китайская Народная Республика и другие демократические страны.

Наш народ под руководством Трудовой партии Кореи в короткий срок достиг больших успехов в выполнении трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства республики. В течение всего лишь двух с половиной лет после окончания войны полностью или частично восстановлено, расширено и заново построено более 290 крупных заводов и средних фабрик. В их числе — металлический завод имени Ким Чака, завод цветных металлов в Нампхо, Хыннамский завод химических удобрений, Супхунская гидроэлектростанция, Пхеньянский текстильный комбинат. Восстанавливаемые и вновь строящиеся заводы и фабрики оснащаются современными машинами. В нашей промышленности широко используется опыт рабочих-новаторов Советского Союза, стран народной демократии, последние достижения науки и техники. Все это дало возможность быстро организовать выпуск современных машин и станков. С огромным подъемом трудятся наши рабочие: план выпуска промышленной продукции в 1955 году был выполнен на 106 процентов.

Успешно идет социалистическое преобразование сельского хозяйства. К концу прошлого года 45,1 процента всех крестьянских дворов добровольно объединились в сельскохозяйственные кооперативы. Все больше и больше сельскохозяйственных машин, в том числе советских тракторов, работает на полях и на строительстве ирригационных сооружений.

Поднимаются из пепла и развалин города. За послевоенный период восстановлено и вновь построено более трех с половиной миллионов квадратных метров жилой площади для рабочих и служащих. Для высших учебных заведений и школ сооружено 858 зданий.

Все это, конечно, только начало. Но и эти первые успехи вселяют в нас чувство законной гордости, воодушевляют на новые славные дела.

Организующей и направляющей силой нашего народа является Трудовая партия Кореи. Сейчас она готовится к своему третьему съезду. К этому событию готовится и весь корейский народ, который самоотверженным трудом воплощает в жизнь программу экономического и культурного строительства нашей республики.

Корейский народ с воодушевлением встретил решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Мы искренне рады успехам советского народа в строительстве коммунизма, в борьбе за мир во всем мире.

Мы полны решимости развивать дальше и укреплять еще больше братское сотрудничество между нашими народами.

Пхеньян, март 1956 года.

«Арена смелых» в Джакарте

В Индонезии демонстрируется советский фильм «Арена смелых», который здесь идет под названием «Цирк». Фильм пользуется большим успехом, билеты распродаются за несколько часов до начала сеансов. Смотреть фильм индонезийцы приходят целыми семьями, с детьми.

Этот снимок сделан возле одного из кинотеатров Джакарты в день демонстрации «Цирка».

Фото С. Громова.

КЛИМАТ ВРЕМЕНИ

Письмо из США

Альберт Е. КАН

Уже несколько недель у нас самая невероятная погода. Зимние метели, леденящие дожди, неистовые ветры, бурные паводки — и вдруг неожиданно по-весеннему солнечные дни, мягкие лунные ночи, не по сезону высокая температура воздуха. Не знаешь, чего ждать назавтра: с вечера выкладываются из сундука толстые шерстяные свитеры, а утро наступает такое теплое, что дети требуют отпустить их в школу без верхнего платья. Прогнозы погоды в газетах мало помогают: вас больше удивляет, когда они сбываются, чем когда оказываются ошибочными.

Нынешний политический климат Соединенных Штатов во многом напоминает капризы погоды. Перед вами огромное множество уродливого и зловещего и в то же время факты обнадеживающие, обещающие изменения к лучшему. Правда, трудно сказать что-либо о сроках этих изменений.

После Женевы напряжение и истерия в стране заметно ослабли. Но если шумиха о близкой третьей мировой войне приутихла, то расходы на вооружение превосходят все, что было до сих пор; и если шумная «слава» Маккарти пошла к закату, то немалое число американцев все еще попадает в «черные списки», лишается работы из-за своих политических убеждений. Жизнь в Америке похожа сегодня на морские приливы и отливы. Многочисленные течения отнюдь не сливаются в общий поток, который тек бы в одном направлении...

У нас все еще вспоминают с удивлением и восхищением о последних концертах выдающихся советских музыкантов Эмиля Гилельса и Давида Ойстраха; год тому назад приезд таких первоклассных исполнителей, пожалуй, остался бы почти «не замеченным» в печати. Едва ли у когонибудь исчезла из памяти поездка советской сельскохозяйственной делегации, пересекшей страну от океана до океана. Но в то же время влиятельный журнал большого бизнеса «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» печатает в январе огромную, на 6 полос, статью «Через Атлантику в 30 минут»; эта статья говорит не о том, как можно ускорить воздушные путешествия американцев в СССР и советских людей в Америку, а совсем о другом. В статье на все лады обсуждается вопрос о том, с какой скоростью смогут пересекать океан, чтобы «приземлиться» в Советском Союзе управляемые снаряды, несущие атомные и водородные бомбы. Другую статью на эту же тему печатает журнал «Тайм».

Недавно либеральные круги живо приветствовали тот факт, что профсоюзные организации, принадлежащие к Конгрессу производственных профсоюзов и к Американской федерации труда, объединились в одну мощную рабочую организацию, насчитывающую около 16 миллионов членов. Не может быть сомнения, что это объединение открывает новые возможности для американского рабочего движения и для всей нации. И в то же время трудно обойти молчанием речь, которую произнес недавно Джордж Мини, председатель АФТ-КПП. В этой речи он усиленно предостерегает крупных американских бизнесменов от политики «умиротворения противника» путем развития торговых отношений с СССР; по словам Мини, единственным результатом этой торговли будет... возрастание «угрозы со стороны коммунизма американскому прогрессу и процветанию, равно как и международному миру и человеческой свободе». К сожалению, эти взгляды Джорджа Мини разделяют многие в его окружении.

Так контрасты обступают вас со всех сторон...

Проглядывая как-то недавно пачки газетных вырезок, я натолкнулся на такие факты:

«На недавнем собрании в Мемфисе, штат Теннесси, на котором участвовали восемь сенаторов, четыре бывших губернатора и ряд влиятельных дельцов, была создана новая организация; цель ее — бороться против конституционных прав негров и в особенности против решения Верховного суда, запрещающего раздельное обучение белых и негров в государственных школах...»

«Нью-Йорк таймс» в обзоре сообщает, что «построено шесть новых концентрационных лагерей в разных районах США; эти лагери готовы к «приему» в надлежащий момент тысяч людей, принадлежащих к «подрывным элементам»,— на тот случай, если конгресс объявит «чрезвычайное положение в интересах внутренней безопасности».

«Чикагские власти заявили, что этот город наводнен несовершеннолетними преступниками и что их «волчьи банды» совершают больше налетов, избиений и убийств, чем взрослые гангстеры в эру Аль-Капоне».

«Немощный инвалид второй ми-

ровой войны, обвиненный по закону Смита в том, что он является «коммунистическим лидером», получил от Управления по делам ветеранов предписание — немедленно возвратить все пособия по инвалидности, которые им были получены после войны».

Но, с другой стороны, я нахожу среди вырезок и следующее:

«Сорок шесть видных американцев, в состав которых входят Элеонора Рузвельт, декан богословской семинарии Дж. Беннет, профессор Генри Стил из Колумбийского университета, драматург Элмер Райс и другие, обратились к президенту Эйзенхауэру с просьбой амнистировать 16 лидеров компартии, отбывающих до сих пор наказание по закону Смита, и о приостановке дел других 180 человек...»

«Негритянское население города Монтгомери, штат Алабама, объявило бойкот автобусного сообщения в знак протеста против раздельных перевозок белых и черных. Бойкот длится девятую неделю и пользуется поддержкой многих белых американцев».

«Судья Верховного суда в Нью-Джерси, грубо оскорбивший местных граждан, смещен с поста губернатором штата под давлением бурных протестов населения».

«Член федерального Верховного суда вынес решение, по которому американские граждане не могут лишаться заграничных паспортов без рассмотрения вопроса в суде...» Замечу, кстати, что, несмотря на это решение, мой личный паспорт, отобранный два года назад государственным департаментом, до сих пор не возвращен.

Вся эта путаница и неопределенность в политической обстановке в Соединенных Штатах по праву может быть отнесена за счет нынешнего курса правительственной политики. Цели этой политики представляются среднему американцу, мягко выражаясь, двусмысленными. Но есть много признаков, свидетельствующих, что эти цели не вполне ясны и самим правящим кругам. Правда, в одном там царит полное единодушие: в стремлении обеспечить максимальную прибыль крупнейшим финансовым корпорациям, с которыми ведущие фигуры из правительства связаны самым тесным образом. Однако в вопросе о том, каким путем идти к этой цели, существует много разногласий. Можно считать, что никто в высших сферах уже теперь не настаивает открыто на немедленной, «молниеносной», «превентивной» и т. п. войне против Советского Союза, но зато все, не колеблясь, проповедуют пользу и выгодность возобновления и продолжения «холодной войны»: опыт достаточно показал, что она несет неслыханные барыши промышленным и банковским концернам («Дженерал мотόрс корпорэйшн», например, объявила недавно, что ее прибыли в 1955 году составили более миллиарда долларов).

Да, несомненно, наши ведущие политики от бизнеса убеждены в том, что «холодная война» вполне «себя оправдывает». Однако все больше становится и таких деловых людей, которые начинают понимать, что в мире произошли большие перемены и что с ними нельзя не считаться. Никакая предвзятость и заведомая недоброжелательность не могут помешать тому, что идея широкой, ничем не ограничиваемой торговли с Востоком все решительней пробивает себе путь; в этом многие начинают видеть надежный способ избежать глубоких экономических потрясений. Теперь не редкость увидеть представителя делового мира, который полагает, что Соединенным Штатам следовало бы установить нормальные отношения со всеми государствами, независимо от их политического и экономического строя. Даже государственный секретарь Даллес, упорно толкующий о так называемом «искусстве» держать мир «на грани войны», даже и он чувствует, что назрела необходимость, как он выражается сам, «мучительной переоценки» нашей внешней политики. Следует, впрочем, заметить, что «мучительной» такая переоценка представляется скорее самому мистеру Даллесу, чем большинству рядовых американцев...

Как и в любой другой стране, подавляющая масса американцев больше всего хочет одного — мира. Однако далеко не всем ясно, каким путем этот мир может быть достигнут.

Годы «холодной войны» и военной пропаганды не могли не отразиться на психологии рядового американца. Недавно я познакомился с одним молодым человеком, преподавателем школы в Нью-Йорке. Разговаривая с ним, я мысленно старался составить представление о его психологическом облике. Этого учителя глубоко занимала судьба учеников; он судил обо всем скромно, без заносчивости; он глядел мне прямо в глаза и был, несомненно, искренен. Не могло быть никаких сомнений в его честности. И в то же самое время его мозг был загроможден несуразными измышлениями и самыми дикими предрассудками. Годами он привыкал верить, что всякого рода иллюзии — это реальная действительность, а сфабрикованная ложь — правда. Этот молодой человек с совершенно серьезным видом заверял меня, что Соединенным Штатам действительно угрожает «коммунистическая опасность» изнутри и «советский империализм» извне; и все это, вместе взятое, по его мнению, представляет «реальную опасность» для демократии, мира и т. п. Такие нелепые воззрения разделяются, к сожалению, многими американцами. Немало надо еще сделать в нашей стране для просвещения людей, для ознакомления их с действительными фактами.

Этот процесс просветления сознания уже начался; он развивается непрерывно. Прошлым летом я путешествовал с семьей на машине по всей стране. Я прибыл в штат Айова как раз в то время, когда там находилась советская сельскохозяйственная делегация. Было удивительно читать местные газеты: крупные заголовки на первых страницах выражали сердечное гостеприимство в отношении советских гостей; передовые статьи рассказывали о том, какие хорошие и дружелюбные парни эти русские. Мне то и дело говорили: «Знаете, наши фермеры и русские фермеры делают сейчас для мира не меньше, чем государственные деятели в Женеве».

В одном маленьком городке, где я остановился, чтобы купить какую-то мелочь, владелец лавки выложил на прилавок уже истершуюся на сгибах газету, быстро перелистал ее и ткнул пальцем в большую фотографию. На ней были изображены четыре человека в открытых летних рубашках, идущие по улице.

— Поглядите, — сказал он мне,— двое из этих людей — русские, а двое — наши. А ну-ка, покажите мне, кто гости, а кто хозяева.

Я не смог этого сделать. Лавочник улыбнулся.

— Ага, вы не можете! Это потому, что они такие же, как и мы...

Все большее число американцев начинает убеждаться в этой простой истине.

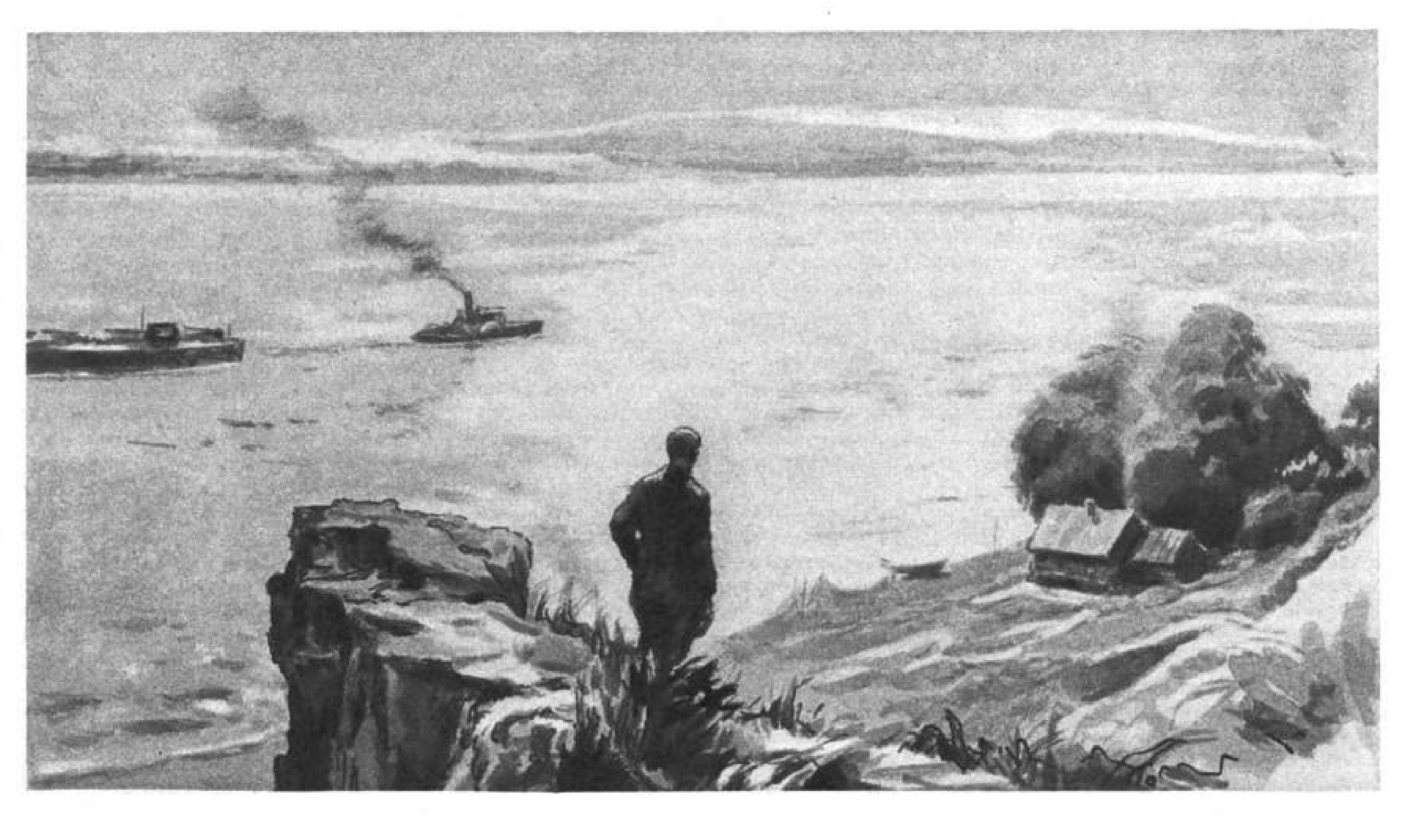

Нью-Йорк с высоты 64-го этажа.

Нью-Йорк. На бульваре.

Фото А. Софронова.

РОДОВЫЕ ЧЕРТЫ

Рассказ

Арс. РУТЬКО

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

День был безветренный, тихий, словно прислушивался к чему-то. Высоко в небе не то плыли, не то стояли облака, и такие же совершенно невесомые облака белели в глубине реки. В блеклой зелени берегов лежала Волга, синяя, безмятежная, задернутая дрожащей пеленой зноя. А вдоль правого берега прямо под ногами Федора тянулась желтая песчаная отмель — то самое место, где покровские ребятишки вот уже больше века доставали со дна гривенники да пятаки, учились, подражая отцам, нырять и плавать, ставить и убирать паруса, вязать морские узлы и петь песни про Волгу-матушку, постигая суровые азы своего будущего рыбацкого и матросского ремесла. Именно с этой отмели начиналась громкая слава покровских лоцманов и шкиперов, которая шла по Волге из века в век.

Именно у этой отмели сорок лет назад Алексей Никитич Яров столкнул с лодки шестилетнего Федьку, крича: «А ну, выдыбай, сынка! Выдыбай!» И мать бросилась следом за мальчишкой в реку.

Когда Федор, легко ступая, словно помолодев вдруг, вернулся к машине, шофер, наблюдавший за ним из кабины, улыбнулся всем своим веснушчатым мальчишеским лицом.

— Знакомые места, Федор Алексеич?

Шофер был новенький, ездил с Яровым первую неделю, ему простительно было не знать подробностей яровской биографии.

Яров ответил негромко:

— Родные.

— Тут прям и родились?

— Да... Хотя, извини, вру. Родился на барже где-то... Отец тогда водоливом ходил... Здесь по зимам жили.

— Живой?

— Кто?

— Ну, отец-то ваш...

— А-а... Живой. Вон его хоромина стоит.— Яров показал на бревенчатую избушку в тени огромного осокоря на берегу. И заторопился, словно синий дымок костра, поднимавшийся из-за избушки, позвал, поманил к себе.— Так вот, Миша... Приезжай за мной вечером, часов в десять. Ясно? Конечно, если не будет ничего такого... срочного...

— Ясно. Сюда прям и приезжать?

— Нет. Вон за теми березами в лощине Покровка. Спросишь там Дарью Васильевну Ярову.

— Это, Федор Алексеич, не мать ли вам будет?

Яров кивнул: да, мать.

— По личным делам, значит? — Миша снова улыбнулся.

И Яров не мог не улыбнуться в ответ. Как будто все, что он вот уже третий год делал здесь, неподалеку от своих родных мест, все, начиная с первых поездок по выжженным, безрадостным степям Заволжья, с бессонных ночей, проведенных над геологическими разрезами волжской долины, над тревожными картами далеких тектонических катастроф, до сегодняшних дней «большого бетона» и «ночных смотров»,— как будто все это не было для него личным делом!

Миша попрощался, включил мотор, и через минуту запыленный яровский вездеход скрылся за ближайшим бугром, оставив над его вершиной долго не таявшее облачко пыли.

Яров сломал тоненький прутик дикого вишарника и, стегая им по опаленным зноем, словно вырезанным из зеленой жести листьям молочая, пошел вниз. Тропинка круто сбегала к реке, и идти Ярову было трудно. Он с завистью и сожалением вспомнил рабфаковские и студенческие годы, когда так легко ходилось и бегалось по земле. Вздохнул и привычным движением обеих рук оттянул назад под тугим военным ремнем рубашку. Снял пиджак.

Гортанно кричали чайки, тихо плескались у берега мелкие неторопливые волны...

Яров пошел медленнее, поглядывая на бревенчатую избушку и стараясь угадать, кто это примостился у костерка на берегу. Избушка стояла на том же месте, где она стояла в далекие времена, когда Федор бегал по этим кручам еще мальчишкой. И так же, как тогда, валялись на берегу, у стен избушки, красные и белые бакены, и так же свежей рыбой и мокрой веревкой пахла сеть, раскинутая на кустах тальника, и так же ослепительно сверкало острие багра, прислоненного к бревенчатой стене.

Алексей Никитич увидел сына издали и встал от костра, отложив газету. Исподлобья повлажневшими глазами смотрел на Федора, как тот шел, широко шагая, сбив на затылок кепку. Неужели вот этот пожилой, солидный человек около четверти века назад ушел отсюда пареньком, почти мальчишкой, сказав на прощание: «Я, тять, вернусь. Выучусь и вернусь»?.. Как пролетели годы! Поди-ка, и Гордей был бы теперь вот таким орлом...

Старик сделал два шага навстречу сыну и, хмурясь, скрывая волнение, изо всей силы молча обнял его. Две — три секунды они постояли неподвижно, прижавшись друг к другу.

— Ну как, тять? — Откинувшись, Федор осмотрел отца и снова обнял. Тятей он называл Алексея Никитича редко, в минуты особенной душевной близости, памятные и дорогие обоим.— Здоров?

— А мне хворать по должности не положено.— Никитич усмехнулся, блеснули в бороде белые, как сахар, зубы. Освобождая из выреза воротника свою большую окладистую бороду, которую он прятал туда, оберегая от костра, старик весело подмигнул сыну:— Я ведь, Феденька, на своем-то плесе вроде заместителя господа бога. Как это завечереет, зажигаю звезды, ночь прочь — гашу,— и помахал рукой в сторону бакена, покачивающегося на воде недалеко от берега.

Был Алексей Никитич в просторной белой рубахе, заправленной в широкие штаны, босой, огромные ступни его загорелых ног тонули в песке. Большие кирзовые сапоги сохли, надетые на колышки по другую сторону костра.

— Не увольняет господь из своих заместителей?— пошутил Федор, рассматривая отца.

— Бог-то пока держит, не ссоримся... Люди вот скоро уволят. Разольется Волжское море, и звезды мои мелковаты окажутся...

— Это да! Придется тебе менять профессию.

Отец и сын еще раз обнялись, похлопали друг друга широкими ладонями по плечам, по спине. Затем старик вернулся к костру, подобрал газету, снял с костра котелок с пахучим рыбным варевом.

— Пойдем-ка, Федь, там у меня жданка есть!

В избушке, усадив сына за дощатый некрашеный стол, Никитич достал из настенного шкафчика голубую эмалированную мисочку и, вывалив в нее из котелка стерлядь, достал и расставил по столу бутылку и граненые зеленоватые стаканы. И только теперь Федор подметил то, чего не увидел сразу:

— Постарел, тятька, постарел! Ишь, голову-то как выбелило!..

В избушке как будто тоже почти все оставалось попрежнему. Только рядом с репродукцией репинских «Бурлаков» появился плакат, на котором шагающий экскаватор возвышался на краю глубокого, вырытого им котлована, а за ним простиралась утыканная колючками пустыня. Ниже висел неровно вырезанный из областной газеты портрет Федора.

— Давненько ты не бывал,— пожурил сына Алексей Никитич.

— Дела, тять...

— Н-да... Дел у тебя, понятно, много...— Помолчал.— Скоро, стало быть, перекроете... Затопит твое море дедову могилу?

— Затопит. На двадцать пять метров вода подымется.

— Высоконько... В двадцать шестом на четырнадцать в весну подпирала — и то море! — Старик подвинул к сыну стакан, мисочку с рыбой, сел.— Ну, со встречей, Федя.— Глянул сыну в голубые, все еще ясные глаза и вдруг посуровел, нахмурился.

Федор подумал, что, наверно, вспомнил отец о своем меньшаке, о Гордее, который не вернулся с войны и с которым старику никогда не придется вот так же посидеть за одним столом. Федор подавил вздох и, стараясь не встречаться взглядом с отцом, долго смотрел в окно, на реку. Ведь и ему, пожалуй, не меньше, чем отцу, был дорог строгий синеглазый мальчишка, с которым они вместе начинали жизнь.

— Мать как? — спросил Федор.

— Вершит! В Москву на сессию собирается... Ты, Федор, не обижай старуху, зайди.

— Затем приехал. Она ведь мне по телефону звонила. И всего-то сказала два слова: «Приезжай. Нужен». Что у вас там?

— А я и не знаю, о чем она. Колхозные какие-нибудь надобности. А я, по правде сказать, летом-то мало дома бываю... Дом-то как нежилой, вроде пустой скворечни. Походишь, походишь по нему — тихо да пусто... Вспомнишь, какая суматоха в нем до войны была, ну и того... опять на реку, к живому поближе...

— Люба не с вами живет?

— Нет, никак с гордеевой хибаркой расстаться не может... Как я, говорит, уйду: тут, дескать, каждый гвоздь его рукой вбит.

— Валерка как?

— Тянется. Растет.

Глядя на Алексея Никитича, Федор вспоминал далекий-далекий день. Солнце светит во всю свою весеннюю силу. Волга плещется. И отец, но не этот седеющий, сутулящийся старик, а молодой, ясноглазый богатырь, стоит у самого борта баржи и держит над водой на вытянутых руках мать, одетую в светлое, праздничное платье: пасха была, что ли. Отец смеется: «А хочешь, Дарь, я из тебя сейчас персидскую княжну сделаю?» Четырехлетний Федярка с замирающим сердцем смотрит на мать: неужели и в самом деле отец ее кинет «в набежавшую волну»? А мать без тени страха, спокойно и даже лениво просит: «Пусти-и, Леня! Весь полушалок измял... Сам же вытаскивать прыгнешь!»

Старик откинулся к стене, поглаживая свою каштановую, уже сильно поседевшую бороду, с уважением и гордостью глядя на сына.

— Ну, давай рассказывай...— Улыбнулся.— Тебя мальчишки наши строителем морей прозвали...

Федор тоже улыбнулся.

— Да ведь пока чего же рассказывать... Строим... бетон льем. В первой секции монтировать рабочее колесо начали. Вот перекроем матушку — море здесь будет...

— Это и без тебя известно...— Помолчал, спросил с чуть слышным сомнением: — А осилите? Она ведь вон у нас какая...

— Осилим.

Помолчали. Облокотившись о подоконник грудью, Никитич долгим взглядом обвел Волгу.

— Мо-ре! — сказал он медленно, как бы вслушиваясь в звучание этого короткого и ясного, но все-таки чужого ему слова.— Ты, Федь, поди-ка, ругать меня станешь, а ведь мне ее жалко, Волгу-то... Вот такую, как она есть... Я понимаю, конечно, от моря польза стране большая, неисчислимая, можно сказать, будет... И все равно жалко. Красоты ее жалко.

— Так ведь море красивее будет.

— Красота у моря другая, сынок... Волга-то, она совсем по-своему, по-особому, как-то породному красивая.— Никитич помолчал, прислушиваясь к негромкому плеску волн.— Конечно,— продолжал он, теребя бороду,— она и завсегда красивая была. И когда, скажем, Степан Тимофеевич по ней на стругах своих за свободой плыл, и когда она виселицы с его ватажниками назад, в понизовье, в родные, значит, ихние места несла... И когда дед твой покойный по этому вот бережку — мимо нас с тобой — с бурлацкой бечевой шел!.. Дело-то ведь, Федя, вот какое.— Он поднял на сына немного удивленные глаза.— Красота, должно быть, раньше не всякому человеку видна была. Что, скажем к примеру, отцу моему в красоте этой бессмертной, в сиянии этом, ежели у него голодная слюна во рту всю как есть жизнь да кровавая мозоль через плечи и грудь? А? Ну что она ему, красота? И кто он был? Бурлак. Слово-то ведь какое: бур-лак! А ведь это легко сказать: бурлак. Тянуть какую ни на есть посудину — это еще бы вниз по воде, по течению, ничего: пособила бы матушка по доброте и силе своей... а наперекор ей, встречу воды,— ну-ка спытай!.. Да ведь не день, милый, не два, а всю, в с ю жизнь! Конешно, ругали его: он, дескать, бурлак, как зверь, пьет. Да тут самого Христа в ту жизнь определи — запоем бы запил... И как же ему, опять скажем, отцу моему, не пить было, ежели он всю жизнь насквозь, от тряпичной соски до седой бороды, глаз к синему небу поднять не мог? Вот и светила ему вместо солнышка бутылка, а то и того меньше — шкалик, по заработку. Да... — Никитич вздохнул. — И умер ведь, как жил, в ярме. Упал на берегу, кровь горлом и — отдай концы! Так что на волжскую красоту, Федя, народу нашему только теперь досыта бы и налюбоваться...

Федор не перебивал отца, хотя историю жизни и смерти своего деда хорошо знал. Глубоко затягиваясь, он курил, посматривая в окно, на реку, на проплывавшие мимо огромные счаленные плоты. Медленно двигался, уходя за косяк окна, большой дощатый щит с красными буквами: «Лес—Гидрострою!»; двигались свежесрубленные домики с шестами антенны над одной из крыш, с развешанным на веревках разноцветным бельем.

Алексей Никитич отодвинулся от стола, скулы у него покраснели, влажно заблестели глаза.

— Знаешь, Федь, я ведь когда этой зимой в Москве был, к нему, к отцу то есть, на свиданку ходил...

— Как так?

— А в Третьяковку. Веришь ли, часа три перед картиной выстоял. Не могу уйти, да и все тут. Ноги не идут. Девица там при зале, девчонка такая черненькая, смотрительница, что ли... я так понимаю, даже беспокоиться начала. С одного боку на меня глядела, глядела, потом с другого. «Вы бы, — говорит, — дедушка, другие залы смотреть шли. А то не успеете, закрываем скоро». «А мне, — отвечаю, — милая барышня, другие залы и смотреть неохота. Видите, вон, — говорю, — бурлак, который впереди всех вышагивает? — И Алексей Никитич ткнул кулаком в картину за своей спиной.— Это, — говорю ей, — отец мой, родитель мой кровный. Покойный Илья Ефимович у нас прямо на берегу его срисовывал. Похож?» — спрашиваю. Посмотрела она на картину, потом на меня. «Есть, — говорит, — какие-то общие черты». «Вот, — отвечаю, — это самые наши, родовые, яровские черты и есть». — Алексей Никитич вздохнул всей грудью, звеня горлышком бутылки о стаканы, наполнил их. — И вот, веришь ли, Федя, никогда в жизни мне так горько не было, как перед картиной этой. Вроде, думаю, не люди срисованы, а скоты, животина упряжная... а тут же, между прочим, и тятька мой, который меня на руках носил... Я ведь его любил...

Алексей Никитич замолчал, взял из портсигара Федора папиросу, но не закурил ее, а принялся крутить между пальцами и крутил до тех пор, пока она не порвалась. Лицо у него стало суровым, резче обозначились на щеках вертикальные, уходящие в бороду морщины.

— И тебя, Федь, прошу: никогда ты эту картинку,— кивнул на репродукцию,— не забывай...

Чуть слышно плескались волны. Изредка у самого берега взметывались, спасаясь от щуки, рыбешки. Глухо доносились взрывы: на той стороне гор, на доломитовых карьерах Гидростроя, рвали камень.

Посидели молча, прислушиваясь к крику чаек, к звонкому плеску растущей, одевающейся пеной волны.

Неожиданно почти под самым окном раздался воинственный мальчишеский крик. Мимо окна мелькнули две головы: одна — белобрысая, с торчащими на макушке непокорными вихрами, и вторая — черноволосая, прикрытая дырявым, сбившимся на сторону зеленым лопухом. Но в распахнутую дверь прежде всего просунулась морда белого щенка с вывалившимся на сторону красным языком, и уж после этого на пороге появились мальчишки.

В одном из них, в светловолосом крепыше с синими глазами, Яров сразу узнал сына Любы. Столько было в мальчишке того, что Алексей Никитич называл «родовым, яровским», что ошибиться было нельзя.

— Деда! — крикнул Валерка и осекся, увидев Федора. Держась обеими руками за косяки двери, с трудом переводя дух, застыл у порога, тяжело дыша. И вдруг ослепительная, счастливая улыбка преобразила его лицо.

— Дядя Федя! — изо всех сил крикнул он и бросился к столу с такими сияющими глазами, что Федор почувствовал, как сильно у него застучало сердце. — Дядя Федя! Я тебя сразу узнал! Сережка! — Валерка стремительно повернулся к товарищу: — Вот это он и есть, строитель морей!

Федор засмеялся и крепко обнял мальчишку, прильнувшего к нему всем телом.

— Валерка! Милый мой! Да ведь ты на Витьку моего похож. Только тот черномазый.

— Кровь-то одна! — с гордостью и как бы сам про себя усмехнулся Алексей Никитич.

— Дядя Федя, а можно мы к тебе на Гидрострой приедем? Мы погостить только... А? — И синие лукавые глаза посмотрели на Федора с такой мольбой, что ответить отказом было невозможно.— Нам надо... мы ведь тоже...

— Конечно! А вот я и заберу вас с собой! — сказал Федор. И только сейчас, прижимая к себе худенькое, но крепкое тело Валерки, почувствовал вдруг, как много чего-то неповторимого, невыразимого никакими словами потерял он, оторвавшись надолго от отцовской семьи.

НА РУБЕЖЕ ДВУХ КОНТИНЕНТОВ

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Порт-Саид. Вход в Суэцкий канал.

Случайный спутник

— Леди и джентльмены! Мы покидаем небо Африки. Под нами Средиземное море. Высота полета — четырнадцать тысяч футов.

Голос из репродуктора, скрытого за драпировками, трижды повторил это сообщение: на английском, итальянском и французском языках.

Я посмотрел в окно. Только что взошедшее солнце светило откуда-то снизу. Справа еще виднелась желтоватая полоска африканской земли, она медленно таяла в голубой беспредельности моря и воздуха. Самолет британской авиационной корпорации совершал очередной рейс из Каира в Рим.

Мой сосед тоже взглянул в окно и тяжело вздохнул. Затем он вздохнул еще два раза, уже не глядя за борт. Мне показалось, что он с чем-то прощался. Сосед был англичанин, мы вместе проходили пограничный контроль, и он с удивлением посмотрел на мой паспорт в красной обложке. Ему явно хотелось поговорить, и в то же время что-то его смущало.

Наконец он спросил:

— Вам понравился Египет?

— О, да! Это страна большого будущего.

— Будущего?! Какого будущего? Я закрыл свое дело в Порт-Саиде.

— Почему?

— Не вижу будущего. Вернее, хорошего будущего. В пятьдесят втором году в моей конторе египтяне разбили стекла. Имейте в виду, что в то время на канале стояла стотысячная британская армия с танками и самолетами. Сейчас армия уходит. Могу ли я рассчитывать, что и в будущем я отделаюсь только выбитыми стеклами?

— Разве вам сейчас чинили препятствия?

— Нет, особых препятствий не было. Но у меня есть опыт. Я тридцать семь лет прожил на Востоке. Для бизнеса нужен порядок. А порядок на Востоке лишь там, где есть солдаты и пулеметы. Армия вынуждена уйти. Потому я и продал дело.

— Вы его продали египтянам?

— Нет, американцам. У них много денег, они могут рисковать. Но с меня хватит Востока. Я имею дом в Ливерпуле, кое-какие деньги в «Барклайс-банке». Поживу на островах. Хочу выходить из дому без опасений.

— А в Египте вы опасались?

Он дипломатично промолчал. Затем продолжал:

— На Среднем Востоке нет порядка, а солдаты уходят. Раньше у руководства имперской политикой стояли сильные люди. Они обеспечивали хороший порядок...

— Простите, но мне кажется, что египтянам не нравился такой «порядок» на их земле.

— Я знаю, вы красные, вы на стороне египтян.

Разговор наш на этом и кончился.

Стюард в белом фраке разносил утренний кофе, газеты, журналы. Лондонская «Дейли мейл» сообщала о выступлении государственного министра по иностранным делам Наттинга. Британский министр пытался изобразить колонизаторов «благодетелями» стран Востока. Несколько десятков лет тому назад, во времена, о которых тосковал мой спутник, государственные деятели выражались иначе. Они не обременяли себя излишним лицемерием.

— Когда вы минуете Суэцкий канал,— говорил лорд Китченер,— десять заповедей теряют для вас всякое значение.

Всего несколько дней назад я побывал в зоне Суэцкого канала, и сейчас вспомнились некоторые встречи.

Египетский документ

Под вечер мы покидали Исмаилию, направляясь в Порт-Саид. Не без труда выбравшись из узеньких, пыльных улочек города, мы попали в предместье, где живут служащие администрации Суэцкого канала. Сквозь густые кружева садов виднелись роскошные виллы и коттеджи с фонтанами и прудами. Здесь, на берегу озера Тимсах, находятся техническая дирекция канала, главная диспетчерская и штабы английских воинских частей.

Проехав вдоль канала километра два по шоссе, ведущему в Порт-Саид, мы вынуждены были остановиться перед большим щитом. Надпись на трех языках извещала проезжих: «Дорога частная. Собственность компании Суэцкого канала». Путь преграждали железные бочки с песком, поставленные в несколько рядов, как солдаты. Лишь в середине был узкий извилистый проезд. Человек в штатском поднял руку, остановил машину и, поглядев на каирский номер автомобиля, справился, кто мы и куда едем.

Я предъявил ему бумагу, выданную министерством национальной ориентации Египетской республики. Она была написана по-арабски и начиналась словами: «Всем, кого это касается...» Далее в ней предписывалось оказывать помощь и содействие.

— Очень сожалею, но я не могу вас пропустить.

— Почему?

— Здесь опасно ехать,— сказал чиновник, помешкав.

— Другие машины едут.

— Это наши машины. Я очень сожалею, но вам придется ехать по другой дороге, через пустыню.

Мы вернулись в Исмаилию и поехали через пустыню, делая изрядный крюк.

На следующий день мы возвращались из Порт-Саида и снова поехали вдоль канала. Снова бочки с песком, надпись и будка. Из нее вышел рослый смуглолицый египтянин в форменной фуражке с вензелями компании канала. Посмотрев бумагу, он весело сказал:

— А, руси! Хотите кофе?

— Спасибо, но мы торопимся.

— Сейчас я выпишу вам пропуск.

— Имейте только в виду, что джентльмен на противоположном конце дороги вчера не разрешил нам здесь проехать.

— Он был египтянин?

— Нет.

— Здесь Египет?

— Египет.

— Вы поедете вдоль канала.

И мы поехали вдоль канала.

Двадцать минут

Суэцкий канал — граница двух материков, Африки и Азии. От Порт-Саида и почти до самой Исмаилии это идеально прямая

линия, ее называют «стрелой» канала. От горизонта до горизонта по желтой земле протянулась широкая синяя полоса морской воды. Рядом с ней идет пресноводный канал, такой же ровный, но узкий и мелкий,— это артерия, которая тянется от самого Нила и поит все живое. Серая лента шоссе плотно зажата между двух каналов.

Мы едем быстро. Навстречу то и дело попадаются британские военные машины песочного цвета. Одна из них свернула и въехала во двор лагеря. Его территория обнесена несколькими рядами колючей проволоки на бетонных столбах. Дальше идет проволока, свернутая в длинные спирали, затем еще какие-то колючие хитросплетения. По углам на вышках прожектора и пулеметы. За проволокой люди в хаки.

Едем дальше. Большая деревня. Убогие лачуги, слепленные из земли, на которой они стоят в обнимку, прижались друг к другу. На краю деревни ослепительно белая трехэтажная школа. Рядом с лачугами она кажется еще выше и красивее. Эта школа построена здесь в прошлом году молодой республикой.

А вот снова колючая проволока. Но солдат здесь нет. Люди в длинных белых рубахах кирками разбивают полукруглые бункеры — казармы с маленькими окнами. Мы останавливаемся, и мой товарищ затевает разговор с суданцем в сильно поношенном европейском платье и с красной феской на голове.

— Что они делают?

— Ломают.

— Зачем?

— Там были английские солдаты.

Ехали мы примерно двадцать минут. За это время перед глазами промелькнули картины, которые показались символичными: прошлое, настоящее и будущее страны.

У Красного моря

Мы долго ехали по желтой пустыне. Вдруг впереди горизонт стал синим: это был Суэцкий залив.

В нескольких километрах от Суэца на дороге застава: прямоугольные земляного цвета домики. На высокой мачте флаг египетской кавалерии.

— Последний раз, когда я здесь был в 1952 году,— сказал наш шофер Хусейн,— на этой мачте висел британский флаг. Из-за мешков с песком торчали пулеметы, египтян дальше не пропускали. Сейчас английские солдаты уже ушли отсюда.

Большинство египетских городов похожи друг на друга. Но Суэц обладает своеобразием портового города. Собственно, здесь было два порта: Порт-Ибрахим, где обычно разгружаются суда с аравийской нефтью, и Порт-Тауфик, расположенный непосредственно у входа в канал.

Мы миновали бетонную автостраду, которая проложена по узкой отмели и соединяет город с Порт-Тауфиком. Машина остановилась в том месте, где берет начало Суэцкий канал. Он начинается незаметно: вокруг много воды, одна ее полоска с замощенными берегами и есть канал.

Между желтой пустыней и фиолетовыми Синайскими горами лениво плескалось Красное море — самое соленое на земле. Вода зеленовато-синяя, и название моря казалось нелепым. Множество пароходов стояло на рейде, дожидаясь очереди войти в канал. Между ними сновали буксиры и лихтеры. Они подвозили к судам топливо, пресную воду и продовольствие. Белые паруса рыбачьих фелюг бесшумно скользили по заливу. Здесь много рыбы, и особенно знамениты креветки. Один каирский знакомый, потчуя меня крупными красными креветками, похожими на большие раковые шейки, приговаривал:

— Это креветки с Красного моря. Самые лучшие в мире.

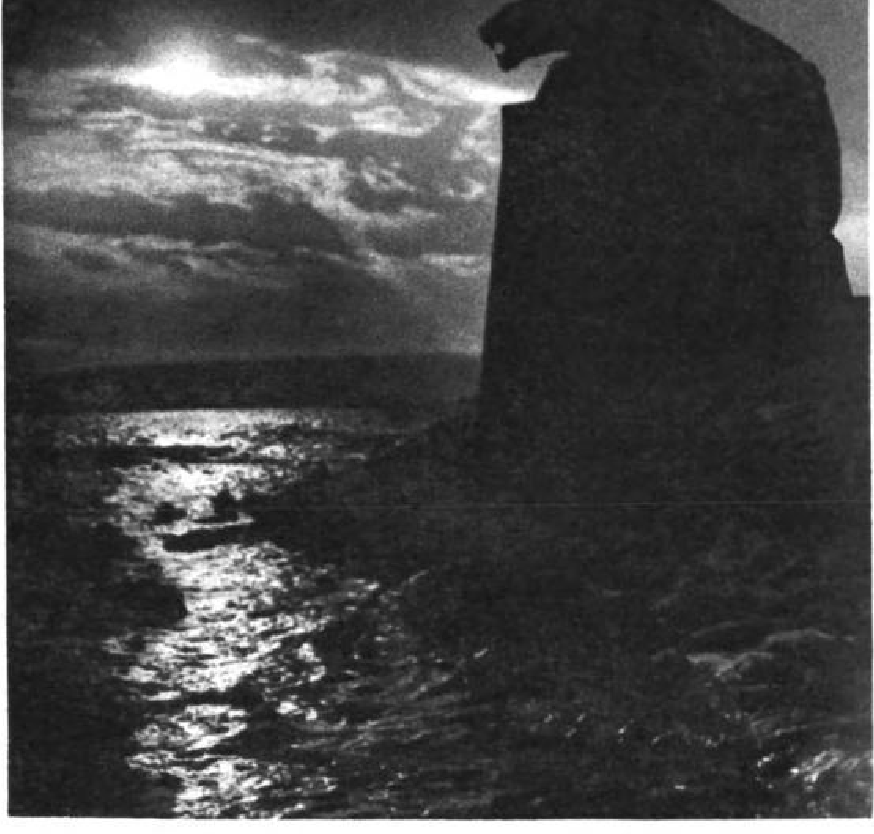
На другой стороне бухты у подножия Синайских гор курились трубы нефтеперегонных заводов. Их было три: маленький — египетский, большой — английский и совсем новый, еще, кажется, достраиваемый, — американский. Мой спутник указал на заводы:

— Не правда ли, очень похоже на диаграмму египетской экономики?

Был отлив. Море медленно опускалось на полтора метра, обнажая у берега скользкие, мокрые камни. Подросток лет четырнадцати сидел на корточках у самой воды и пристально смотрел в море. Повыше, на камне, устроился пожилой египтянин, он курил длинную трубку. Едва мы приблизились, мальчик сжался, метнул недобрый взгляд, потом вскочил и, отбежав подальше, снова уселся у воды.

— Оставьте его, джентльмены,— сухо сказал египтянин с трубкой.— У него европейцы убили родных — мать, отца и брата.

Старый египтянин кратко сообщил историю подростка. Семья жила в деревне Кафр Абду — предместье Суэца. В то время шла партизанская борьба в зоне канала. Вечером 2 декабря 1951 года в деревню ворвались английские солдаты и стали выгонять всех жителей из домов, объявив, что селение будет взорвано. Отец не хотел уходить и куда-то спрятался, очевидно, надеясь спасти кое-что из своего имущества. Через несколько часов деревня Кафр Абду взлетела на воздух. Отца мальчика больше не видели. Старший брат мальчика стал партизаном. Его нашли убитым спустя три недели. Через два дня после разрушения Кафр Абду по улицам Суэца шла траурная процессия. Хоронили египтян, убитых во время вооруженного столкновения в городе. Мать и сын, лишившиеся крова, стояли на углу улицы и глядели на процессию, когда вдруг застрекотали пулеметы английских броневиков. Женщина упала, сраженная насмерть. Ребенка приютили рыбаки. Вот и все.

На берегу залива.

Тост в Порт-Саиде

Тихим теплым вечером африканской зимы мы приехали в Порт-Саид. Длинные лучи маяка, как мечи, рассекали темное небо. Бухта искрилась огнями многочисленных судов. Легкий ветер приносил соленый запах моря.

Несмотря на поздний час, магазины были открыты. В порту отдали якоря два больших белых парохода. А часы торговли в этом городе определяются прибытием пассажирских судов.

По улицам разъезжали «джипы» британской военной полиции. Дюжие парни в пурпурных фуражках, с красными шнурами через плечо вылавливали подвыпивших солдат.

Мы зашли поужинать в небольшой итальянский ресторан. На эстраде греческая певица пела веселые матросские песенки. За соседним столиком два английских солдата громко разговаривали между собой. Они были уже сильно «навеселе».

— Билл прислал письмо сержанту. Он уже дома.

— Везет.

— А когда мы отсюда отчалим?

— Говорят, в мае. Только вряд ли домой.

— А куда?

— Мало ли куда...

— Эй, гарсон! Еще два виски!

Черный нубиец в белой рубахе-галабии с зеленым поясом и в красной феске принес им стаканчики.

— Мой тост,— сказал солдат,—

Улица в Порт-Саиде.

за то, чтоб мы отправились домой.

Они выпили. Я подумал, что к этому тосту присоединились бы все арабы.

Долой военные пакты!

Однажды в Каире стало известно о намерении иорданского правительства Маджали[1] присоединиться к багдадскому пакту. Утром в холле гостиницы «Континенталь» меня встретил знакомый французский журналист.

— Слышали новость? Студенты заняли иорданское посольство и никого туда не пускают.

— С какой целью?

— Они выражают протест против присоединения к пакту.

Мы решили проверить это известие и пошли к телефону. Произошел следующий разговор:

— Иорданское посольство? Попросите, пожалуйста, пресс-атташе.

— Его здесь нет.

— Тогда советника.

— Его тоже нет.

— А кто же есть?

— Мы, студенты. Сейчас позову старшего.

Старший сообщил, что в посольстве собрались все иорданские студенты, которые учатся в Каире; они не уйдут до тех пор, пока правительство не изменит решения, против которого весь иорданский народ.

Мой французский коллега поспешил на телеграф, а я поехал на остров Замалек, где находится иорданское посольство, чтобы посмотреть, как это выглядит.

За оградой — сад, в саду — красивый особняк на берегу Нила. У ворот большой наряд полиции с ружьями. Полицейские скучают. Одни индифферентно стоят, прислонившись к ограде, другие сидят на тротуаре, поставив ружья между коленями.

— Можно войти?

Полицейский безразлично пожал плечами. Я вошел.

В саду и на лестницах особняка множество молодых людей. Они сидят группами на траве, на ступеньках. Возбужденные лица, энергичные жесты. Кое-кто уткнулся в книгу, очевидно, в учебник. Я сделал снимок. Подошли несколько человек и стали, перебивая друг друга, говорить, что они протестуют против решения правительства, что они будут бороться...

Спустя три дня на улице Сулейман-паша у входа в здание департамента информации ко мне подошли три молодых араба.

— Вы у нас были в посольстве, помните? Мы иорданские студенты и сейчас идем к генеральному директору департамента информации полковнику Хатыму сообщить о нашем новом решении, — сказал один из них, Мухаммед Катиб, студент факультета права Каирского университета.

Он рассказал, что все иорданские студенты, которые учатся в Египте, Сирии и Ливане, решили через несколько дней собраться в Дамаске и оттуда двинуться походом на Амман — столицу Иордании.

— Вчера,— взволнованно говорил Мухаммед Катиб, — к нам добралась из Аммана через Дамаск наша студентка. Вы не представляете, что делается в стране. Поднялся народ. Купцы закрыли лавки, в школах нет занятий, не прекращаются демонстрации протеста. Во главе колонн идут девушки. Против демонстрантов брошены войска Глабба[2] и полиция. Задача нашего похода — поддержать народ Иордании в борьбе против империалистов.

Пожимая на прощание руку, он добавил:

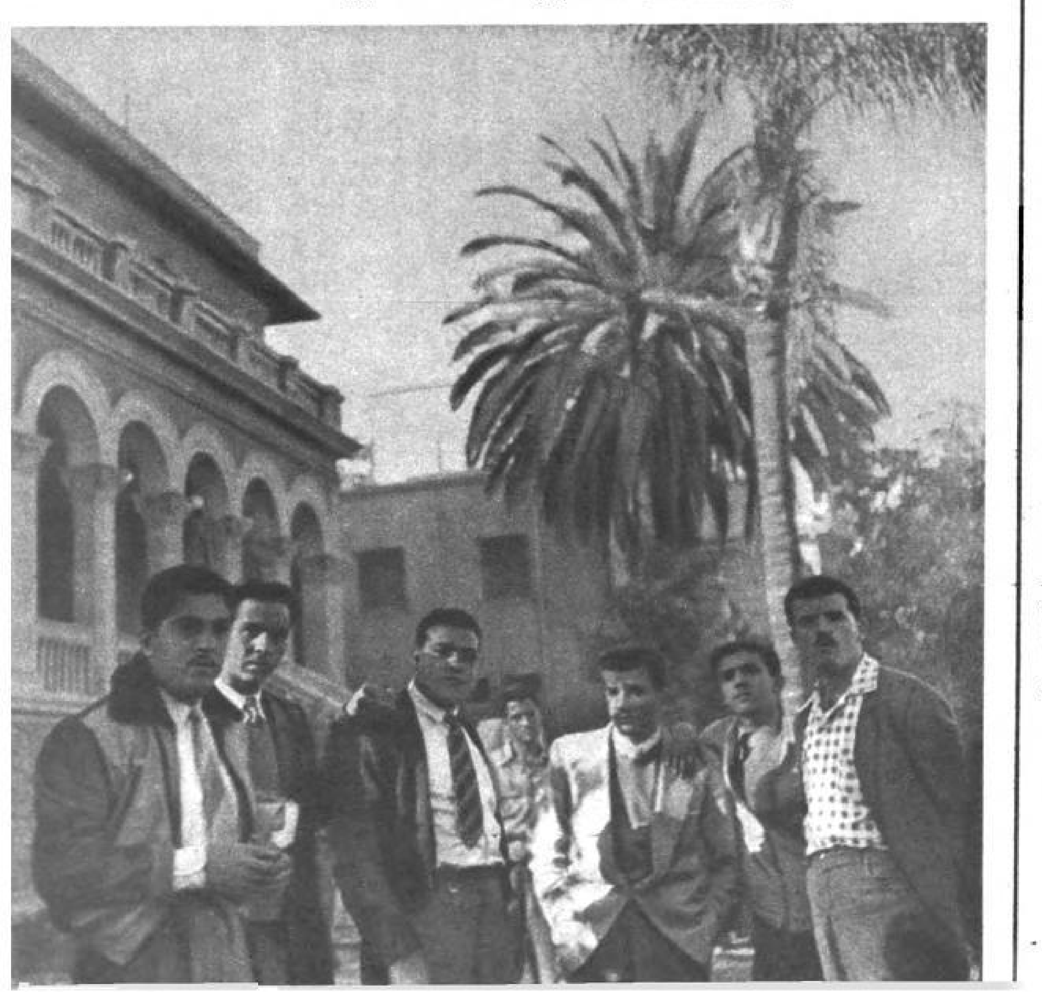
— Мы будем бороться до конца!

Я больше ничего не слышал об этом походе. Но весь мир знает, что попытка империалистов втянуть Иорданию в багдадский пакт, который премьер-министр Египта Гамаль Абдель Насер назвал тюрьмой для народов, встретила решительный и мужественный отпор иорданцев.

[1] Правительство Маджали — марионеточное правительство, получившее на время власть с помощью английского эмиссара, генерала Темплера.

[2] Глабб — английский офицер, командовавший так называемым «арабским легионом».

Студенты возле иорданского посольства.

В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

К 30-летию со дня смерти Д. А. Фурманова

В течение многих лет я собирал коллекцию фотографий, на которых запечатлен облик Дмитрия Андреевича Фурманова в разные годы его жизни. Однажды мне довелось познакомиться с женщиной, которая была ближайшим другом писателя в его юные годы, с Натальей Сергеевной Соловьевой. Она рассказала много интересного об этой поре его жизни, познакомила с письмами, которые он посылал ей довольно часто. Кроме того, Дмитрий Андреевич отдал Соловьевой на память много писем, адресованных им к своим родителям. Эти письма говорят о мечтах и стремлениях Фурманова, о его взглядах на жизнь, наконец, о его отношении к родителям, о котором очень противоречиво рассказывают биографы писателя.

Большинство писем Фурманов отправлял в село Новинское, бывшего Кинешемского уезда, нынешней Ивановской области, где Соловьева заведовала начальной школой. В село Новинское он не раз приезжал и сам, во время каникул в Кинешемском реальном училище, а затем и в Московском университете. В эти дни он любил бродить по лесам и лугам с деревенскими ребятишками. Здесь он зачитывался Мельниковым-Печерским, Лесковым, Львом Толстым и Чеховым.

Находясь в разлуке с Н. Соловьевой, Фурманов продолжал писать ей письма, посылал много лирических стихов, небольших рассказов и зарисовок. Одно стихотворение содержало критику буржуазных нравов. Это стихотворение, полное горькой иронии, начиналось так:

Для жизни нужны золото и шпоры,
Без денег умница — дурак...

Письма Фурманова показывают формирование его взглядов на жизнь. В 1914 году Фурманов уходит на работу в лазарет и вскоре с санитарным поездом № 209 отправляется на фронт. Здесь он понял империалистический характер войны. Уже 13 сентября 1914 года Фурманов писал Соловьевой: «Я говорил тебе, что лазаретная работа захватила, что душу всю мою заполнила — так это, кажется, я только сам себя уверил и обманул. На деле не то: пусто и даже как-то мерзко самому от этой пустоты».

Примерно то же он писал в 1915 году матери: «Сидишь вот и гадаешь, словно старуха на бобах, а на деле — на деле ничего-то я не знаю, ничего не понимаю в этой драме... Вам гадать не приходится: вас питают газеты, поющие, словно поломанная шарманка, все одну и ту же фальшивую песню о нашем благополучии. Эта песня, как усыпляющая коварная песня сирены, завела нас в Карпаты, откуда миллионы страдальцев выбрались только потому, что они русские и привыкли ко всякому горю. Ведь на нашем месте другой народ погиб бы целиком».

Уже в середине 1916 года Фурманов едет в родной город Иваново-Вознесенск, в город славных революционных традиций, в город, где после революции он рука об руку работал с М. В. Фрунзе — сначала в губисполкоме, а потом в губкоме РКП(б). Из этого города по зову В. И. Ленина Фурманов ушел вместе с лучшими текстильщиками-коммунистами бить Колчака, воевать в рядах Чапаевской дивизии. Комиссар этой легендарной дивизии, он взволнованно рассказал о героике гражданской войны в книгах «Чапаев» и «Мятеж», ставших любимыми книгами советских людей.

Г. ГОРБУНОВ

На взлете

В крымском альманахе в 1950 году появились первые стихотворения военного летчика Николая Криванчикова. Это была, скорее, творческая заявка начинающего писателя, но и тогда они подкупали свежестью голоса, искренней взволнованностью.

Спустя три года вышел первый сборник стихов молодого поэта — «Орлиный край», а недавно в Крыму издана новая книжка Н. Криванчикова—«Стихи о небе и море».

В стихотворении, открывающем этот небольшой сборник, поэт мечтает:

...Давай напишем так, чтоб —
тронь листок,
где все на первый взгляд
давно знакомо,
мгновенно из-под пальцев
брызнет сок
некошеной травы аэродрома;
давай напишем так, чтоб даже тот,
кто в жизни выше крыши
дома не был,
почувствовал, как рвемся
мы в полет,
как на земле тоскуем мы по
небу!

И новый сборник Николая Криванчикова радует прежде всего тем, что поэт умеет во многих своих стихах заставить читателя ощутить и увидеть то, что чувствует и видит он сам.

Вместе с поэтом мы ощущаем «полынный ветер взлетной полосы», видим за окном виноград, что, «как котенок, поводит усами», чувствуем скрип снега и «перестрелку сучьев» в зимнем лесу, видим, как под ногами вертится поземка «и дыбом подымают шерсть унты», слышим, как на севастопольском братском кладбище «в разбитом мозаичном храме, как дети, плачут сквозняки...»

Влюбленный в профессию летчика, Н. Криванчиков верен и ей и избранной теме. Он умеет ярко и тепло рассказать о боевых буднях, о своих друзьях, их чувствах и сокровенных думах. Герои его цельны, мужественны, жизнерадостны; они горячо любят свою Отчизну, любят жизнь, какие бы суровые испытания ни стояли на их пути. Им близко и дорого все, чем живут советские труженики, но они помнят, что еще не настал «срок снимать стоянки» боевых самолетов.

Радует творческий рост молодого поэта. От стиха к стиху, от книжки к книжке крепнет и мужает поэтический голос Н. Криванчикова, совершенствуется его мастерство.

Евг. ПОПОВКИН

Николай Криванчиков. Стихи о небе и море. Крымиздат. Симферополь. 1955. 74 стр.

Люди дружбы и подвига

Слово «друг» звучит одинаково на многих языках народов нашей страны. Друг, драугс, драугас, друже, говорят русские, латыши, литовцы и белорусы. Тема братской дружбы, интернациональной солидарности трудящихся становится одной из главных тем нашей литературы.

«Братская поэма» Э. Межелайтиса, выпущенная недавно в Вильнюсе на русском языке,— это развернутое поэтическое повествование об одном замечательном событии нашего времени, о строительстве гидроэлектростанции «Дружба народов» на берегу синей Друкши. Стройка велась тут на границе трех республик — Латвии, Литвы и Белоруссии. Строителям помогала вся страна.

В поэме Э. Межелайтиса много образных описаний природы, лирических отступлений, картин прошлого и настоящего, но основное достоинство поэмы в том, что ее населяют живые люди.

«Пока в стихах людей не будет, поэму я не сдам в набор»,— заявил поэт в одной из первых глав.

Читателю наверняка запомнится образ литовца Саулюнаса, бывшего воина, романтически увлеченного стройкой, светлой советской новью. Полюбится ему и белорусская девушка-трактористка Алеся; в поэме уделено ей вроде бы и не очень много места, но сказано о ней вдохновенно.

В поэме не все одинаково хорошо — местами она растянута, кое-где риторична, но в целом произведение, несомненно, удалось,— поэт рассказал о своих героях эмоционально, с душевным подъемом.

Сильное впечатление производит сцена поединка между энтузиастом стройки Даниелюсом и вражеским ставленником Паукште. Борьбу двух противоположных сил автор умеет показать и в большом и в малом. Вот он ведет рассказ о лодыре, который только и думает, как бы поспать лишний часок или раньше времени улизнуть с работы. И даже в этом, казалось бы, мимолетном факте, поэт подымается до большого обобщения:

По курантам по
кремлевским
Просыпается народ,

А по «луковке»
ксендзовской
В это время храп идет.

Произведение кончается глубоким раздумьем поэта над судьбами Родины, ее людей. О ком бы из своих соотечественников ни подумал поэт, для каждого у него найдется доброе, человеческое слово:

Ждет товарищ меня в
Ереване
И украшенный розами
стол,—
Я стихи ваши, братья
армяне,
На литовский язык
перевел.

Образы поэмы выражают идею великого братства простых советских людей.

В. ТЕЛЬПУГОВ

Э. Межелайтис. Братская поэма. Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР. Вильнюс. 1955. 195 стр. Перевод с литовского Андрея Кленова. Художник — И. Кузминскис.

Встречи в дороге

Новый сборник украинского поэта Миколы Нагнибеды, «Встречи в дороге», представляет собой поэтическую запись того, что поэт увидел в дороге. А поэт ездит много и многое видит.

Вот он встречает молодую украинку, бывшую радистку партизанских отрядов Ковпака. Она до сих пор любит своего погибшего друга — белоруса. Эта любовь привела нежную переяславку в белорусское Полесье, туда, где жил ее любимый, но не для горьких воспоминаний, а для того, чтобы занять его рабочее место — место лесничего. Маленькая повесть написана с большим чувством.

Дальше Микола Нагнибеда уже среди днепровских плотогонов, дунайских рыбаков, в городе-герое Севастополе. Везде поэт находит краски, характерные именно для этого края, старается увидеть черты, характерные для его людей. Здесь хорошо и уместно проводятся исторические параллели, например, в стихотворении «Срібна коса».

Во многих стихах первой части книги звучит тема Великой Отечественной войны. Но эта тема всегда связана с сегодняшними делами и чувствами героев («Лісова балада», «Зустріч з бригадиром»).

Здесь же есть несколько стихотворений слабых («Пісня дружби», «В будиночку В. Г. Короленка в Полтаві», «На московському вокзалі»), но их немного, и не они определяют звучание интересного первого раздела книги «Зустрічі в дорозі».

Правдивы, исполнены настоящего лиризма и человеческой теплоты стихи второго раздела сборника — «Катерина». Поэт обращается к своей маленькой дочери, раздумывая о ее будущем, о ее доле.

В одной украинской народной песне рассказывается о том, как женщина, растратив свои молодые годы, просит их вернуться к ней, хотя бы в гости. Поэт, как бы вспоминая эту песню, говорит:

Ото ж і хочу я, дитя,
Щоб в тебе сили стало
Прожити так своє життя,
Щоб у душі сіяло.

А прийде осінь золота,
Щоб мужні, чесні, прості —
Не марно страчені літа —
Ішли до тебе в гості.

Как в стихотворении «Бажання», так и в стихах «На лузі», «Колискова», «Хліб» идет серьезный разговор много видевшего в жизни человека с маленькой девочкой, разговор искренний и поучительный.

Интересный сборник стихов Миколы Нагнибеды прочтут и запомнят наши читатели.

Платон ВОРОНЬКО

Микола Нагнибеда. Встречи в дороге. На украинском языке. Киев. 1955.

От всего сердца

Белорусскую советскую поэзию знают и ценят самые широкие круги наших читателей. Они любят ее народность, песенность, лирическую проникновенность, все то, что называется обаянием. Белорусская советская поэзия идет от народа, и у нее такие прекрасные черты этого народа, как скромность, внутреннее достоинство, любовь к жизни, трудолюбие, песенный дар, юмор.

Эти черты есть в поэзии выдающегося белорусского поэта Петруся Бровки, сборник избранных произведений которого недавно выпущен Гослитиздатом.

Глубоко и сильно любит поэт свою Советскую Беларусь, ее криницы и пущи, ее милое раздолье с индустриальными городами, с колхозными селами, нивами, со всей неповторимой прелестью белорусского пейзажа.

Земля белорусская! Песней-веснянкой
Несешься ты с ветром по струнам ветвей.
Ты — песня, звучащая нам спозаранку
Над каждым пригорком, на каждой
полянке,
Ты — наша поэма из слов-янтарей!

Творчество Петруся Бровки разнообразно по жанрам и поэтической палитре. Поэт хорошо владеет сюжетом, свободно переходит от песни к декламационным интонациям, от интимного разговора — к пафосному звучанию или к иронии.

Герои поэзии Петруся Бровки — простые люди труда, коммунисты, землепашцы, солдаты, осушители болот, строители городов и сел, его товарищи и братья. Их думы и чаяния близки и понятны поэту, он хорошо знает жизнь, неустанный труд, радость и заботы своего народа.

Но поэзия Петруся Бровки отнюдь не замкнута в границах своей страны. Она интернациональна. Достаточно указать хотя бы на такие стихи: «Там, где был вождь», «Яро! Яро!», «Я вспомнил сегодня», «Смело, товарищи, в ногу!», «В Бухаресте», «Слава дружбе».

В стихах и поэмах военных и первых послевоенных лет еще ярче раскрылась тесная, органическая связь поэзии Бровки с народным творчеством. Стихотворения «Надя-Надейка», «Кастусь Калиновский», «Брат и сестра», «Возвращение музыканта» и многие другие народны, как говорится, «по самой строчечной сути».

Общеизвестна роль зачина в стихах и песнях. Петрусь Бровка хорошо владеет им. Вот, например, как естествен, прост зачин стихотворения «Стася»:

Зацветает над Вислой
Голубой барвинок.
Бродит Стася по саду,
Собирает венок.

Кроме стихотворений, П. Бровка написал ряд поэм: «Катерина» «Беларусь», «Ясный Кут», «Хлеб» и др.

У каждой книги — своя судьба. Не сомневаемся, что у патриотической, по-настоящему народной книги талантливого белорусского поэта Петруся Бровки судьба будет большой и светлой.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Петрусь Бровка. Стихотворения и поэмы. Гослитиздат. Москва. 1955. 407 стр.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ПАНОРАМА

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ,

действительный член Академии художеств СССР

Прошло полтора года с того торжественного дня, когда художественное сокровище — возрожденная панорама «Оборона Севастополя» — было возвращено народу.

Полвека назад академик живописи Ф. Рубо изобразил на этой панораме главнейший эпизод одиннадцатимесячной осады Севастополя — блестяще отбитый русскими войсками штурм Малахова кургана. Правда, суровая правда была главным и великим достоинством произведения, созданного Ф. Рубо.

В 1942 году фашистские захватчики варварски разрушили и сожгли этот памятник русской славы. Герои-матросы спасли из огня лишь обгорелые остатки панорамной живописи.

К восстановлению панорамы художники приступили с огромным волнением. Возродить иногда труднее, чем создать. Для того, чтобы начать возрождение панорамы «Оборона Севастополя», понадобилось обратиться к военно-исторической науке. Требовалась помощь авторитетнейших консультантов, которые могли бы с точностью выяснить сложившуюся 6 июня 1855 года стратегическую обстановку, состояние укреплений Малахова кургана и других бастионов. Надо было дать художникам ответы на многие вопросы: дислокация неприятельского флота; позиция сохраненных русских кораблей, принимавших участие в обороне города; направление и характер артиллерийского огня, расположение, тип земляных и других укреплений воюющих сторон и многое, многое другое. Всю эту большую и сложную научную работу провела группа военных историков под руководством адмирала флота И. С. Исакова.

Здание панорамы «Оборона Севастополя».

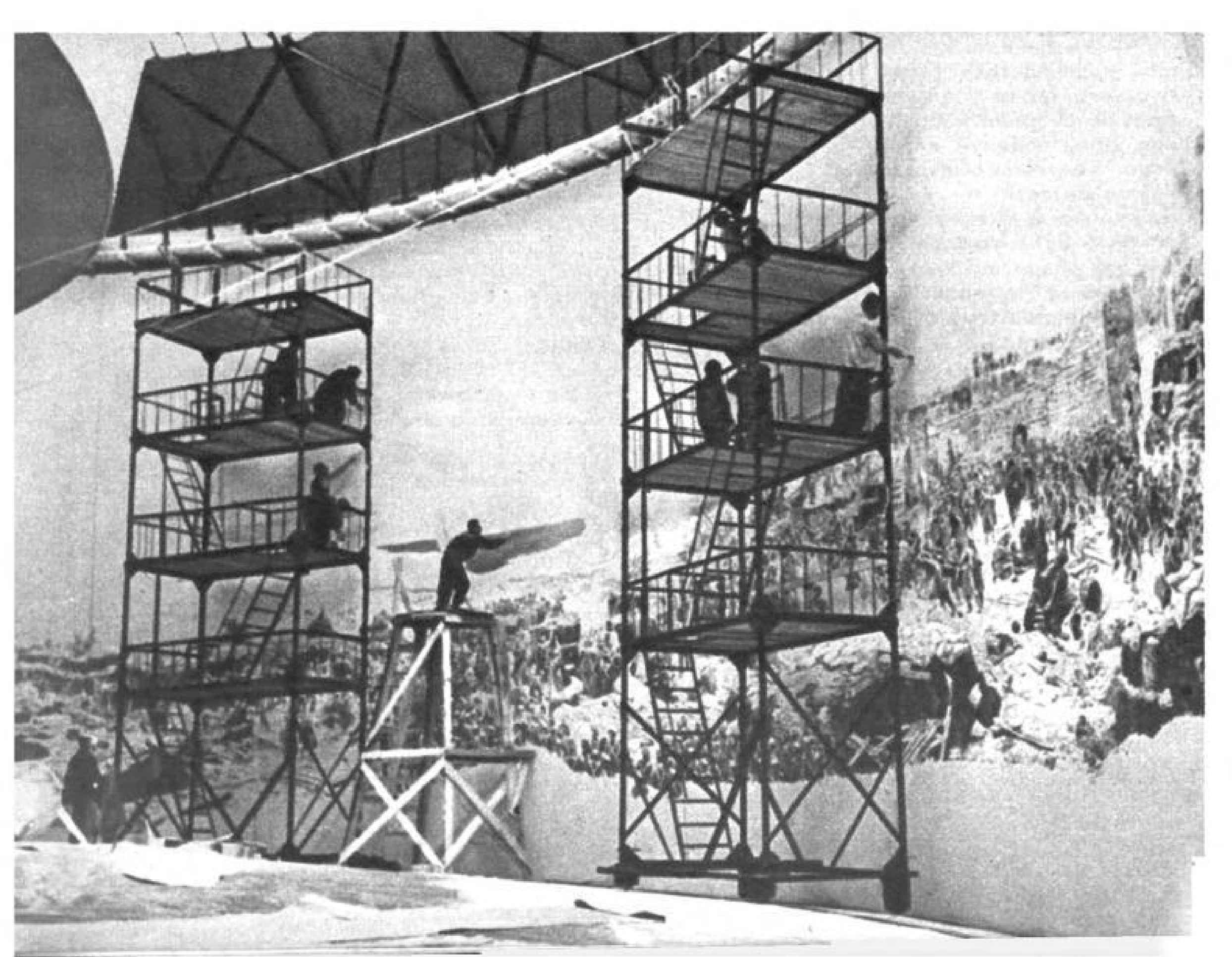
Вооруженные точными историческими сведениями, художники смогли приступить к созданию так называемого объемного плана, насыщенного интересными деталями. К объемному плану мы подошли как к рассказу о событиях, которые будто бы только что произошли перед зрителем: от неприятельской бомбы загорелся офицерский блиндаж и дневальный тушит пожар; в кухне-землянке повара под грохот канонады готовят скудный солдатский обед; вечным сном спит сраженный в бою солдат, покрытый серой шинелью, у иконы теплится свеча, а рядом, может быть, его походный ранец и недописанное письмо семье.

Старая, избитая каменистыми дорогами Крыма повозка, только что доставившая тяжелораненных, как бы вводит зрителя в живописное пространство панорамы. Кругом гремит бой, так правдиво описанный Л. Н. Толстым и С. Н. Сергеевым-Ценским, а здесь, на скате балочки, перевязочный пункт. Недостает медикаментов и перевязочного материала, раненые сами обслуживают друг друга. Сюда приехал знаменитый русский хирург Пирогов...

Этой сцены не было в прежней панораме, не было и ряда деталей в изображении боя на 3-м бастионе и некоторых боевых и бытовых эпизодов — они включены в панораму советскими художниками. Нам хотелось как можно больше рассказать о великой обороне с тем, чтобы зритель, получая целостное общее впечатление, мог вместе с тем разглядывать при помощи бинокля отдельные эпизоды и на дальних планах.

Воссозданием панорамы занималось восемнадцать художников. В большом коллективе каждый из нас нашел свою тему, смог проявить свои привязанности, склонности и способности. Один изображал первые планы на полотне, где происходит слияние рисунка и объемных предметов. Другой, художник-декоратор, расписывал объемные предметы. Живописно обработанные им пушки вводили в заблуждение даже артиллеристов — они принимали их за подлинные чугунные орудия. Исполнением в целом предметного плана, ставшего более совершенным по исторической достоверности и художественности, занималась группа художников, и каждый дополнял друг друга. Задолго до окончания работы мы с тревогой ждали, что скажут севастопольские старожилы. Их критика могла нам помочь приблизить панораму к воссоздаваемому подлиннику. Мы были глубоко удовлетворены их оценкой: большинство наших «судей» не верило, что произведение создано заново на новом холсте. Дополнения, введенные в композицию панорамы, были одобрены севастопольцами.

16 октября 1954 года в здание, где разместилась панорама «Оборона Севастополя», пришли первые посетители. Никогда раньше этот памятник доблести русского народа не видел столько зрителей. Ныне их число уже перевалило за полмиллиона. Среди них много зарубежных гостей. Экскурсанты оставляют записи, полные благодарности Советскому правительству за возрождение панорамы «Оборона Севастополя».

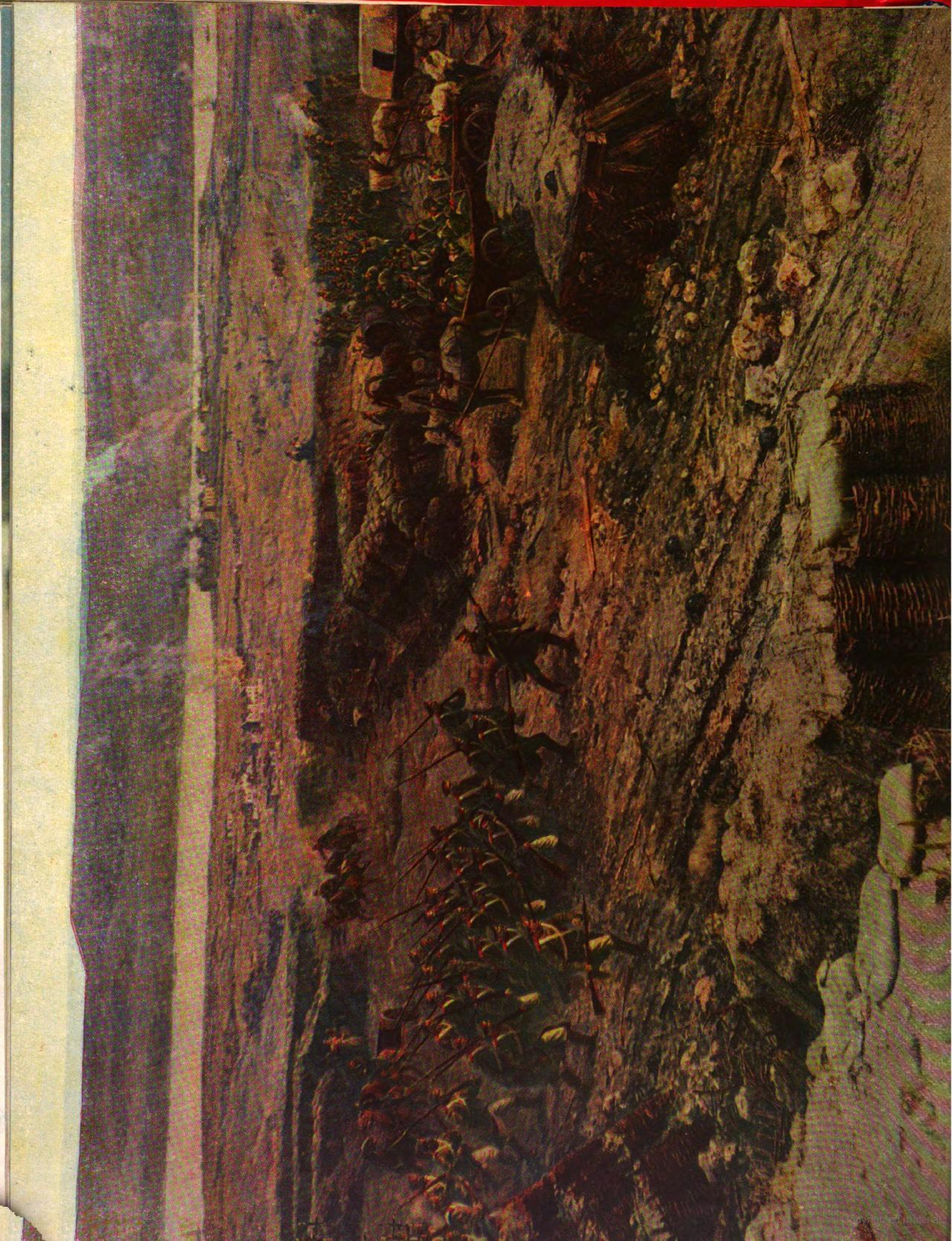

Руководитель коллектива художников П. П. Соколов-Скаля.

Группа художников ведет работу на четырехэтажных лесах панорамы.

Оазис в ледяной пустыне

Е. РЯБЧИКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Ледяной панцырь скрывает землю. Куда ни посмотришь — лед. Он движется, ползет, стекает с невидимых гор и холмов и скрытно разрушает материк. Что там, под толщей в сотни, тысячи метров? Следы давно исчезнувшей жизни, когда-то шумевших на горячем ветру папоротниковых лесов, бродивших по Антарктиде невиданных животных, несметные богатства? Молчат ледники. Идешь по сверкающей на солнце ледяной броне, заглядываешь в бездонные, дымящиеся голубым туманом трещины и ждешь: может быть, где-нибудь покажется земля, пусть голая и мерзлая, но земля, без которой нельзя жить человеку. Нет, земли не видно!

Геология, как и астрономия, требует необычайной фантазии. Луч давно погасшей звезды поможет астроному узнать об исчезнувшем мире; маленький камень, очутившись на ладони геолога, открывает ему повесть о том, что было миллионы лет назад. Для этого нужно найти камень, прочный камень, переживший гигантские потрясения, выдержавший огонь, неистовые ветры. Но повсюду один лед, и неоткуда взяться здесь, кажется, камню.

Однако еще в пути, на экспедиционном судне «Обь», когда за бортом проплывали плоские, выжженные солнцем коричневые берега Африки, советские ученые мечтательно говорили нам об оазисе Антарктиды, о благодатном месте, где на поверхность выходят камни, плещется в озерах вода. Профессора Олег Степанович Вялов, Константин Константинович Марков, Григорий Александрович Авсюк стояли, опершись на поручни, смотрели на созвездие Ориона и вели волновавший их разговор. Ученые перечисляли скупые, казавшиеся невероятными сведения об оазисах.

Меня захватила промелькнувшая в печати гипотеза о причинах появления феномена природы: одни утверждали, что оазис Антарктиды рожден тысячелетним горением подземных пластов угля; другие заявляли, что клочок земли оголен ото льдов таинственными радиоактивными процессами; третьи полагали, что оазис создали буйные вулканические силы. После долгой беседы с учеными мы прошли в их каюту и погрузились в чтение карты Антарктиды, на которой рукой Вялова был обозначен оазис, занимающий примерно пятьсот квадратных километров среди ледников. Удастся ли когда-нибудь его увидеть?

И вот не тысячи, а всего сотни километров лежат между нашим кораблем и оазисом. Ученым хотелось сразу же пуститься в путь, они жаждали открытия тайн. Но до цели было еще очень далеко: самолеты стояли на палубах, палатки лежали в трюмах. Нужно было начать разгрузку, пустить в воздух авиацию, поставить первые дома, обжиться, закрепиться на голой, дикой и мрачной земле.

Но так уж повелось у советских людей, которые любят смелые планы и всегда готовы к научным подвигам: в трудное для экспедиции время, когда дорог был каждый человек, когда самолеты нужны были для самых насущных нужд, решено было совершить прыжок к оазису. Эту сложную задачу принял на себя авиационный отряд. Нужно было провести глубокую воздушную разведку, осмотреть оазис с высоты, выбрать места для промежуточных авиационных баз, перебросить к месту предполагаемой операции биплан «АН-2» и вертолет.

Транспортный самолет «ЛИ-2» отправился на восток от Мирного. За штурвалом сидел Герой Советского Союза Иван Иванович Черевичный, справа от него — профессор Владимир Григорьевич Корт. Он внимательно осматривал проплывавший под крылом хаос льдов. И вот — оазис. Описав над ним круг, сделав необходимые наблюдения и аэрофотосъемки, ученый уступил место пилоту Гурию Сорокину. Тот вместе с Черевичным стал искать площадку для полевого аэродрома.

Закончился разведывательный полет, началась тяжелая, незаметная, полная будничного героизма работа авиаторов: нужно было грузить в самолет бочки с горючим, везти их на восток от Мирного, возвращаться за новыми порциями бензина.

Все было сделано: базы созданы, машины доставлены к месту назначения, и тогда отряд ученых отправился в необычайное путешествие — это был полет в прошлое и будущее Антарктиды.

Самолет приземлился на ледниковом аэродроме. Вялов, Марков, Авсюк и другие исследователи выскочили из кабины и побежали к необычайной реке на леднике. Я видел эти реки, их голубые вспененные воды, глубоко прорезанные ледяные берега, пороги, острова, ледяное дно. Даже сказочная Ангара, стремящаяся от голубого Байкала, даже Енисей в Саянах не производят такого впечатления, как голубые реки, текущие по леднику.

— Мы в оазисе! — воскликнул Марков.— Даже не верится, что сбылась мечта.

Было жарко, палило солнце, обжигало лица и руки. Неужели возможна такая жара среди ледников? Неужели это не счастливая причуда природы, а обычный для этих мест летний солнцепек? Солнце заливало ледники золотистыми лучами, щедро нагревало камни, скалы и утесы, над оазисом клубились облака.

По привычке геолога Вялов нагнулся и поднял первый камень, лежавший под ногами. Это был

гранит изумительной расцветки с вкрапленным гранатом. Камень был горяч, обжигал ладонь.

Представьте себя в положении людей, увидевших среди льдов землю, озера и реки, и вы поймете состояние ученых. Все было внове: и эти нагроможденные камни, словно специально сложенные природой для геологов, круглые озера и шумящие водные потоки, висящие в небе тучи — все было удивительно, вводило в привычный мир земли. Но земля эта была необычной, полной загадок и тайн, ее нужно было изучить, понять ее происхождение, ее прошлое, заглянуть в будущее.

На центральное озеро, протянувшееся среди сопок, спустили корабельный надувной серый плотик. Ученые занялись промерами глубин. С помощью батометра брали пробы воды с разных уровней озера, опускали планктонную сетку, с волнением ожидая, что подарят глубины. А в горах и сопках стучал геологический молоток, слышались гул и шорох осыпающихся мелких камней — это забирались на кручи ученые, изучая камни, на которых расположились птичьи базары. Исследователи откалывали зеленоватые камни, собирали птичьи перья, ставили треноги приборов, складывали гурии — груду камней, куда клали записку о том, кто и когда здесь работал.

Олег Степанович Вялов с трудом приносил добычу в рюкзаке. Около палатки росла груда камней, предназначенная для дальнейшей обработки. Ему хотелось захватить чуть ли не все сопки и горы с собой, чтобы потом вместе с научными сотрудниками, у себя дома, в университете, обра-

ботать их, изучить, классифицировать и бережно хранить.

Горы, конечно, увезти было невозможно, но случилось так, что самую большую гору оазиса Вялов получил в подарок от своих друзей и товарищей... Бортрадисты случайно перехватили передававшуюся из Москвы в Мирный радиограмму для Вялова: дочь Светлана поздравляла отца с днем рождения. Через несколько минут все летчики знали о дне рождения профессора, весть долетела и до оазиса. Экспедиция «подарила» на память ученому гору. Темная, сложенная из гранитов и гнейсов, она поднималась над озером, словно охраняя его тайны. Растроганный Вялов поблагодарил друзей и отправился в «свои владения». Он поднялся на гору имени Вялова, встал на голом гранитном выступе и посмотрел на озеро. Длинное, светлое, оно лежало внизу, скрываясь за соседними сопками. Лишь легкая рябь нарушала зеркальную поверхность голубого водоема.

После долгих поисков в озере выловили красного рачка — циклопа, нашли даже тюленя, невесть как пробравшегося подо льдами из моря в соленое озеро, сообщающееся с океаном. На берегах ручья обнаружили водоросли, на скалах — мхи, лишайники. Какая хилая растительность! Но она есть, и пусть мхи не веселят глаз, пусть лишайники удручают своим дымчатым видом,— это вестники

пробуждения, вестники грядущей жизни шестого континента!

Дерзким вызовом суровой и дикой природе Антарктиды выглядел поступок профессора Константина Маркова: он пришел на берег озера, разделся, поплескал на себя студеной водой и забрался в водоем. Окончив купание, профессор растер спину, грудь, погрелся на солнцепеке и ушел по маршруту заниматься своими научными исследованиями.

Александр Гусев с Михаилом Виноградовым продолжали изучать водоемы; они перебрались с главного озера у горы Вялова в малые водоемы. Гусев вел наблюдения на метеостанции, определял баланс лучистой энергии солнца. Результаты оказались поразительными: здесь на каждый квадратный сантиметр почвы из мирового пространства поступает четыреста калорий тепла в сутки. Солнца здесь так много, что оазис может соперничать с Крымом. Воздух сух, как в настоящей пустыне. В полярной пустыне существует теплый оазис со своим климатом, суховеями и засухой! Вечная мерзлота прогревается настолько, что промороженная земля оттаивает на метр в глубину. Над горячими камнями поднимается раскаленный воздух, похожий на расплавленное стекло. Над сопками скапливаются испарения, рождаются густые облака, и кажется, вот-вот соберется гремучая гроза, польет дождь. Но грозы так и не было, и не пролилось ни капли дождя на горячие камни.

Астрономы Иван Кучеров и Виктор Закопайло определяли астрономические пункты. Им приходилось забираться на вертолете в отдаленные места, вести наблюдения по солнцу. Однажды вертолет опустился на восточную оконечность оазиса. Авиаторы помогли исследователям перенести приборы, спальные мешки, брезент, радиостанцию на вершину сопки. Вскоре вертолет растаял вдали, астрономы остались вдвоем на камнях. Нужно было приступать к наблюдениям, но случилось так, что Виктор Закопайло поскользнулся и растянул ногу. Иван Кучеров помог товарищу, уложил его в спальный мешок и приступил один к наблюдениям. Определив долготу, Кучеров приготовил еду, перебинтовал ногу товарищу, натянул брезент на камни и ящик из-под теодолита. Он включил радиоприемник. Московская станция передавала сигналы, слышались удары хронометра, и каждый его удар воспринимался как голос далекой родной Москвы.

Незаметно миновал день, наступила ночь. Вертолет так и не прилетел — его задержали сильные ветры, бушевавшие над оазисом. Утром Закопайло стало лучше, нога перестала болеть, астроном выбрался из спального мешка и принялся за наблюдения и вычисления. В полдень прилетел вертолет. Из него вышли профессора Вялов, Марков, их товарищи. Они принялись за изучение сопки, собирали образцы пород, фотографировали, описывали местность. Наконец лагерь был снят, все вещи погружены в кабину, и красная машина, пугая птиц — поморников ревом своего мотора, поднялась в небо.

И вот наступил день, когда работы в оазисе были закончены. Началась эвакуация научной экспедиции. В котловине около железной бочки оставили черную палатку, положили в нее запасы продовольствия, бутылки водки (по традиции путешественников принято заботиться о тех, кто может сюда придти и будет нуждаться в пище, огне и крове). На видном месте в палатке оставили записку о том, что здесь работала советская научная экспедиция.

Где же те вулканические силы, о которых так много говорили ученые, пытаясь разгадать тайну возникновения оазиса? Где подземные пожары, вызвавшие к жизни оазис? Где загадочная сила невидимых радиоактивных процессов?

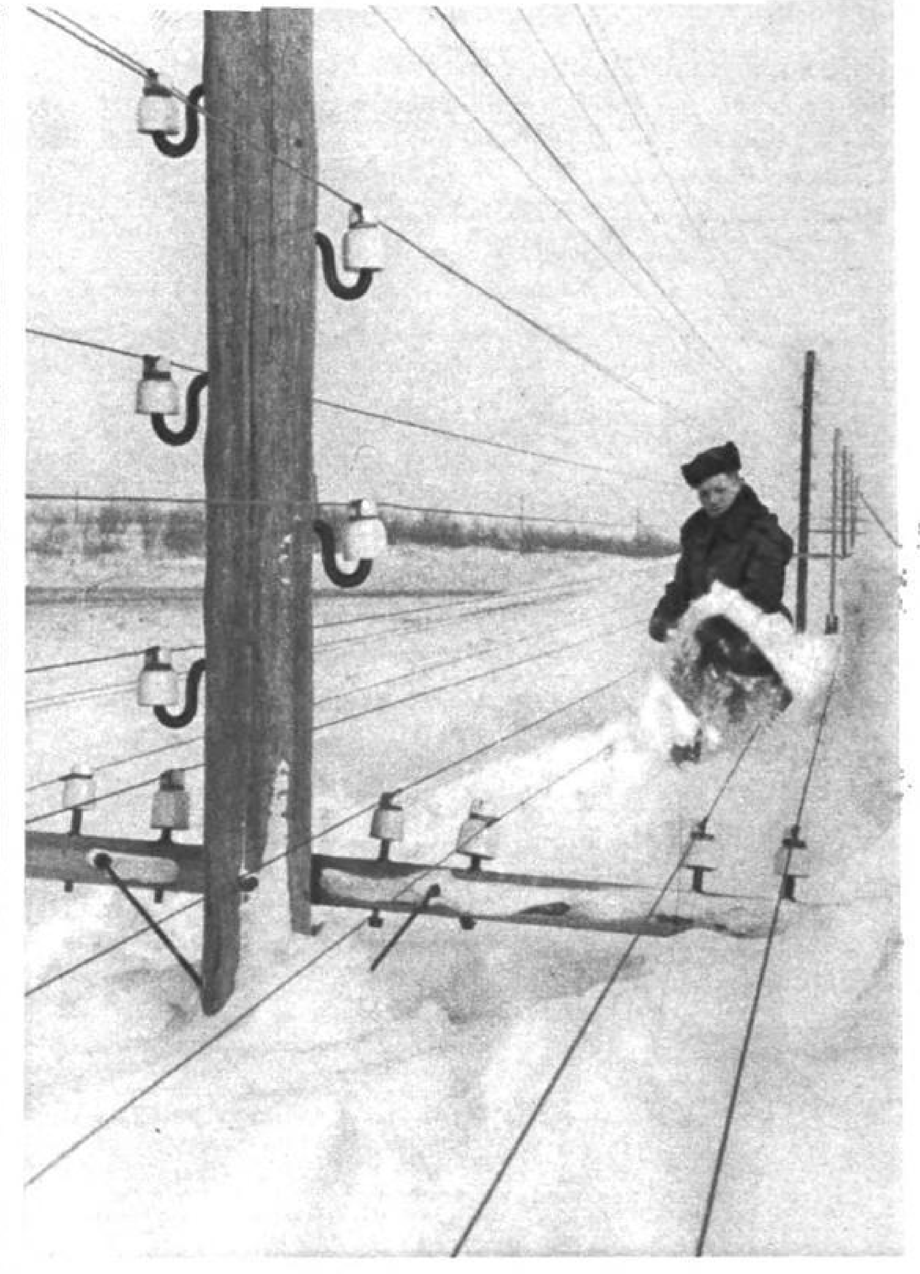
Тщательно изучая все гипотезы, высказывавшиеся в печати, изучая факты, ученые пришли к выводу, что прежние предположения о происхождении оазиса не имеют под собой реальной основы. Но как же возник оазис?

Советские ученые считают: оазис появился очень давно в результате общего потепления Антарктиды, особо благоприятного рельефа местности, заставившего ледники обойти стороной сопки. Из-подо льда выглянули камни, их прогрело солнце, и началось бурное таяние, постепенно спадали белые покровы, через тысячи лет образовалась освобожденная ото льда горная гряда.

— Жизнь придет сюда,— утверждают ученые,— и человек поможет Антарктиде развеять злое колдовство. Надо завезти в оазис плодородную землю, и под жарким солнцем можно будет разводить в парниках и теплицах овощи, держать на фермах скот и птицу. Животные и птицы дадут удобрение, и постепенно оазис станет местом, где человек увидит не только мхи и лишайники, но настоящую зелень. Призвав на службу мирный атом, человек сможет ускорить процессы, которые продлились бы века, и своим смелым наступлением на ледники вернет жизнь этому континенту...

...Взревел мотор, начала раскручиваться лопасть винта, машина вздрогнула, оторвалась от земли. Внизу, в котловине, чернела палатка, рядом стояла железная бочка, алел флажок на колышке — указатель для тех, кто, возможно, придет сюда со временем.

Откапывают телеграфные провода...

БИТВА СО

В. ПОЛЫНИН

Фото М. САВИНА.

Снег, пушистый и мягкий, никому не причиняет хлопот, пока ложится на землю плавно и неторопливо, ровняет проселки, смягчает морозы и сулит урожаи.

Но вот задует ветер. Снег вздымается к небу, становится сухим и острым, как битое стекло. Он рассекает кривыми косами сугробов накатанные дороги и наступает на железнодорожное полотно.

На водоразделе Урала и Волги, на перепутье ветров, набирают разгон мощные снежные циклоны. Здесь зовут их буранами за неукротимый бег, суровый нрав и страшную силу. Они бывают и в дни первых морозов и в пору последних оттепелей, скорость их достигает сотни километров в час. Снежные массы перекраивают по своему вкусу невыразительный местный рельеф.

Когда буран стихает и белый покров лежит недвижный, ослепительно белый, словно накрахмаленный, не в диковинку видеть, как в уровень с крышей обычного дома прокладывается лыжня, как откапывают из-под снега телеграфные провода, как от двадцатилетних лесных посадок остаются торчать макушки, и лишь по паровозному дыму можно угадать скрывающиеся в сплошных снежных траншеях проходящие поезда...

В оренбургских степях, примерно там, где «вожатый» выручил из беды Петрушу Гринева, героя «Капитанской дочки», стоит некрупный железнодорожный узел Абдулино. Такой зимы, как нынешняя, не помнят местные железнодорожники. По двое, трое, пятеро суток свирепствуют бураны. Но лишь выдастся недолгая передышка, как из Уфы снова телеграмма:

«Сегодня районе Бугульмы усиление буранов. Постепенное распространение другие участки дороги. Ветер западный переходом юго-западный 20—25 метров в секунду».

Телеграмма скоро становится известной не только командному составу Абдулинского отделения дороги, но и каждому стрелочнику и путевому обходчику.

У путейцев аврал: «Все на рельсы!» Где бы ни был механик или мастер, бригадир или начальник, будь то день или ночь, будни или воскресенье,— все спешат на свои посты.

Путевые обходчики первыми обязаны заметить, где угрожает полотну снежный «перенос». Они проверяют снеговые щиты.

Щиты, деревянные квадраты высотой в два метра, подставляют грудь встречному ветру. Ударяясь о них, ветер стихает, а снег опус-

кается, наконец, на землю. Когда снежный вал достигает роста щитов, их устанавливают на вершине снежной гряды. Так все выше и выше поднимается дощатая ограда, накапливая снежные валы высотою с четырехэтажный дом. Уже скрылись под снегом живые изгороди и постоянные снегозащитные заборы.

Навстречу ветру с лопатой и фонарем шагает по шпалам путевой обходчик Илья Иванович Сапрыкин. Он заметил, что снежная коса угрожающе придвинулась к рельсам. Селектор разнес тревожную весть по дистанции. С пожарной быстротой принимаются меры. В битву со снегом вступает «легкая кавалерия» — снегоочистители. Их извлекают из дальних тупиков и ставят впереди паровозов.

Небольшой деревянный вагончик с опущенным к шпалам острым ножом и раскинутыми короткими отвалами-крыльями мчится по рельсам. Сильным ударом нож срезает снежное препятствие, а отвал отбрасывает его за десяток метров в сторону.

Снегоочистителей несколько. Они, как челноки, непрерывно снуют по своим участкам, используя узкие «окна» в графике движения поездов.

Проходят сутки, двое, трое. Буран не стихает. Валы все растут, превращаясь в снежную стену. Уже некуда отбрасывать с полотна снег. Тогда наступает очередь струга.

Внешне струг напоминает небольшой корабль, поставленный на рельсы. В сторону движения смотрит он крепким и острым ледокольным форштевнем. На «носу» и «корме» поднялись деревянные рубки с большими обзорными стеклами, а по бортам, прижатые к ним, висят тяжелые стальные крылья.

Когда сцепленный с одним, а то и с двумя паровозами струг расправит сжатым воздухом крылья, он, проходя по снежной траншее, оставляет за собой пологую выемку шириной в пятнадцать метров. Машина заменяет труд многих сотен людей.

Струг, или снегоочиститель, выходит в рейс. Рядом с механиком-рулевым становится мостовой мастер Павел Максимович Оленин или старший дорожный мастер Егор Васильевич Пугачев. Часто в роли лоцмана подает команды механику-рулевому сам начальник дистанции Иван Васильевич Сапожников. Только тот, кто помнит наизусть фарватер дороги, знает, когда открыть или закрыть передние ножи, приподнять, опустить или совсем сложить крылья-отвалы. Только он может предупредить о сближении с препятствием, скрытым от глаз снежной мглою: мостом, путевой будкой, штабелем запасных рельсов.

В лабиринте станционных путей не всегда развернется мощная снегоуборочная машина. Там нужен человек с лопатой. И сотни жителей небольшого городка Абдулино по призыву партийных и советских организаций выходят вместе с колхозниками на борьбу со снегом.

...Навстречу сугробам медленно движется по рельсам снегоуборочная машина. Этот небольшой состав, подталкиваемый сзади паровозом, вбирает в себя лежащий на пути снег. У восьми вагонов нет крыш, а вместо пола движется непрерывная лента транспортера. Через 30—40 минут состав полностью набит снегом, лента останавливается. Она же сбрасывает груз под откос.

В сильные бураны до запасных путей не доходят руки, и их заносит настолько, что справиться с очисткой может лишь роторный снегоочиститель. Паровоз не только толкает его навстречу снежному завалу, но и снабжает двигатель ротора паром. С огромной скоростью и силой вращает паровая машина снегоочистителя укрепленный на лобовой стенке вагона девятилопастный ротор-пропеллер. Надвинутый на снежную гору, пропеллер, как винт гигантской мясорубки, ввинчивается в снег, засасывает его внутрь машины и затем выбрасывает через отверстие в крыше за сорок метров в сторону. Мощная снежная струя, будто посланная брандспойтом, перелетает через телеграфные провода, пристанционные постройки.

Так отстаивают абдулинцы от снежных движущихся гор свою дорогу, по которой в любую погоду, не снижая скорости, проносятся поезда.

СНЕГОМ

Струг вышел в рейс.

ПО РАЗНЫМ МАРШРУТАМ

Даже в годы, когда на земле свирепствовали военные бури, а небеса извергали металл и пламень, немецкий ученый Георг Гофман занимался изучением природы и кольцеванием птиц.

Этот день записан в дневнике Георга Гофмана: 29 июля 1942 года. Ученый окольцевал черного коршуна и отпустил его на свободу с металлическим кольцом, на котором был выбит номер «С 79752».

Прошло почти 12 лет, а о меченом черном коршуне не было ни слуху, ни духу. Георг Гофман успел уже издать книгу о том самом озере, где был «крещен» его питомец, и в книге, названной «Озеро орлов», красуются портрет черного коршуна и гнездо, в котором он был окольцован. Однако о судьбе его ничего не было известно. Но черные коршуны живут долго, и ученый не терял надежды, что следы отыщутся.

Так оно и случилось.

...Леонид Криворучко, охотясь близ села Степовое, на Николаевщине, в один из погожих дней марта 1954 года убил коршуна, меченого кольцом.

Сообщение об этом пошло в Москву, затем в западногерманский город Радольфцелль, на орнитологическую станцию, откуда проследовало в город Зике, где живет Георг Гофман.

«Для меня это сообщение было, конечно, очень интересным,— пишет в Бюро кольцевания Министерства сельского хозяйства СССР Г. Гофман,— и я вам крайне благодарен, что вы сообщили о судьбе этой птицы...»

История с коршуном ученого Гофмана не единична. Случаев, подобных этому, становится все больше.

Перенесемся мысленно на далекий мыс Ванкарем, что на Чукотке. Одна домашняя хозяйка купила у охотников-чукчей несколько больших и жирных гусей. Вооружившись ножом, она уже приступила к своим обязанностям, как вдруг заметила на одном из гусей кольцо. Она сняла его, расправила и прочла: «Вашингтон». Имея дело с таким «важным гусем», она решила описать на всякий случай все приметы. Он был белый с черными крыльями, клюв тупой, длина клюва — 6 сантиметров, размах крыльев — 1 метр 24 сантиметра, вес — 2 килограмма 800 граммов.

Вскоре из США сообщили, что гуся окольцевали в Калифорнии 8 апреля 1952 года. Теперь ванкаремская хозяйка может смело считать, что она и ее семья съели калифорнийского гуся!

С тех пор мистеру Джону В. Олдриджу из американского департамента приходится вести довольно оживленную переписку с Москвой, с Бюро кольцевания: в США сообщено о 23 птицах, добытых на территории Советского Союза с американскими кольцами. Из-за океана был прислан комплект применяемых там колец.

Быть может, и эта чайка понесет кольцо в другие страны.

Мисс Элизабет Лич, научный сотрудник естественно-исторического отдела Британского музея, сообщила недавно о судьбе белого аиста, вызвавшей большой интерес советских ученых. Этого аиста в апреле 1952 года окольцевали в Беловежской пуще, а зимой 1953 года нашли мертвым в Южной Родезии. Это было важным подтверждением того, что в Африке зимуют аисты из нашей страны.

Британский музей привел данные о 13 птицах с советскими кольцами, добытых в Великобритании. А в Англию ушло сообщение о 27 птицах, прилетевших к нам с английскими кольцами. Их обнаружили на Новой Земле, в Коми АССР, Литве, Латвии, Архангельске, Пскове.

Доктору Г. Юнге из Голландского государственного музея естественной истории, по всей вероятности, интересно будет узнать об одном эпизоде в открытом море. Большой корабль под советским флагом шел невдалеке от Гданьска, держа курс на восток. Вдруг на палубу сел усталый скворец. Моряки без труда взяли его в руки и обнаружили на лапке кольцо с надписью: «Голландия, К-37888». Воспользовавшись гостеприимством моряков и отдохнув от тяжелого пути, «иностранец» вскоре полетел дальше, по своему маршруту.

И еще одно сообщение, на этот раз с острова Мальта, от председателя Мальтийского общества птицеводства Иосифа Гатта. Однажды на ферму залетела маленькая мухоловка-пеструшка, и шустрый паренек, какие водятся во всех странах, поймал ее. Он был приятно удивлен, увидев на лапке пленницы колечко, и на нем: «Москва, 274059». Ну и резвой оказалась пеструшка: прилетела на Мальту из Окского заповедника Рязанской области, где была окольцована год назад.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Неопубликованные записи

Незадолго перед кончиной М. М. Пришвин начал работать над книгой «Глаза земли», создаваемой им на основе дневников 1946—1950 годов. Ниже мы печатаем записи из этой незаконченной книги.

Михаил ПРИШВИН

Школа

В искусстве слова все являются учениками друг друга, но каждый идет своим собственным путем.

Искусство

Искусство есть в существе своем движение и начинается от лучшего: хочется лучшего, чем данное...

Первая почка

Никогда не поздно посадить деревце: пусть плоды не себе достанутся, но радость жизни начинается с раскрытием первой почки посаженного растения.

Пишу — значит люблю

Далеко позади себя я оставил гордые попытки управлять своим творчеством, как механизмом. Но я хорошо изучил, при каких условиях мне удаются прочные вещи: только при условии цельности своей личности.

И вот это узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества. Я не управляю творчеством, как механизмом, но я веду себя так, чтобы выходили из меня прочные вещи: мое искусство слова стало мне, как поведение.

Литературная особа

Какая занозистая эта литературная особа, только боюсь, что эта скептическая поверхность, как мох, покрывает кочку, а в самой кочке нет ничего.

Догадки к мысли о поведении художника

Первое — это надо понять натуру по себе и сказать о ней себе самому своим человеческим языком, а затем надо сделать, чтобы сама натура это сказала своим языком. Первое может сделать каждый, кто мыслит, а второе — только художник, и задача его искусства в том, чтобы покорить природу и заставить ее говорить своим языком.

Отсюда правило художника: мысль свою оставлять при себе, не разглагольствовать, и за него пусть скажет сама природа.

Чемпионы

Вычитал, что в легкой атлетике один победитель (чемпион) приходится на миллион людей. Сколько же людей приходится на одного спортсмена в искусстве? Скорее всего, в искусстве невозможен рекорд. Субъективно каждый художник подлинный чувствует себя единственным на весь мир. Пушкин был единственный, и Толстой, и Гоголь. Таких чемпионов в искусстве называют классиками.

Сюжет

Настоящие писатели или вовсе о сюжете не думают, и он сам собой наплывает в процессе творчества, или задорно стараются написать так хорошо, чтобы и без сюжета читалось («Степь» Чехова).

Слава

Чехов сказал, что когда хочется пить, то кажется, выпьешь целое море, и когда станешь пить, то выпиваешь стакана два. А я думаю так тоже и о славе, что со вкусом и в пользу выпивает себе артист только стакана два, а после от нее только дуется.

Волны

Обыкновенно мы говорим такое, о чем раньше нас люди думали и высказывались: мы же повторяем и несем эти мысли, одну за другой, от человека к человеку, и повторяем их, как волна повторяет волну. Но если придет к нам мысль небывалая — как страстно хочется тогда это людям сказать. И это страстное желание донести до людей свою волну так, чтобы люди ее повторяли, как в море волна повторяет волну, вероятно, и питает искусство.

Счастливая пара

Две сосны, вначале искривленные, в коленном изгибе плотно между собою сошлись и после того рядышком, пряменькие, с тонким просветом между собой, пошли вверх.

По ним я вспомнил жизнь многих хороших людей и подумал о том, что много на свете таких счастливых пар, так много, что мы их не замечаем и все почему-то гонимся за драмами.

Студенту

В литературном отношении Ваши рассказы неплохи и показывают вполне достаточную Вашу подготовку для работы в этой области. Только надо обратить Ваше внимание на то, что копировать особенности народной речи нельзя и что автор в этом отношении должен быть очень осторожен. У автора должно быть особое чувство родного языка, и это по-моему достигается постоянным и любовным чтением образцов. Но при наличии таланта это чувство меры является само собою.

Имейте в виду, что талант это есть то же самое, что в природе называется землею. Я лично держусь этой аналогии, и поведение свое в отношении таланта организую подобно земледельцу, который трудится над обработкой земли, но благодатная земля, конечно, рождает **сама**.

И Вы, автор, должны иметь в виду, что счастье творчества — это когда Вам ясно видно бывает, что рассказ Ваш складывается сам, как складываются в природе кристаллы. Как раз этого-то и не видно в Вашем рассказе: следы пота видны всюду, и рассказы держатся не сами собой, а все на кнопках.

Вы должны работать не над складыванием хороших мыслей и фраз, а над тем, чтобы у вас все само собой выходило, радовало бы Вас, возносило так, будто Вы лучше всех написали.

Мой прием

Мой прием состоит в том, чтобы заставить действовать не только центральное лицо, но и всю обстановку олицетворить, чтобы каждая вещь показалась своим лицом и стала тоже героем. Так и лес, и елка, и сосна стали бы живыми.

Издателю

Чем лучше вы будете издавать плохую книгу, тем она будет противнее.

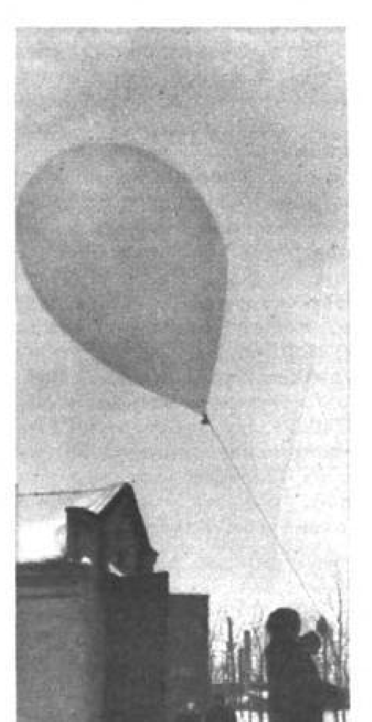
Мертвая бабочка

У края дороги, среди лиловых колокольчиков, цвел кустик мяты. Я захотел сорвать цветок и понюхать, но небольшая бабочка, сложив крылышки, сидела на цветах. Не хотелось расстраивать бабочку, и я решил подождать немного и стал записывать, стоя у цветка, одну свою мысль в книжечку.

Вышло так, что я забыл о бабочке и долго писал, а когда кончил,

---

Исследователи воздушного океана

← Еще секунда — и радиозонд поднимется вверх

Как всегда, в пять часов утра из здания воздухоплавательного цеха Центральной аэрологической обсерватории на подмосковной станции Долгопрудная выходит дежурный аэролог. Он выпускает в небо радиозонд, который «прощупает» слои воздуха до высоты около 30 километров, разведает метеорологическую «обстановку» на разных «этажах» атмосферы.

— Шар в полете! — сообщает дежурный аэролог Варвара Монаенкова. Инженер Анатолий Сорокин определяет положение шара в атмосфере. Каждую минуту Монаенкова записывает координаты шара. В это же время в обсерватории другой аэролог принимает сигналы радиозонда, которые сообщают об изменениях температуры, барометрического давления и влажности воздуха на различных высотах.

Вот уже 80 минут находится в полете шар. За это время он добрался до высоты 24 километров. Вдруг сигналы прекращаются: шар лопнул.

Наблюдатели принимаются за немедленную обработку полученных сигналов: ведь в семь сорок Московский радиометеорологический центр начнет передачу в эфир результатов наблюдений, произведенных аэрологами на территории европейской части Союза. Этой сводки из Москвы, которая передается через три мощные радиостанции, ждут все метеорологические станции Советского Союза. Сведения Московского центра принимаются также метеорологическими службами Европы и других континентов, которые, в свою очередь, передают по радио данные об аэрологических наблюдениях своих стран. Эти сведения широко используют метеорологи Советского Союза. Согласованная работа аэрологов всех стран позволяет составлять карты всего воздушного океана, мировые карты погоды.

В одно и то же время сотни советских аэрологов — на станции Долгопрудная и на Северном полюсе, во Владивостоке и в Калининграде, во многих других пунктах — выпускают в небо радиозонды.

Но не только таким образом исследуется атмосфера. Со стартовых площадок и аэродромов поднимаются привязные аэростаты и специально оборудованные самолеты, с которых ведутся наблюдения за образованием облаков, за их толщиной и плотностью, за обледенением, «болтанкой». Эти данные также передаются по радио.

Советский Союз — член Всемирной метеорологической организации. Он точно выполняет все свои обязательства и регулярно передает по радио сведения, необходимые для службы погоды и для научных целей.

Первый радиозонд был

опомнился — оказалось, что бабочка все сидела на цветке мяты в том же положении.

Но так не бывает, и чуть-чуть кончиком ноги я толкнул стебелек мяты. Бабочка сильно качнулась, но все-таки не слетела. Неужели она умерла на цветке?

Осторожно я взял бабочку за сложенные крылышки. Бабочка не рвалась, не билась в пальцах, не двигала усиками. Она была мертва.

А когда я стал ее тянуть с цветка, вместе с ней оттянулся скрытый в цветке светложелтый паук с большим зеленоватым шариком. Он всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал ее.

А мимо проходили дачники и говорили: какая природа, какой день, какой воздух, какая гармония!

Не ясно ли, что природа никак не гармонична, но в душе человека порождается чувство гармонии, радости, счастья.

Девственный ландшафт

Можно, конечно, еще найти такой девственный ландшафт, что захочется шапку снять и постоять с непокрытой головой. Но скоро безлюдие станет томить и захочется вернуться туда, где будут слушать рассказ об этом величественно девственном ландшафте.

В большинстве же случаев в каждом обыкновенном ландшафте содержится упрек человеку в порче природы.

За рулем

Дождик вчера метнулся, и вырвалось солнце. За рулем обратил внимание на сосновый бор: по всей опушке расставились сплошным рядом цветущие черемухи.

Мне было так, будто кто-то тронул меня за локоть и прошептал: Погляди!

Закат солнца

Нарочно не спряталось совсем, а остался глазок. Солнце сказало себе: подожду, хоть одним глазком на все погляжу, как-то живете вы без меня!

Разговор осенью

Как в степи впереди каравана осенью летит туча темная скворцов, так и у нас в лесной местности летит туча разных листьев, птиц, и вслед за тем слышишь нарастающий гул в лесу и спрашиваешь себя: что это грозное и неминучее к нам приближается?

— Вот, слышу,— говорит Дон-Кихот: — шелест падающих листьев, свист крыла улетающей птицы и, слышишь, Санчо, топот рокового коня?

Санчо отвечает:

— Слышу, сеньор, шелест и свист. Но только это не конь там, а полуторатонка буксует в грязи.

Светильники осени

В этом сером осиннике весной бывало тянули вальдшнепы, а теперь желтые листья летят.

В темных лесах загорелись светильники, иной лист на темном фоне так ярко горит, что даже больно смотреть.

Липа стоит уже вся черная, но один яркий лист ее остался, висит как фонарь, на невидимой нити и светит.

Термометр

Несколько раз за ночь я подхожу к окну, отодвигаю занавеску, гляжу на термометр и возвращаюсь в постель. Это заметила Жалька. Она трогательно привязана ко мне и в самом глубоком сне слышит меня, как слышит мать своего ребенка.

После меня непременно встанет, раздвинет носом гардины, лизнет термометр и возвратится на свой коврик возле печки.

Разговор

Ходил заказывать слуховой аппарат. В окошко мне орала барышня.

— Чего,—говорю,—Вы кричите?

— Вы же не слышите!

— Нет, я слышу.

И она мне:

— Вы прекрасно слышите, зачем же Вам аппарат?

— Хочу слушать в лесу пенье маленьких птичек.

Она вытаращила глаза.

Конь везет

Маленький я боялся своих лет, и мне казалось, что годы мои идут, а я еще ничего не достиг. Так и было мне до 70-ти лет: вечный упрек. Но после семидесяти мне стали все говорить: «Ах, какой вы молодец!», и я перестал, мне казалось, вовсе бояться убегающих лет. Я думал даже, чем больше мне будет лет, тем чаще мне будут говорить: «Какой вы молодец!»

М. М. Пришвин в 1949 году (Дунино).

Но вот случилось, пришла нам помогать пожилая женщина тетя Феня, и мы начали с ней мыть мою машину: она мыла, а я по мытому сушил металл замшей и полировал.

Работал я хорошо, но пот все-таки выступил у меня на лбу, и старуха наверно этот пот заметила и спросила меня:

— А сколько вам лет?

Я поглядел на нее и вдруг испугался: я увидел в глазах простого человека всю беспощадность природы: я почувствовал, что тут уж не спастись музыкой души моей, поэзией, и если я старый гусь и не могу рядом с молодыми лететь в теплые края, меня заклюют.

Я поглядел в глаза старухи и растерянно, смущенно повторил за ней:

— Вы спрашиваете, сколько мне лет?

— Да, хозяин,— ответила она,— сколько вам лет?

За короткую минуту, однако, я успел подавить в себе противный страх и сказал:

— Сколько лет? Вы сами видите: конь везет!

— Вижу,— ответила она,— конь везет хорошо, а все-таки сколько лет-то коню?

— Конь везет,— повторил я,— а когда на коне едут, то в зубы ему не глядят.

— Это верно! — согласилась тетя Феня и, раздумчиво вглядевшись в мои годы, написанные на моем лице, закончила наш разговор: — Как все-таки людям жить-то хочется!

изобретен и выпущен в СССР 30 января 1930 года и с тех пор особенно широко применяется для исследования стратосферы. Легкий воздушный шар, наполненный водородом, стал хорошим помощником советских метеорологов, обслуживающих нужды народного хозяйства.

Но наполненный водородом шар в некоторых странах пытаются использовать для иных целей. В Центральную аэрологическую обсерваторию доставлен один из аэростатов из числа засланных в воздушное пространство СССР американскими военными кругами. Коллектив обсерватории ознакомился с этим шаром и подвешенной к нему громоздкой аппаратурой. Обычный радиозонд, передающий основные метеорологические сведения, весит всего один килограмм. **Полет такого шара не представляет никакой опасности для авиации. Вес аппаратуры, подвешенной к американскому шару, более трехсот килограммов. Но здесь** нет приборов, предназначенных для производства метеорологических наблюдений. Главный и единственный наблюдательный прибор шара — огромный фотоаппарат, и служит он одной цели — военной разведке. Вместе с балластом груз каждого американского шара весит более шестисот килограммов. Каждому понятно, какую опасность представляют для авиации такие шары, неожиданно вторгающиеся в воздушное пространство, сколько бед может наделать их груз, когда он свободно падает с большой высоты при уничтожении шара.

В своей ноте правительство Соединенных Штатов **заявило, что оно «постарается избежать запуска новых шаров», которые могли бы пролетать над территорией Советского Союза. Об этом же сообщило и правительство Турции, с территории** которой происходит запуск американских шаров в советское воздушное пространство.

Советское воздушное пространство изучается с помощью широкой сети отечественных аэрологических наблюдательных пунктов и обсерваторий. Все, что требуется для метеорологических служб других стран, Советский Союз сообщает всему миру на основе международной договоренности, по принципу взаимности. А к разведке чужих территорий метеорологическая наука не имеет никакого отношения...

И. АГРАНОВСКИЙ

Американский шар-разведчик доставлен в Центральную аэрологическую обсерваторию. Аэрологи П. Л. Ефимов и А. С. Масенкис констатируют: никаких приборов для метеорологических наблюдений здесь нет.

Фото В. Кузьмина.

ХОРОШО НА КАРПАТАХ!

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Так начинается утро.

Если вы любите лыжи, если вас не страшат подъемы и многокилометровые крутые спуски и если вы хотите увидеть красоту зимних Карпат, поезжайте в Ясиня.

Ясиня — это поселок лесорубов, смелых плотогонов, опытных вышивальщиц, замечательных резчиков по дереву. Один из центров Закарпатской гуцульщины, он славится чарующей красотой высоких гор, покрытых девственными лесами. Бьют тут из земли шипучие минеральные источники, в горных реках водится форель и даже дунайский лосось. Выше лесов, по самым горным вершинам, простираются альпийские луга — полонины, а в расщелинах скал, на труднодоступных местах цветет белым цветом эдельвейс — цветок любви и счастья.

Со всех концов страны съезжаются сюда туристы. Но особенно влечет к себе Ясиня лыжников.

На берегу Черной Тиссы, в центре поселка, высится четырехэтажное оригинальной архитектуры бревенчатое здание.

Паровое отопление, уютные номера, ком-

← В походе.

Иногда приходится принимать еще одну, снежную ванну.

наты отдыха, отделанная местными породами дерева столовая, радиоузел и электростанция создают все условия для того, чтобы человек чувствовал себя здесь хорошо и удобно. Это и есть горнолыжная туристская база. Популярность ее растет год от года. В течение двух недель опытные лыжники совершенствуют тут свое мастерство, а новички под руководством инструкторов изучают основы горнолыжной техники.

М. ТЕВЕЛЕВ,
В. ГАЛЯПИН

На привале.

Внизу сильно пригревает солнышко, а на высоте полутора тысяч метров у студентки из Минска Юны Кушеняевой от мороза застыли руки, и ей даже ложки не удержать. Но это не беда! На помощь Юне пришел Олег Термяков.

→ Вечером после похода студентам Тбилисского университета Омару Берадзе и Георгию Бердзинишвили аплодируют киевляне, харьковчане, минчане, москвичи.

Близится день отъезда домой. Москвички Зоя Митрявина и Майя Ткаченко повезут с собой фотографию, на которой они засняты в гуцульских костюмах.

В ГОСТЯХ У ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Больше года назад в Советский Союз приезжали известные всему миру путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд — создатели фильмов «Африка» и «От Аргентины до Мексики». Они рассказывали в различных аудиториях о впечатлениях от поездок по Африке, Южной и Северной Америке, выступали по телевидению.

И когда мы ненадолго приехали в Готвальдов, то прежде всего захотели повидать молодых инженеров, узнать, над чем они работают, и рассказать об этом нашим читателям. С нами не было переводчика, но мы уже знали, что они хорошо говорят по-русски. И в 7 часов утра, извинившись за ранний телефонный звонок, мы просили Мирослава Зикмунда об интервью. В ответ раздался бодрый и приветливый голос:

— У нас давно уже рабочее время. Мы с вами можем встретиться и с радостью расскажем читателям «Огонька» о своих планах.

В незнакомом городе мы легко нашли адреса инженеров, потому что как только называли их фамилии, нам сразу указывали направление и с помощью жестов старались объяснить, как быстрее пройти к небольшому холму на окраине города, на склоне которого, окруженные садом, стоят два коттеджа.

Здесь нас встретили Ганзелка и Зикмунд. Первое, что нам показали,— это прославленную «Татру-87», на которой друзья проехали более 120 тысяч километров. Сейчас ею пользуется Ганзелка, а в гараже Зикмунда мы осмотрели машину новой марки — «Татра-603».

Во время путешествий молодые инженеры внимательно наблюдали за работой автомобиля, выясняли его экономичность, проходимость. Их замечания и предложения были учтены конструкторами завода «Татра», которые создали машину «Татра-603»; сейчас это самый быстроходный автомобиль в Чехословакии.

О «Татре» наши новые знакомые говорили, как о живом существе, рассказывали, как она не раз их спасала.

— До нас,— говорит Зикмунд,— мертвые пространства африканской пустыни пытались преодолеть английская и французская экспедиции, но их машины имели обычное водяное охлаждение и при высокой температуре сдавали. Поэтому предпринятые путешествия окончились неудачей. Жизнь машины в раскаленных песках Африки зависит от охлаждения двигателя. Благодаря воздушному охлаждению двигатель тащил нашу машину даже в тех случаях, когда температура масла доходила до 110°. Свободная подвеска колес позволяла преодолевать бездорожье, а на хороших трассах развивать скорость в среднем до 120 километров в час. Наши легковые «Татры» экономичны. Мы брали бензин из расчета на 100 километров — 10¼ литра.

Машина у Ганзелки и Зикмунда была, бесспорно, хорошая. Но не только она обеспечила их удачу. Смелость, спортивная подготовка, крепкая дружба выручали их в самые трудные минуты.

С первых курсов института дружба сделала похожими биографии двух молодых людей; одни интересы, одни мечты, учеба в институте, работа на автомобильном заводе «Татра», длительные и нелегкие совместные путешествия — сначала по Африке, затем по Южной и Северной Америке — и подготовка к новому путешествию. Даже семейную жизнь строили друзья «синхронно»: в одно время женились и обзавелись детьми. Сейчас отцы уже мечтают о том времени, когда смогут отправиться в дальние страны с сыновьями.

У Зикмунда и Ганзелки в квартирах собрано немало сувениров: шкуры крокодилов и змей, маски, которые надевают во время праздничных торжеств в Черной Африке, предметы быта индейцев и даже отравленные стрелы. Этот маленький музей очень дорог владельцам: каждый экспонат связан у них с воспоминаниями о народах, с которыми путешественники познакомились.

— Наш народ борется за дружбу между всеми странами,— говорит Ганзелка.— А для того, чтобы быть друзьями, надо хорошо знать друг друга: жизнь, искусство, характер, привычки. О том, что пришлось нам увидеть и узнать во время путешествий, мы рассказали в четырехстах репортажах по радио, телевидению, в журналах и газетах. Из наших кинопленок было смонтировано три полнометражных и двенадцать короткометражных фильмов. Вышла наша книга об Африке в трех томах. Кстати, недавно мы получили гранки из московского издательства; скоро она будет напечатана и на русском языке. Сейчас мы заканчиваем писать четвертый том книги — об Америке. Одновременно сверяем переводы венгерского, польского, немецкого, английского и французского изданий первых трех томов.

— Вы знаете все эти языки?

— Да. Во всяком случае, нам хватает знаний для того, чтобы сверять корректуру.

Какие наши планы на будущее? Готовимся в конце 1957 года или в начале 1958 года отправиться в новое путешествие, которое продлится около четырех лет. Мы проедем через Турцию, Иорданию, Сирию, Ливан, Иран, Ирак, Пакистан, Индию, Афганистан, Непал, Бирму, на Малайские острова, в Индонезию, Австралию, Новую Зеландию, на Филиппинские острова, в Корею, Японию, Китай, Монголию, Тибет, по южной границе Советского Союза, в Польшу и домой. Правда, уже во Владивостоке мы будем чувствовать себя, как дома,— добавляет Ганзелка.— В Советском Союзе нас встречали с таким радушием! В оставшиеся два года будем готовиться к путешествию. Подробно разработаем маршрут. Нам окажет необходимую помощь чехословацкая Академия наук; приедем посоветоваться и в Академию наук СССР, которая нам немало помогала.

За это время мы должны изучить основы нескольких языков народов тех стран, где побываем: два языка Индии, китайский, индонезийский,— познакомиться с языками других народов. Вам, может быть, кажется, что мы слишком медленно собираемся в путешествие. Но ведь надо подготовиться еще и технически — определить и собрать оборудование, необходимое для четырехлетнего путешествия на протяжении девяноста семи тысяч километров.

Готовятся в дальний путь и жены Зикмунда и Ганзелки, которые будут сопровождать их во второй половине путешествия. Они всерьез взялись за изучение фотографии и вождения машины.

— На этот раз мы поедем не на легковом автомобиле, а на восьмицилиндровой грузовой машине-вездеходе «Татра-805». Это серийная машина с грузоподъемностью в 2,5 тонны, которую вы часто можете увидеть на дорогах Чехословакии.

Сегодня чешские инженеры впервые будут проводить испытание «Татры-805» и предлагают нам проехать с ними в новой машине. Мы залезаем в кабину грузовика, где два друга проведут нелегкие годы путешествия, и выезжаем за город. Шофер неожиданно сворачивает с шоссе, мы мчимся по крутому спуску, и тут же без всякого разгона, рыча и как бы сопротивляясь водителю, «Татра» вползает на крутой склон. Действительно, кажется, что машина — живое существо, сильное, умное, иногда строптивое.

— На этом грузовике мы проедем пять тысяч километров, чтобы обкатать его,— продолжает рассказ Ганзелка.— А затем машина вернется на завод, где сделают другой кузов; в нем будут оборудованы наша «спальня», «кабинет», «склад» и маленькая лаборатория, в которой мы сможем проявлять кинопленку, печатать фотографии.

Медленно грузовик въезжает в город и, как бы чувствуя тут свою неуклюжесть, сторонится, пропуская серебристые легковые автомобили.

Инженерам хочется защитить своего нового товарища:

— Конечно, на хороших дорогах машина проигрывает, но зато на плохих не подведет; лучшего товарища в путешествии нам не найти.

Н. СВЕТЛОВА

Мирослав Зикмунд (слева) и Иржи Ганзелка на испытании машины «Татра-805».

Фото Е. Умнова.

НАЧАЛО ПУТИ

Рассказ

В. ГУСЕВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Хлеб узнают по всходам,
а ребенка — в колыбели.
Алтайская пословица.

В аймачной [1] больнице радиста высокогорной метеорологической станции Петра Петровича Рябова встретили радостными восклицаниями, как старого знакомого, хотя был он здесь всего один раз, когда месяца три назад привез свою беременную жену задолго до того, как она должна была родить, потому что пробираться через тайгу на лошадях в ее положении было небезопасно.

— Заждались, заждались вас! У дочери-то вашей уже и коса отросла! — с укором покачала головой няня и, не выслушав его объяснений, торопливо скрылась за белой застекленной дверью.

Радиограмму, извещавшую о том, что у Тамары родилась дочь, Рябову передали давно, но он смог выбраться только спустя две недели: сначала ему помешали сильные грозовые дожди, превратившие горные тропы в русла водопадов, а потом заболел начальник станции, и Рябову пришлось ходить за ним и одному выполнять работу трех человек: вести все наблюдения, передавать в назначенные часы радиосводки, варить обеды, месить тесто и печь хлеб, мыть полы...

Когда на станции была Тамара (они уже несколько лет после окончания техникума работали здесь вместе), Рябов и не подозревал, что их маленькое хозяйство может доставить столько хлопот.

Прощаясь с начальником станции, он в душе больше всего радовался тому, что ему не придется возиться с ухватами и проклятой квашней. Соприкоснувшись впервые с той стороной быта, которую мужчины обычно не замечают, он по дороге в больницу с досадой думал о том, что с появлением на свет ребенка хозяйственных забот прибавится и что, пожалуй, ему тоже теперь порядком достанется.

И вот, дожидаясь в приемной Тамару и вслушиваясь в разноголосый, непрекращающийся ни на секунду крик младенца, он морщился и вздыхал: «Теперь не поспишь — это точно!» И как назло, после недосыпания во время болезни начальника и после нескольких дней пути по тайге, его, несмотря на ранний час, клонило ко сну, и он ничего так не хотел, как добраться поскорей до станции и выспаться.

Наконец вышла Тамара. Ее сопровождали пожилой врач и сестра-алтайка. Лицо у Тамары осунулось и очень побледнело, а ее карие сияющие глаза казались больше и темнее обычного. Какое-то новое, незнакомое Рябову выражение лица делало Тамару еще более милой. Он нетерпеливо, порывисто бросился к жене, намереваясь схватить ее в свои большие, сильные руки.

— Осторожно! — испугалась Тамара и не побежала навстречу, как бывало, а сделала шаг назад и даже повернулась к нему боком, оберегая дочь, которую держала на руках. Рябов на расстоянии, неловко согнувшись, поцеловал ее в бледные губы. Он только сейчас понял, что теперь ему придется делить любовь Тамары с этим маленьким незнакомым существом. В нем шевельнулось чувство, похожее на ревность. Он недоброжелательно покосился на сверток. Там в белых кружевах он увидел розовую головку с золотым пушком вместо волос.

— Девчонка в отца! — заметил врач.— Боюсь, что жениха не подберете. Богатырша — четыре килограмма.

— Ай, ак ай! — подтвердила сестра. Это означало, что его дочь прекрасна и светла, как луна.

Рябов внимательно посмотрел на девочку — она вовсе не показалась ему красавицей.

— Не подменили? — спросил он на всякий случай.

— Все мужчины так говорят! — рассердилась сестра и ушла, проворчав на ходу что-то по-алтайски.

— Нет, батенька, на этот счет у нас порядок, — успокоил Рябова врач. — Сразу ярлык вешаем.

Тамара рассмеялась:

— Ты посмотри: нос твой, а губы мои, уши тоже.

Рябов смущенно кивнул головой в знак согласия, хотя никакого сходства не видел.

Они попрощались со всеми и вышли на улицу. Солнце недавно поднялось, но было уже жарко. Тамара передала девочку мужу, и тот неуклюже принял у нее сверток на вытянутые руки.

— Да держи ты крепче! — рассмеялась Тамара.

Рябов осторожно приблизил сверток к груди и тут только впервые почувствовал радостное удивление от мысли, что этот беспомощный, теплый, живой комочек, который уместился в его больших ладонях, был его дочерью, плотью от его плоти.

До большой деревни на берегу Катуни доехали быстро — на попутной машине. Отсюда им предстояло переправиться на ту сторону реки и горной тропой добраться до станции.

В правлении колхоза, куда Рябов и Тамара зашли попросить лошадей на дорогу, председателя не оказалось. Его поджидало несколько колхозников — русские и алтайцы. Многие из них хорошо знали Рябова: охотясь в горах, они часто пережидали грозу на станции или заезжали запросто, чтобы поделиться удачей и послушать последние известия по радио. Все сразу же обступили Тамару. Каждому непременно хотелось взглянуть на новорожденную. Мужчины хлопали Рябова по спине, крепко жали руки и недвусмысленно давали понять, что в сельпо завезли довольно много вина. Рябов, польщенный, многозначительно, как будто делал важное открытие, говорил:

— Девчонка, а любому парню нос утрет: четыре килограмма с лишком!

Все понимающе кивали головами, снова поощрительно хлопали его по спине и с интересом поглядывали на спящую девочку, которая и не подозревала, что привлекла к себе такое внимание.

И Рябову теперь уже самому казалось, что дочь вся в него, хоть куда, и, пожалуй, губы и уши тоже его.

Ему было приятно, что эти суровые люди — охотники и скотоводы — с таким умилением и добродушным лукавством говорят о его дочери, поздравляют его. Резкие морщины на их обветренных, обожженных солнцем лицах разошлись, и они неторопливо вели беседу о своих семьях и детях.

Сидевший в смежной комнате пасечник Еремеев, молчаливый, обросший бородой, привыкший больше иметь дело с пчелами, чем с людьми, и потому уединившийся даже в правлении, вышел на шум и осведомился у Рябова:

— Сынок?

— Нет, дочь. Четыре с половиной килограмма! — с удовольствием повторил для него Рябов, незаметно для самого себя прибавив цифру.

— Что ни родится, было б кому роиться,— отозвался таинственно Еремеев, отошел в угол и задумчиво задымил трубкой.

Кто-то принес вина, видно, не дождавшись магарыча с Рябова, тут же нашлись стаканы, и все выпили за здоровье Тамары и за долгую, счастливую жизнь новорожденной.

Никто не заметил, как вошел председатель колхоза Амыров, коренастый, сурового вида алтаец лет сорока. Он увидел стаканы из-под вина и недовольно спросил:

— Байрам [2] сегодня?

— А как же! У Петра Петровича дочь родилась,— пошутил кто-то.

— Кыс-бала? — переспросил по-алтайски Амыров.— Хорошо — кыс-бала, вино — плохо.

— До пяти килограммов немного не дотянула,— пожимая руку Амырову, доверительно вполголоса сообщил Рябов.

Амыров внимательно посмотрел в личико спящей девочки и, ничего не сказав, отошел к столу, сдвинул на край стола стаканы и сразу занялся делами.

— Лошадей? — обратился он к Рябову, не дожидаясь его просьбы.— Ладно!

И тут же распорядился, каких лошадей подковать и привести с конного двора.

«Выпроваживает! Боится, как бы я в самом деле тут байрам не устроил»,— усмехнулся Рябов; он знал, что у Амырова дела всегда на первом месте.

Тамара вышла на крыльцо покормить дочь, а Рябов присел у дверей и закурил. К нему приблизился Еремеев. Рябов хорошо его знал: он жил одиноко на отдаленной пасеке, на расстоянии дневного перехода от станции. В горах люди считают себя соседями, даже если их разделяют десятки километров. Попыхивая трубкой и стараясь скрыть волнение, Еремеев сказал:

— Приходи — травянухой [3] угощу... Этакая утеха — дитя! — покачал он головой.— А я, считай, с пчелами десяток лет живу... трутень не трутень, а роду человеческому радости от меня мало... А было время, и я с девками гулял.

— Что же не женились? — спросил Рябов.

Еремеев блеснул на него глазами из-под густых бровей и ничего не ответил.

«Бирюк, да и только! — подумал Рябов. — С таким женщине и жить страшно».

— Нет, врешь! — сердито выпалил вместе с дымом Еремеев, как будто понял Рябова.

Тот даже смутился, но это относилось не к радисту, а было ответом на какие-то невысказанные мысли.

— А бороду, пожалуй, сбрею,— помолчав, продолжал размышлять вслух Еремеев.— Что я, монах, что ли? Присмотрю себе в колхозе вдову, ей-богу! У вдовы — губы медовы!

И, подмигнув Рябову, Еремеев вышел на улицу, так и не обратившись к Амырову с делом, за которым явился в правление.

Когда привели лошадей, все, в том числе и Амыров, вышли на крутой каменистый берег широкой Катуни.

После дождей вода в реке сильно поднялась. Огромные камни то там, то сям преграждали ей стремительное течение, и она вздувалась и ревела на перекатах. Ее зеленая поверхность с полосами белой пены напоминала малахит.

Во время грозы снесло паром, его еще не успели навести, и на ту сторону можно было перебраться только на лодке.

— Потрясет вас, будь здоров! — заметил кто-то в толпе.

Все молча смотрели на клокочущую Катунь.

— Лодчонка-то того...— как бы про себя, ни к кому не обращаясь и не сводя глаз с воды, хмуро произнес мужчина богатырско-

[1] Аймак — административное наименование районов в Горно-Алтайской автономной области.

[2] Байрам — праздник.

[3] Травянуха — хмельной медовый напиток.

го телосложения в черной косоворотке. Это был перевозчик. Было заметно, что он охотно отказался бы переправлять через Катунь Рябовых.

— Чего там «того»! — выкрикнул парень в выцветшей на солнце зеленой фуражке пограничника.— Вчера пастухам продукты из сельпо возил! Доверху нагружена была. Ничего — проскочила! — Сам как бы удивляясь этому случаю, он обвел всех озорными глазами.

— Так то продукты, а тут дите! — возразил перевозчик.

— Дите! Не овца — в воду не прыгнет! — Паренек презрительно махнул в сторону перевозчика и повернулся к Амырову: — Чего его слушать, товарищ председатель, давайте я перевезу. На границе не такие задания выполнял!

Все зашумели. Кто подсмеивался над нерешительностью силача-перевозчика, кто одобрял смельчака-пограничника, другие же, наоборот, высказывали опасения, сможет ли он доставить в безопасности семью радиста на тот берег.

— Катунь, она шутить не любит!

— С норовом! Что необъезженная лошадь!..

— Перевернет — пойдешь затылком пороги считать!

— Так кто как лодку поведет...

— Это верно, от человека все зависит.

Амыров, долго молчавший и прислушивавшийся к восклицаниям, наконец кашлянул и положил руку на плечо Рябову. Все сразу смолкли.

— Дождись парома. Через неделю будет.

— Через неделю? А работа?

Рябов вспомнил о начальнике станции, который остался в горах один. Мало ли что там может за неделю случиться! Нет, ждать столько времени невозможно! Но, взглянув на Тамару, которая казалась сейчас бледнее, особенно рядом с загорелыми колхозниками, он заколебался.

Тамара, догадавшись, о чем думает муж, придвинулась к нему поближе. Все смотрели на нее, ждали, что она скажет. От волнения у нее перехватило в горле.

За несколько лет жизни на Алтае, куда она приехала из большого сибирского города работать гидрологом, она привыкла к переправам через горные реки, к верховой езде по бездорожью и тайге. Когда она лежала в больнице, ее не беспокоила мысль о том, как она будет добираться до станции, и никто, даже врач, который принимал у нее роды, не удивлялся тому, что ей придется с ребенком переправляться через Катунь, ехать на лошади. Это было обычным делом в их крае. Но теперь, стоя на берегу Катуни, она со страхом думала о подстерегающих на каждом шагу опасностях. На руках у нее была ее дочь. Не остаться ли ей в деревне? Может быть, даже поехать к матери? А как же ее любимая работа? На станции их ждет не дождется начальник, который вот уже несколько суток живет один, без радиста и гидролога... Тамара решительно сдвинула брови.

— Люди переправляются. А почему мы не можем?

— Правильно! — захлебнулся от радости паренек, горевший нетерпением показать свою отвагу.— Катунь хоть и баловная, да для нашего брата ручная. Рычит, да не кусается. Так поедем, значит?

И, не дожидаясь ответа, он побежал по белым, обточенным водой валунам вниз по течению, где чернела лодка.

Тамара, стараясь скрыть тревогу, улыбнулась, но сердце ее сжималось от страха. У нее слегка кружилась голова, и она уже жалела, что не согласилась остаться.

— Боевая у тебя жена! — смутно донеслось до нее.

Она не прислушивалась к тому, что говорят вокруг нее: все ее внимание было приковано к реке. Она не могла оторвать глаз от сверкающей на солнце, просвечивающей на большую глубину зеленой, морского цвета, стремительно несущейся перед нею воды.

До противоположного берега было далеко — не меньше трехсот метров. Он обрывался каменистой стеной, казался неприступным. Вода разбивалась там о большие острые камни, и белая пена и брызги четко обозначали границу реки на темном фоне скал. Сразу же за рекой круто поднимались и громоздились одна за другой горы, поросшие нарядными светлыми лиственницами, стройными островерхими пихтами, могучими, широкоплечими кедрами. Они скрывали от глаз скалистые хребты и снежные вершины, к которым лежал их путь.

Вот уже отчаянный паренек сдвинул зеленую фуражку на затылок, подогнал высоким шестом просмоленную, с пологими бортами лодку без сидений и подтащил ее на камни.

Все стали прощаться с Рябовым и Тамарой, совать им в руки неизвестно когда приготовленные мешочки с гостинцами, давать советы. Старуха-алтайка, в меховой шапке на голове, с трубкой во рту, обняла Тамару:

— Май-Эне[1] добрая!

Рябов устроился на носу, Тамара села в середине лодки.

Паренек, вызвавшийся их переправить, не торопился. Он беспечно докуривал самокрутку и всем своим видом обнаруживал полное презрение к опасности. Он как будто не замечал, что все смотрят на него. Словно нехотя, он подошел вразвалку к лодке, заправил для чего-то получше штаны, сдвинул пониже и без того плотно сжатые в гармошку сапоги, выпрямился, еще глубже сдвинул назад фуражку — так, что она только каким-то чудом держалась на его кудрявом затылке, затянул потуже ремень и расправил складки на гимнастерке. Можно было подумать, что он собирается на свидание к девушке или готовится пуститься в пляс. Наконец он протянул руку к Амырову, который держал за поводья лошадей, приготовленных для Рябова. Но Амыров вместо того, чтобы отдать ему поводья, ни слова не говоря, слегка отодвинул его плечом, легко вскочил в лодку и, не выпуская из рук поводья, прошел на корму.

— Сам поеду,— сказал он просто.

Паренек от неожиданности свистнул и беспомощно обвел всех глазами, как бы ища у людей защиты. Растерянное, глуповатое в эту минуту выражение его лица никак не соответствовало той молодецкой позе, в которой он продолжал стоять. Все грохнули.

Паренек сорвал фуражку, в досаде изо всех сил швырнул ее на камни — твердый козырек тут же раскололся — и, запустив в воздух крепкое словечко, побежал в деревню, задыхаясь от негодования.

— Ухожу!.. Все!.. Ухожу из колхоза!.. Так и знай!

Это еще больше поддало веселья. Не удержалась от смеха и Тамара. Даже хмурый перевозчик, который все время переминался с ноги на ногу в стороне от других, подошел к людям и повеселел: все-таки молокососу не удалось его посрамить!

Только один Амыров сохранял серьезность и никак не объяснял своего поступка: то ли он воспринял поведение паренька как лихачество, то ли не мог ему доверить важное и довольно рискованное дело и решил сам принять на себя всю ответственность за переправу.

Амыров внимательно осмотрел лодку и весла и деловито обратился к Рябову:

— Будем работать, эш[2].

Он потянул поводья, понуждая лошадей сойти с берега в воду, но они упирались. Тогда все стали кричать и бить их по спине прутьями. Животные фыркали, косили глазами, скользили копытами по камням, но никак не шли. Белый жеребец, недавно пойманный в табуне, рванулся и чуть не стащил с лодки Амырова.

— Акыр! — резко крикнул он на жеребца, и тот стал как вкопанный.

— Неук, а хозяина слушается,— заметил кто-то уважительно.

«Неуками» здесь было принято называть необъезженных коней.

Долго не удавалось заставить лошадей шагнуть в воду. Наконец гнедая решилась, а за ней пошли и две другие. В эту минуту оттолкнули от берега лодку. Ее сразу подхватило и понесло. Рябов и Амыров, стоя на одном колене и держа в руках по короткому веслу-лопатке, не теряя ни секунды, принялись вовсю загребать вдоль лодки — один с правого, другой с левого борта. Лодка, подгоняемая быстрым течением, стала пересекать реку.

Тамара со страхом смотрела то на буруны, то на дочь, которая мирно спала. И этот мирный сон ребенка в лодке, на Катуни, скачущей по камням и оглушенно ревущей, был так удивителен, что Тамаре невольно передалось спокойствие маленького существа.

Рябову некогда было обернуться. Все его внимание было поглощено борьбой с бешеной Катунью. Но он все время помнил, что за спиной сидит жена и держит на руках его дочь, которая становится ему все дороже и дороже, может быть, потому, что одного неверного движения было достаточно, чтобы потерять ее навсегда в этой зеленой прозрачной пучине.

Когда лодка дошла до середины, течение стало особенно стремительным — об этом можно было судить по подводным камням, которые, казалось, выскакивали со дна со страшной скоростью и, едва не достигая борта, в ту же минуту снова падали на дно — уже по другую сторону лодки. Будто какие-то сказочные существа затеяли под водой игру, стараясь достать камнями людей, но лодка удивительно плавно взлетала на высокий пенистый гребень и соскальзывала в темнозеленую яму.

Лошадей начало заметно сносить. Вытянув над водой морды с раздутыми ноздрями, они старались не отставать от лодки, но не могли больше оставаться на одной линии с ней и тащили ее вниз. Держать их за поводья стало опасно, и Амыров вынужден был отцепить их

[1] Май-Эне,—по алтайским древним поверьям, покровительница детей.

[2] Эш — товарищ.

от кормы и предоставить им свободу. Он сделал это, не выпуская из рук весла, не повернув даже головы. Но и этого незаметного движения было достаточно, чтобы лодка потеряла неустойчивое равновесие. Катунь как будто только ждала этого момента. Лодку сильно подбросило, волна ударила в борт и захлестнула лодку.

— Не шевелись! — крикнул Рябов, не оборачиваясь.

Тамара не слышала его, но в ту же минуту встретилась глазами со взглядом Амырова, который приказывал ей сидеть, и она, покорная этому властному взгляду, осталась в том же положении в воде, заполнившей дно лодки. Это спасло их — уверенными и сильными движениями мужчины снова придали лодке нужное направление.

Тамара инстинктивно прижала к груди дочь. Капли холодной воды обрызгали лицо девочки, она проснулась и закричала. Тамара неожиданно вспомнила свою мать — та писала ей в больницу, чтобы ребенка непременно крестили. Как ни опасна была эта минута, но Тамара невольно улыбнулась — вот и крещение! Она осторожно стерла капли с лица дочери, и та сразу успокоилась.

До берега оставалось каких-нибудь десять метров. Амыров, сдвинув черные брови и прищурившись так, что его и без того узкие глаза почти совсем закрылись, смотрел на проносившийся вблизи скалистый берег, направляя лодку к небольшой площадке. Лодка влетела между камнями в узкую бухточку и, сдерживаемая искусными движениями гребцов, почти без толчка уткнулась в берег. Рябов вскочил на камни, придерживая лодку, и помог Тамаре выйти. Он тяжело дышал, руки у него дрожали от усталости, но он не мог даже взглянуть на дочь. Амыров, перескакивая с валуна на валун, бежал вниз ловить лошадей; Рябов бросился догонять его.

Хоть бы лошади успели выйти на берег выше скал, что отвесной стеной падают в нескольких стах метров! Если лошадей стянет туда, им не выбраться на берег. А ниже начинаются уже пороги — перемелет их эта страшная каменная мельница, и понесет Катунь их бездыханные тела в Обь. «Пропадут, пропадут колхозные лошади!» — с отчаянием подумал Амыров, прыгая с камня на камень и даже не глядя под ноги, будто у него за спиной отросли крылья. Резким голосом, какой бывает только у пастухов, он выкрикивает короткие слова, понятные только одним алтайским лошадям. И они из последних сил режут широкими грудями ледяную воду, вытягивают шеи и глазами, полными смертельного ужаса и отчаянной мольбы о спасении, смотрят на человека. И вот уже стал бить копытами по камням гнедко, за ним, вздрагивая всем телом, вышла из воды каурая кобыла, и далеко от них, у самой скалы, спотыкаясь и тяжело вздувая бока, выбрался белый жеребец. Он доверчиво поплелся за Рябовым, который подоспел как раз во-время и сейчас сам чуть-чуть не падал. Придерживаясь свободной рукой за камни, он торопился к Тамаре и дочери...

— Ну,— сказал Амыров, вытирая пот со смуглого лица, когда лошади были оседланы, а белый жеребец навьючен,— счастливый путь! — Он наклонился над девочкой, лежащей на большом плоском камне.— Первую реку переплыла, хорошо переплыла. Много-много рек переплывет.

Рябов обхватил руками коренастую фигуру председателя колхоза, приподнял его над камнями и поцеловал в соленые от пота губы.

— Спасибо, дружище!

— Зачем спасибо? — удивился Амыров.— Маленький человек — все помогают, вырастет большой — всем помогает.

Тамара крепко пожала ему руку.

— Приезжайте к нам в гости!

— Зимой в гости. Работать надо,— заторопился вдруг Амыров. Наклонился и поцеловал девочку.— Спит! Смотри ты, спит! — удивился он и в первый раз за все время рассмеялся.— Дайте ей имя Уйкучи — Соня.— Подумав, сказал: — Нет. Маленькая спит, много спит. Большая много глядит. Понимаешь? Красиво: горы, небо, река, тайга, лошади, мужчины, женщины, дети. Красиво — жизнь.

Он спустился к реке, вскочил в лодку и, стоя, принялся толкать ее шестом вверх по течению, чтобы выбраться значительно выше того места, куда должен был возвратиться.

А на том берегу, далеко от них, стояли люди, что-то кричали и махали руками. Лиц их нельзя было различить, а шум реки покрывал их голоса. Но и так было понятно, что они радовались благополучной переправе.

— Ты, наверное, проголодался? — спросила Тамара и подала Рябову хлеб.

— А она сыта? — озабоченно взглянул он на дочь.— Смотри, не забывай кормить ее вовремя!

Тамара рассмеялась.

Не мешкая, они сели на лошадей. Рябов перекинул ружье за плечи дулом вниз и взял на руки дочь, которая, подкрепившись на дорогу, пускала белые пузыри и смотрела в небо голубыми глазенками.

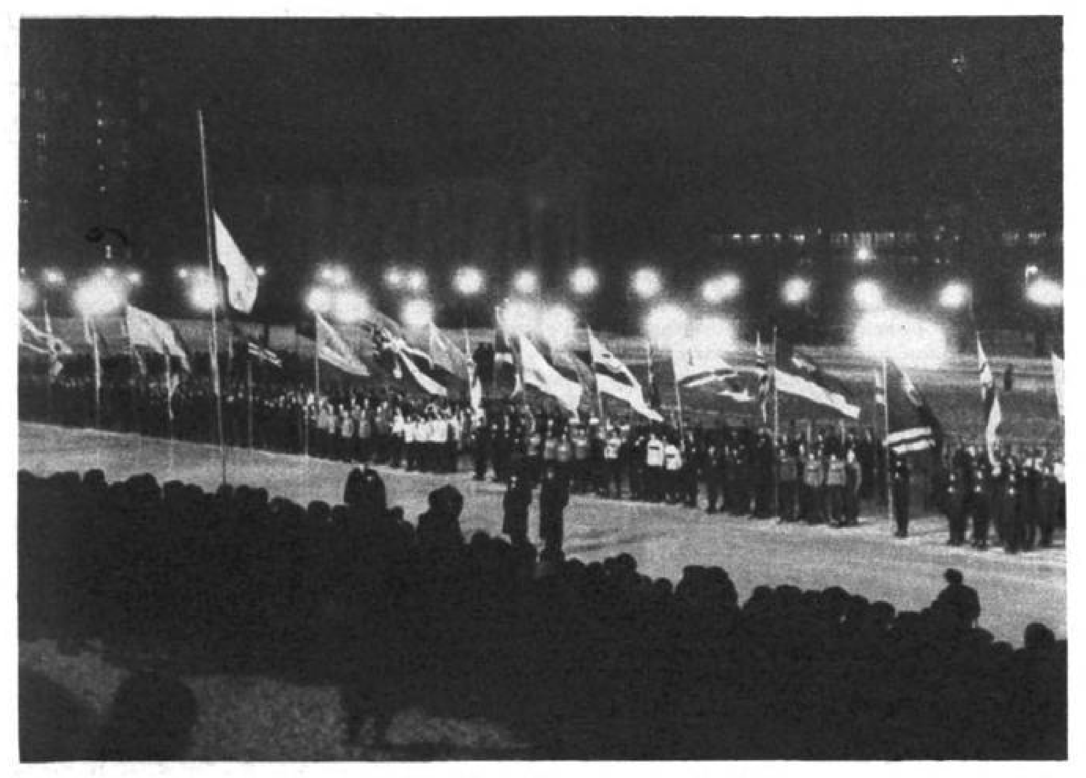
— Ну, маленькая путешественница, держись! — обратился он к ней.

«Мои глаза!» — радостно подумал он.

Они двинулись в путь.

Далеко впереди, в просвете лиственного леса, таяли в синей дымке дальние горы, а над ними сияли снежные пики Катунских белков.

Парад участников спартакиады профсоюзов.

Фото А. Бочинина.

ЗЕНИТОВЦЫ—ЧЕМПИОНЫ

Закончились самые массовые соревнования по зимним видам спорта — финал III спартакиады профсоюзов. Этому предшествовали состязания в коллективах физкультуры, областные и республиканские олимпиады, в которых приняли участие многие тысячи спортсменов. 2 500 лучших лыжников, конькобежцев, хоккеистов приехали в Москву.

В результате пятидневной борьбы на льду и лыжне первое место завоевали спортсмены общества «Зенит». Второе место заняли локомотивцы, а третье — команда добровольного спортивного общества «Буревестник».

В родном Долгинцеве

В журнале «Огонек» № 5 за текущий год была опубликована заметка «Лида Бабенко вернулась на Родину». В ней рассказывалось об украинке Лидии Бабенко, которая после долгих лет вынужденной разлуки возвратилась на Родину. Вместе с нею приехали в Советский Союз ее муж голландец Виллем Пастоор и их сын девятилетний Вим.

Сейчас Лидия Ивановна вместе с мужем и сыном живет на станции Долгинцево, Днепропетровской области, по улице Горького, дом № 44. В беседе с нашим корреспондентом она рассказала:

— В январе я возвратилась в родные места, где прошло мое детство и где я так давно не была. Встречали нас очень хорошо, трогательно. На вокзале, кроме моих родных, было много соседей, знакомых. Не могу не сказать о переменах в Долгинцеве. Построены новые дома, на станции появились электровозы и мощные паровозы, каких я никогда не видела.

Вместе с мужем мы были в горисполкоме, в райсовете, где к нам отнеслись с теплотой и заботой. Мой муж уже работает в паровозном депо станции Долгинцево по своей специальности — токарем. Работа ему нравится. У него появились хорошие товарищи, которые помогли ему быстро освоить наши советские станки.

Сын учится в первом классе. Учительница и ученики уделяют ему много внимания, стараясь, чтобы он хорошо усвоил русский язык.

Что касается меня, то я пока хозяйничаю дома. Появилась у меня неотложная обязанность: помогаю мужу и сыну учиться русскому языку. Когда они станут хорошо говорить по-русски, очевидно, я тоже пойду работать.

На снимке: Лидия Ивановна встречает своего мужа Виллема Пастоора у паровозного депо Долгинцево после рабочего дня.

Фото А. Куцева.

Старейший книжник Москвы

Книжники Москвы отметили 50 лет работы с книгой Ивана Илларионовича Корчагина.

Полвека назад крестьянский мальчик приехал в Москву и поступил учеником в книжную лавку. С тех пор Иван Илларионович прошел долгий трудовой путь, а ныне является директором крупнейшего в столице книжного магазина № 2.

Через руки Корчагина прошли миллионы книг, он воспитал несколько поколений работников книжного прилавка.

Обладая незаурядной, чисто профессиональной памятью, Иван Илларионович помнит и знает книги, вышедшие десятки лет тому назад. Если нужна какая-либо справка о книге, изданной много лет назад, специалисты и любители обращаются к Корчагину.

Министерство культуры РСФСР и Московский Совет наградили И. И. Корчагина почетными грамотами.

М. ВЛАДИМИРОВ

Фото Р. Лихач.

Полярной ночью над океаном

Летчик Петр Павлович Москаленко возвратился из Арктики после полетов на дрейфующие станции. А на следующую ночь произошло событие, о котором летчик еще ничего не знал, но которое имело прямое отношение к нему. Дело в том, что в эту ночь все радисты Арктики безуспешно ловили в эфире позывные острова Ушакова. Звали — и не могли дозваться. Маленькая полярная станция за 80-м градусом северной широты молчала и на следующий день и через неделю...

Что же случилось на острове Ушакова? Не стряслась ли какая беда с зимовщиками?

— Надо полететь, Петр Павлович, вы хорошо знаете дорогу к этому острову,— сказали Москаленко в Главсевморпути.

Да, около двух лет назад, весной, Москаленко впервые опустился на леднике острова Ушакова и затем за несколько рейсов доставил туда оборудование полярной станции и зимовщиков. Но одно дело — летать полярным днем, когда солнце не заходит, и совсем другое дело—зимой, во тьме, когда молчит к тому же и радиостанция острова и, значит, отсутствует главное средство ориентировки для авиатора.

Через Диксон и Северную Землю Петр Павлович вылетел к острову Ушакова. Низко висели облака над торошенными океанскими льдами. Москаленко и пилот М. В. Костырев напряженно вглядывались вниз. Штурманы В. И. Ковтун и М. М. Кононенко сменяли друг друга над картой и под стеклянным колпаком астролюка. Стоило показаться разрыву в облаках, как они тотчас ловили секстаном редкие звезды. Радист В. И. Новиков каждые 10—15 минут брал пеленги с береговых радиостанций.

Часа через полтора, когда, по расчету времени, самолет должен был находиться над островом Ушакова, внизу мелькнуло большое белесоватое пятно. Что это: ледник острова или плавучее ледяное поле? С севера белесое пятно опоясывалось темным пространством разводьев.

— Пожалуй, все-таки остров, — решили пилоты. — Ветер сейчас юго-западный, он отжимает плавучий лед от северной оконечности острова.

Когда самолет начал снижаться, купол ледника оказался частично закрытым облаками. Как бы не врезаться в ледник при посадке! Петр Павлович осторожно вел машину вокруг ледяного купола, высматривая то памятное место, где около двух лет назад была построена станция.

Петр Павлович Москаленко в кабине самолета.

Фото Я. Рюмкина.

Ориентируясь на темные пятна, Москаленко пошел на посадку, и скоро лыжи машины запрыгали по крутым снежным надувам. В тот же миг тьму прорезали огненные трассы ракет. Это зимовщики, привлеченные шумом мотора, выскочили из домика.

Едва самолет остановился и летчики вслед за своим командиром вышли из кабины, как они очутились в объятиях зимовщиков. Начальник полярной станции А. А. Бодунов и его товарищи горячо благодарили крылатых друзей. Привезенное на самолете с Большой Земли запасное радиооборудование пришлось как нельзя кстати. Рация острова молчала потому, что вышел из строя движок.

Бортмеханики Н. А. Ивашкевич, Н. Е. Небогатиков и радист В. И. Новиков помогли полярникам быстро отремонтировать рацию. Через несколько часов, когда самолет шел в обратный путь, позывные острова Ушакова снова звучали в эфире.

С. МОРОЗОВ

«Ташкентская минеральная»

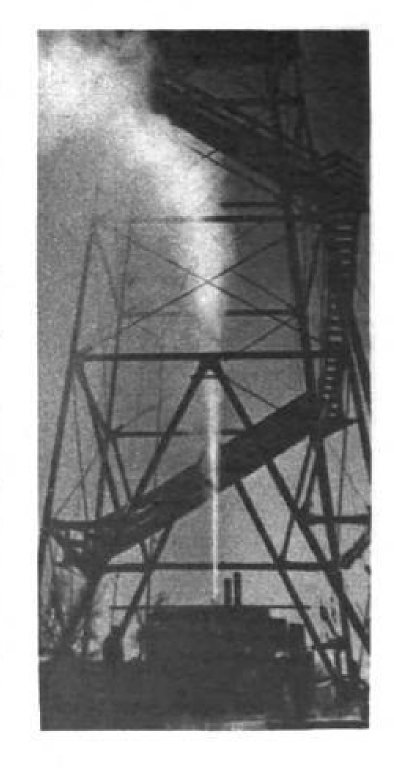
Над оголенными по-зимнему деревьями парка высоко взметнулся фонтан. Вода бьет из скважины с такой силой, что вершина фонтана превращается в пушистое белое облачко. Под лучами солнца на облачке явственно виден радужный ореол. Это новый источник горячей минеральной воды, забивший недавно в ташкентском лесопарке «Победа».

Всего лишь несколько лет назад в аптеках Ташкента рядом с «Боржоми», «Нарзаном» и «Ессентуками» появились бутылки с голубыми этикетками «Ташкентская минеральная вода». Новая минеральная вода быстро завоевала популярность. Ее успешно используют врачи для лечения желудочно-кишечных заболеваний, суставного ревматизма, накожных болезней. Приятная на вкус вода стала одним из любимых прохладительных напитков.

В лесопарке «Победа» к летнему сезону должны быть сооружены помещения для ванн. Они послужат основой будущей здравницы.

Н. СОЛОВЬЕВА

Фото А. Палехова.

РОМАНОВ ИГРАЕТ ПРОТАСОВА

Осенью 1911 года репертуар русского театра обогатился пьесой Льва Толстого «Живой труп», впервые опубликованной в посмертных сочинениях великого писателя. Честь первой постановки принадлежала Московскому Художественному театру, который и показал «Живой труп» в блестящем исполнении своих лучших артистов. Главную роль, Феди Протасова, сыграл И. М. Москвин с необыкновенной простотой, глубиной и убедительностью.

С тех пор прошло сорок пять лет, и за эти годы замечательная драма Толстого незыблемо вошла в золотой фонд мировой драматургии, а образ Феди Протасова, «московского барина», превратившегося в «живой труп», стал одним из самых привлекательных образов для многих и многих русских и зарубежных артистов. За последние годы Федю играют в Московском Малом театре М. И. Царев, в Ленинградском театре имени Пушкина — Н. К. Симонов, в Киевском русском театре имени Леси Украинки — М. Ф. Романов. И, конечно, каждый из исполнителей по-своему раскрывает по-толстовски сложный и в то же время исключительно четко обрисованный, психологически тонкий характер.

Москвичи познакомились с исполнением роли Феди Протасова Романовым во время двукратного приезда Киевского театра имени Леси Украинки в столицу, а в нынешнем сезоне они вновь увидели Романова в этой же роли: артист выступал в качестве гастролера в спектакле Малого театра. Как и раньше, великолепная и вдохновенная игра Романова встретила горячее одобрение зрителей.

Романов, как актер, обладает чудесной мягкостью и душевностью. В его игре нет острых углов и неизменно присутствует какая-то особая плавность жестов, движений, певучесть интонаций. Все это и помогает ему без каких-либо подчеркиваний и нажимов создать истинно толстовский образ Феди. По ходу развития событий и по количеству ступеней пройденной Федей жизненной лестницы роль его творчески очень трудна.

Впервые мы знакомимся в пьесе с Федей Протасовым у цыган, когда те поют московским барам любимые Толстым песни: «В роковой час», «Не вечерняя» и другие. И вот, когда мы смотрим, как Федя Протасов-Романов слушает цыган, мы сразу ощущаем в нем человека, в котором основное — упоение жизнью, восторг перед той правдой чувств, которую исказили и искалечили мерзкая мораль «высшего общества», бездушные законы царской России. Романов отлично чувствует, что Протасов по-настоящему чист и правдив, и оттого так волнующе развивается актером вся последующая драма Феди, кончая самоубийством в коридоре суда.

В лаконичное слово Толстого Романов вносит все богатство актерских деталей. Он не боится длинных пауз, ибо эти паузы душевно содержательны. Пусть нет слов, а есть только мимика, жесты, но для нас понятно все смятение чувств Феди, мучающие его «проклятые вопросы», как поступить, чтобы всем стало лучше: и его жене Лизе, и Каренину, и цыганке Маше, и ему самому. В грязной комнате трактира рассказ опустившегося почти до босяка Феди-Романова, рассказ о его судьбе, становится подлинным излиянием души, исповедью чистого сердца. И это все от того же упоения жизнью, которое мы ощущали еще в сцене с цыганами.

Стоя перед следователем, Протасов обретает такие гневные ноты, такую иронию, что мы будто слышим самого Толстого.

В галерее толстовских образов «Живого трупа», созданных на разных сценах замечательными русскими актерами, Федя Протасов в исполнении Романова занимает одно из самых ярких мест.

Н. ГОРСКИЙ

Фото А. Горнштейна.

У цыган. Федя — Каренину: «Ты лучше меня. Какой вздор! Лучше меня не трудно быть».

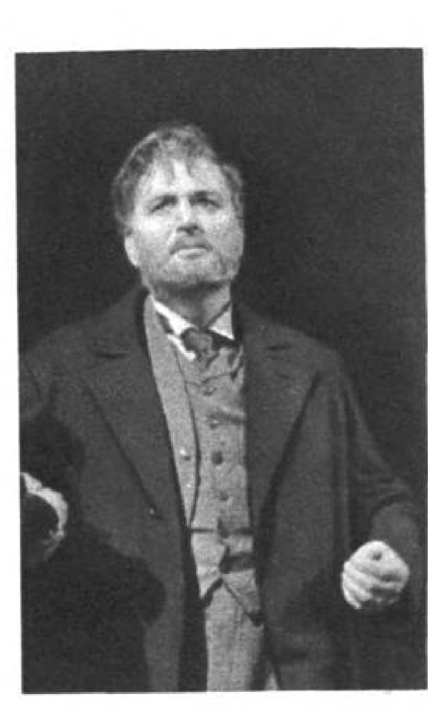

Федя (после ухода Абрезкова): «Так и надо, так и надо, так и надо. Чудесно.»

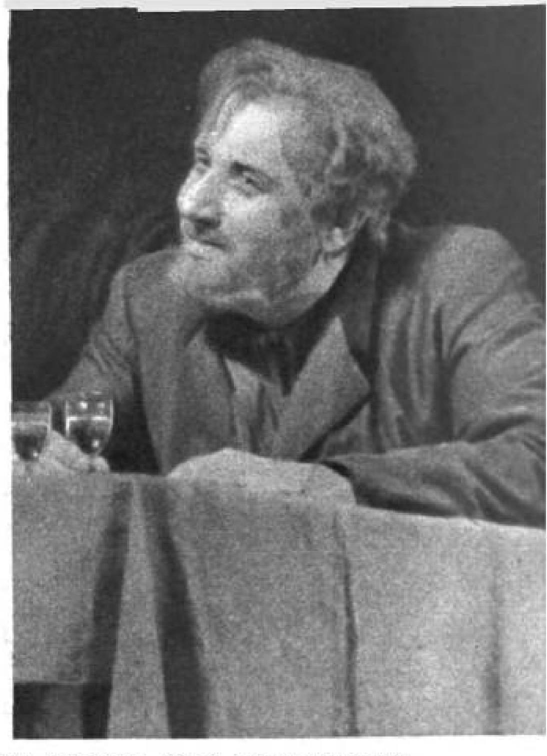

Разговор с князем Абрезковым. Федя: «Я не хочу, да мне и нельзя оправдываться».

В трактире. Федя в ответ на совет Маши стать «живым трупом»: «Да ведь это обман».

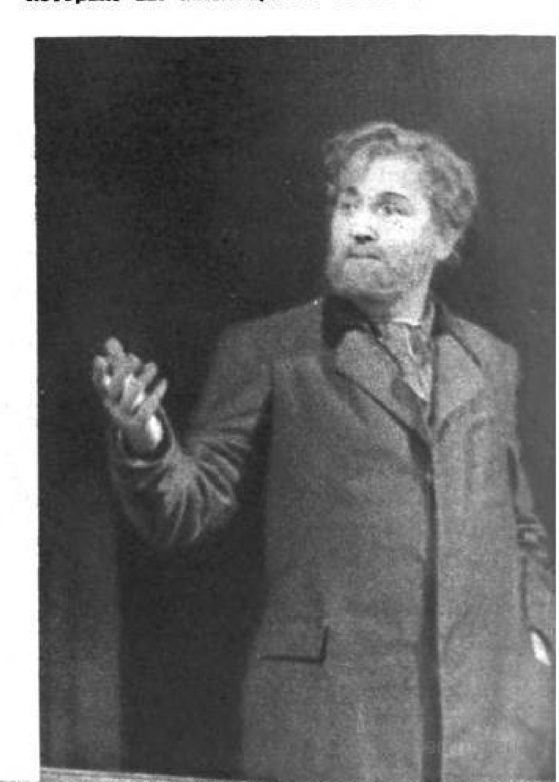

Из рассказа Феди художнику Петушкову о Маше: «Не погубил я ее просто потому, что любил. Истинно любил».

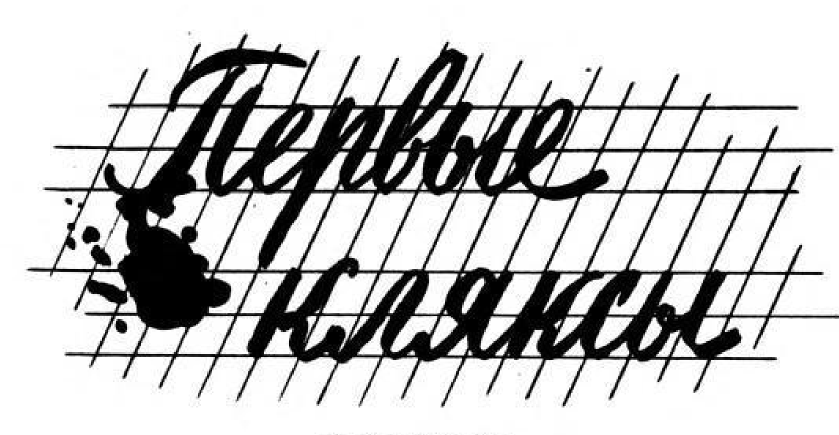

У следователя. Федя: «Рады, что имеете власть, и, чтобы показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячу раз лучше вас».

«И вы, получая двадцатого числа по двугривенному за пакость, надеваете мундир и с легким духом куражитесь над ними, над людьми, которых вы мизинца не стоите...»

Первые кляксы

С. НИКИТИН

Рисунки Ю. Черепанова.

Первоклассник Витя Пымзин сидит за отцовским письменным столом и готовит уроки. Пишет он в своей тетрадке не так, как европейцы,— слева направо, и не так, как арабы, — справа налево, и не так, как китайцы, — сверху вниз, и даже не так, как мальчики из страны Лилипутии, открытой Гулливером,— по диагонали, а совершенно по-своему — ступеньками. Слова он располагает одно под другим таким образом, что у него получается длинная лестница, ниспадающая от верхнего угла тетрадки к ее середине.

Делает это Витя не из пустого озорства. Рукой мальчика двигает буйное, не подчиняющееся его воле воображение. Оно уводит Витю в иной мир, где нет ни единиц, ни «рукотворных» наказаний родителей, а есть только невиданные звери, смелые охотники. И вот у буквы «с» уже появляются всевозможные олицетворяющие атрибуты: ушки, носик, хвостик, — а буква «в» целится в нее из лука, готовая пустить разящезвонкую стрелу с тяжелой кляксой на конце. Все это, конечно, не противоестественно. И вообще Витя — нормальный, здоровый ребенок, как и все в его возрасте, «открытый для добра и зла», жизнерадостный, веселый и склонный к шумным играм, всегда овеянным благодаря ему творчески-остроумной выдумкой. И только в глазах его — острых, шустреньких глазах хитрого мышонка — есть что-то неприятное. Так смотрят дети, которые знают многое из того, что им не положено знать ни по возрасту, ни по самым элементарным нормам воспитания.

Внезапно витины занятия русской грамотой прерваны визгом входной двери. Витя вскидывает стриженую голову и с любопытством прислушивается. Из кухни доносится вкрадчивое покашливание, потом сиплый, точно залежавшийся на сыром складе голос:

— Вот тут, Анна Федоровна, говядинка, ножки на студень и всякая такая штука... Чего будет нужно, вы ко мне без стеснения. Всегда рад услужить. Как Павел Кузьмич ко мне, так и я к нему, всей душой, значит. Без этого нельзя.

Витя срывается с места и бежит на кухню.

— А-а! Всяка-такая-штука пришел! — радостно приветствует он обросшего недельной щетиной человека в коротком пальто с измятыми лацканами. — Чего мне принес?

Человек старается изобразить на своем лице умиление и даже присаживается от избытка сладких чувств на корточки.

— Герой мой дома, октябренок мой дома! — заводит он фальцетом. — А я-то вошел, — чу! — не слышно моего героя. Думаю, гуляет. Тут у меня всяка такая штука есть, на вот, лакомись на здоровье.

В руки Вити сыплются дешевые конфеты, яблоки, печенье, он благосклонно принимает все это и, не поблагодарив, отходит к кухонному столу, где мать Анна Федоровна распаковывает увесистые свертки.

— А у тебя чего?

— Отстань. Мясо.

Анна Федоровна — тощая женщина с длинным несвежим лицом — легко раздражается без всякого повода. Очень трудно бывает предугадать, что именно вызовет у нее вспышку короткого, но истерически-бурного гнева, и поэтому все домашние живут под вечным страхом за свои даже самые невинные поступки. Витя тоже боится ее, и ему поневоле приходится на каждом шагу прибегать к маленькой лжи, чтобы как-то славировать и тем избежать окрика или затрещины. Но на сей раз остатки врожденного детского простодушия все же подводят его.

— А воблы не принес? — спрашивает он у человека с измятыми лацканами.

— Нет, милый, не принес. Не поступила пока на базу.

— Ты укради мне немножко, когда поступит, — деловито наказывает Витя и тут же получает от матери затрещину.

— Иди учи уроки, гадкий мальчишка! Нечего тебе на кухне болтаться!

Вите не больно, но он инстинктивно прибегает к испытанному средству самозащиты — неистовому реву. Надо же показать матери, что ее воспитательный прием достиг цели, а то, раздосадованная неудачей, она, чего доброго, вздумает повторить его в более ощутимой форме.

— Ну ладно, не реви, — смягчается мать. — Смотри, сколько у тебя гостинцев. Иди ешь и учи уроки, а я пойду в погреб.

Всхлипывая, Витя возвращается к своей тетрадке и, кусая жесткое яблоко, погружается в задумчивость. Конечно, Всяка-такая-штука — жулик, кто же об этом не знает? Сам отец часто говорит о нем с восхищением:

— Ловкий жулябия этот Всяка-такая-штука! Такой, брат, никогда не попадется, умеет свести концы с концами.

Так почему же возбраняется говорить об этом ему, Вите? Нет, лучше не доверять этим взрослым и держаться от них подальше...

Снова визжат петли входной двери. Это возвращается с работы глава семейства — Павел Кузьмич Пымзин, руководящий деятель потребсоюза. Слышно, как он проникновенно разговаривает со своей шубой, вешая ее на крючок, потом продвигается через комнаты, задевая по пути за все предметы.

— Учишься, брат, зубришь? — спрашивает он, останавливаясь у Вити за спиной. — Ты, брат, учись, зубри. В жизни пригодится. Выучишься — в институт пойдешь... Где мать-то? Ужинать пора бы.

Взгляд родителя случайно падает на тетрадку сына и приобретает оттенок веселого удивления.

— Хо-хо, брат, чего это ты тут наколбасил? — гогочет Павел Кузьмич.— Эй, мать! Посмотри-ка, каких выкрутасов он тут настряпал. Чему только их учат в этой школе!

Вернувшаяся из погреба и еще закутанная в платок, Анна Федоровна подходит к столу. Витя тотчас же начинает сбивчиво бормотать какую-то ложь, а голова его непроизвольно втягивается в плечи. Но на этот раз родительская кара волей случая минует его. Анна Федоровна, точно ищейка, потягивает носом, и гнев ее устремляется на мужа. В ее гневе нет возрастающих степеней, он обрушивается сразу девятым валом.

— Ничтожество! — кричит Анна Федоровна.— Опять нализался, как скотина! Загонишь ты меня в петлю! Убегу я из этого дома куда глаза глядят!

Этим угрозам Павел Кузьмич, конечно, не верит, но малодушный страх перед жесткой ладонью супруги заставляет его пятиться, моргать и униженно оправдываться:

— Да я... да мы с Потаповым, с Гусевым по кружечке... Послушай, мать! Эй, мать, мать, перестань...

Раздается звук хлесткой пощечины; Павел Кузьмич, отпрянув, падает на диван, и Витя, всегда готовый включиться в какое-нибудь шумное предприятие, кричит с пылающим жаждой бури взглядом:

— Ура! Бей папу!

Но как обескураживающе разбиваются об этот изменчивый, непонятный, вероломный мир взрослых самые искренние витины порывы! Внимание Анны Федоровны вдруг переносится на сына, она заглядывает в его тетрадь и хватается за голову.

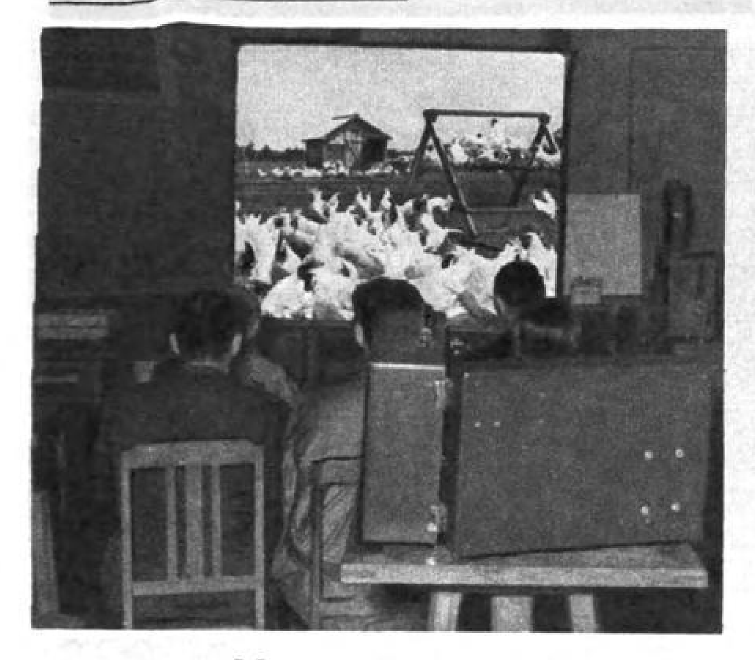
— Боже! Что ты наделал! Что ты наделал, я тебя спрашиваю? Загонишь ты меня в петлю! Убегу я из этого дома куда глаза глядят!

Вите от этих слов, которые он слышит каждый день, вдруг становится невыносимо скучно. Уже непритворные слезы подступают ему к горлу, он начинает судорожно всхлипывать, но оказывается, что плакать, даже когда этого искренне, по-настоящему хочется, нельзя.

— Не смей реветь! — слышит он голос матери.— Завтра возьмешь чистую тетрадку и напишешь все как следует, без клякс. А сейчас иди и спи, гадкий мальчишка!

Витя идет к своей постели, закрывается с головой одеялом и, глотая крутые комки слез, засыпает.

г. Ковров.

Умная машина

Несколько лет назад увидел я случайно диафон. На небольшом экране перемещались четкие красочные изображения, а позади меня из аппарата величиною с патефон раздавался живой голос ученого, пояснявшего изображения. Я подумал: какая же простая и умная машина — диафон!

Обязательно ли отправляться в командировку в другой город за изучением лучших способов производства, если достаточно получить ленту фотоснимков и магнитную пленку с записанным на ней текстом — и диафон все покажет и расскажет?

Диафоны помогли бы сэкономить много времени и энергии, если применить их для распространения научных знаний и передового опыта среди тружеников промышленности и сельского хозяйства.

Верно ли это?

П. АРХИПОВ

В настоящее время существуют два типа диафонов. Первый из них был предложен изобретателем инженером К. В. Васильевым и около трех лет назад изготовлен в одном из ремесленных училищ Ленинграда.

Диафон был рассчитан на показ диафильма из 35 озвученных кадров. Однако это изобретение не нашло применения из-за отсутствия централизованных заказов, а также из-за отказа кинопромышленности выпускать озвученные диафильмы.

Второй тип диафона — одесского завода «Кинап» — допускал возможность показа диафильма из 150 озвученных кадров. Однако он отличается более сложной конструкцией, так как звуковое сопровождение кадров осуществляется отдельным от проектора аппаратом — магнитофоном «Днепр-3».

Диафон «Кинап» был изготовлен для Московского государственного университета и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

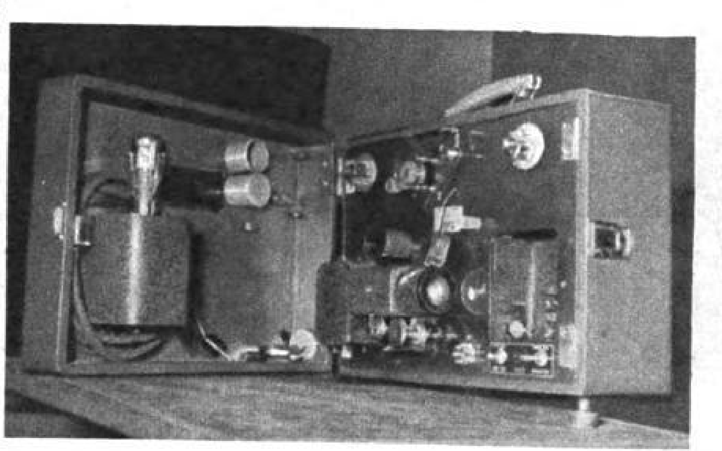
Стоимость его даже при массовом выпуске будет значительно более высокой, чем стоимость первого диафона.

Диафоны, конечно, являются весьма полезными пособиями для усвоения научных знаний и технического опыта.

Массовое применение такой аппаратуры очень желательно. Особенно большое распространение мог бы получить при массовом производстве диафон конструкции инженера К. В. Васильева благодаря его портативности и дешевизне.

Академик
И. АРТОБОЛЕВСКИЙ,
директор Политехнического музея **Н. ПОЗДНЯКОВ.**

Фото Р. Лихач.

Черная молния

«Что такое черная молния? О ней упоминают А. М. Горький в «Песне о Буревестнике» и А. И. Куприн в рассказе «Черная молния». Такой молнии как будто бы нет в природе, а мы слышали, что ее даже фотографируют?» — спрашивают редакцию читатели В. Санников (Ялта) и Р. Колесникова (Москва).

В рассказе А. И. Куприна высказана правильная догадка, что черная молния могла явиться результатом ошибки зрения, «напряженного беспрестанной игрой молнии по всему небу».

Молнии, окрашенной в черный цвет, не существует.

В «Песне о Буревестнике» А. М. Горький упоминает о ней лишь красивой метафорой:

> Между тучами и морем
> Гордо реет Буревестник,
> Черной молнии подобный.

Появление черной молнии на фотографической пластинке объясняется прерывистостью действия света. Если фотографическую эмульсию осветить сначала короткой вспышкой света высокой интенсивности, а затем светом умеренной силы, то негативное изображение может стать позитивным.

Как раз такие условия могут быть во время большой грозы, когда разной силы молнии следуют одна за другой с короткими промежутками времени. Тогда и на фотоснимке вместо светлой полосы на темном фоне получается обратная картина: черная молния на светлом фоне.

И. СТЕКОЛЬНИКОВ,
профессор, доктор технических наук.

Таинственная лампа

Не так давно я установил у себя в комнате люминесцентную лампу. Эту лампу дневного света я включаю вместо стартера кнопочным замыкателем, а выключение ее произвожу кнопочным размыкателем. Но вот однажды утром, еще затемно, я проснулся оттого, что лампа оказалась вдруг включенной, хотя, ложась спать, я погасил ее и в комнате никого не было, а дверь была заперта изнутри. Мои друзья утверждают, что лампу зажгла ночная гроза, которую я проспал. Однако никаких признаков попадания молнии вблизи моего дома не обнаружено.

А. ЛЕХНО

г. Краснодар.

Ваши друзья высказали правильное предположение, что люминесцентную лампу в комнате зажгла... молния. Для этого она не должна обязательно попасть в провода. Известно, что при всяком электрическом разряде возникают электромагнитные волны. Те трески и шумы, которые слышны во время грозы в радиоприемнике, вызываются электромагнитными волнами, возникшими от отдаленных молний и уловленными антенной.

Люминесцентная лампа во время грозы была включена в цепь. Молния, ударившая вблизи проводов электрической сети, вызвала в проводах такой большой импульс электрического напряжения, что лампа зажглась «сама».

Такова причина столь таинственного поведения лампы дневного света.

М. АЛЕНЦЕВ,
кандидат физико-математических наук.

ПИСЬМО ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Уважаемые товарищи!

Пишем вам из районного комитета Союза чехословацко-советской дружбы. В селе Еваны (район Чешский брод, Пражский край) найдено красное знамя. Нам удалось установить, что оно вывезено во время войны фашистами с Украины, из района Харькова. Сейчас это знамя находится в Подлипанском музее.

Для нас было бы большой радостью узнать, чье это знамя. Поэтому просим вас опубликовать это наше письмо и фотографию знамени. Может быть, те, кому принадлежит знамя, сообщат нам свой адрес.

Наш журнал

ЗАМЕТКИ ОХОТНИКА

Промысловая изба в глуши дальневосточной тайги, лисица в подмосковном березняке, лоси под зимним солнцем — таковы рисунки на обложках нового ежемесячного журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Охота — очень распространенный спорт. Однако в Советском Союзе, являющемся первым поставщиком пушнины на мировом рынке, значение охоты, естественно, не исчерпывается ее спортивной отраслью. Наши охотничьи пространства необъятны, количество видов промысловых зверей и птиц огромно, способы охоты и добычи трудно перечислить. Закутанный в меха промышленник безлюдного побережья Ледовитого океана на оленьей или собачьей нарте совершает одинокий путь, исчисляемый многими километрами. В сорокаградусный мороз в полусвете полярной ночи устанавливает и проверяет охотник пасти на песца. Под горячим южным солнцем добывает вредителя полей — суслика — промысловик степной зоны. Выдержка, мужество, выработанная поколениями привычка к труднейшим природным условиям определяют успех северного охотника. Слаженность, точность, быстрота, организованность позволяют сравнить труд добытчика степных грызунов с трудом рабочего на предприятии. Зимние кольцевые маршруты белковщиков в иных местах исчисляются сотнями километров пути по безлюдным, непроходимым в теплое время года лесам. Без умения организовать свой труд невозможен этот промысел. То, что может показаться предприятием невероятной трудности, в ряде районов является трудовыми охотничьими буднями.

Велик круг вопросов промысловой охоты, которые новому журналу придется освещать. Спортсмены предъявят свои требования. Охотничья тема в русской литературе освящена традицией, и современному читателю доставляет наслаждение тургеневское описание тяги. В охотничьем природоведческом журнале глубоко патриотическая нота родной природы должна звучать так громко, как этого требует любовь советского человека к своей земле, к ее лесам, степям, рекам, к студеной зимней заре и преисполненному трудно передаваемой прелести весеннему закату над просторами полых вод...

Молодой охотничий журнал пока еще только нащупывает нужную дорогу. Судя по немногим вышедшим номерам, журнал правильно представляет себе свое нелегкое и ответственное, но увлекательное будущее. Промысловики находят в журнале практически интересные сведения. Печатаются серьезные научные статьи, не имеющие отвлеченного характера. Журнал не пренебрегает полезными советами простых охотников. Литературный отдел, судя по началу, стремится удовлетворить как спортсменов, так и промысловиков. Хуже обстоит дело с очерком. Опасность штампа, «казенного» очерка, где живой человек загорожен цифрами, сведениями, скучными справками, пока напоминает о себе.

Хорошо оформлен журнал, чему немало способствует художник-охотник Ф. П. Глебов. Его акварели полны тайного трепета жизни природы. Художник искренне ее любит.

Хочется пожелать редакции журнала доброго пути и посоветовать охотникам, любителям природы: пишите больше в свой охотничий журнал, пишите об удачах и неудачах, обо всем новом, полезном, интересном, что встречается в вашем живом, увлекательном деле.

Владимир МАТОВ

Среди нас...

Рисунки Бориса Ефимова.

Стихи Сергея Швецова.

ИЖДИВЕНЕЦ

Он не сможет, безусловно,
Нам ответить на вопрос:
— Как из сосен сделать брёвна,
А из брёвен сделать тёс?
Им богатый местный бор
Не освоен до сих пор:
Табуретки и столы
Возит из Махачкалы,
Дуги
Из Калуги,
Сани
Из Казани.

ПЕРСОНА

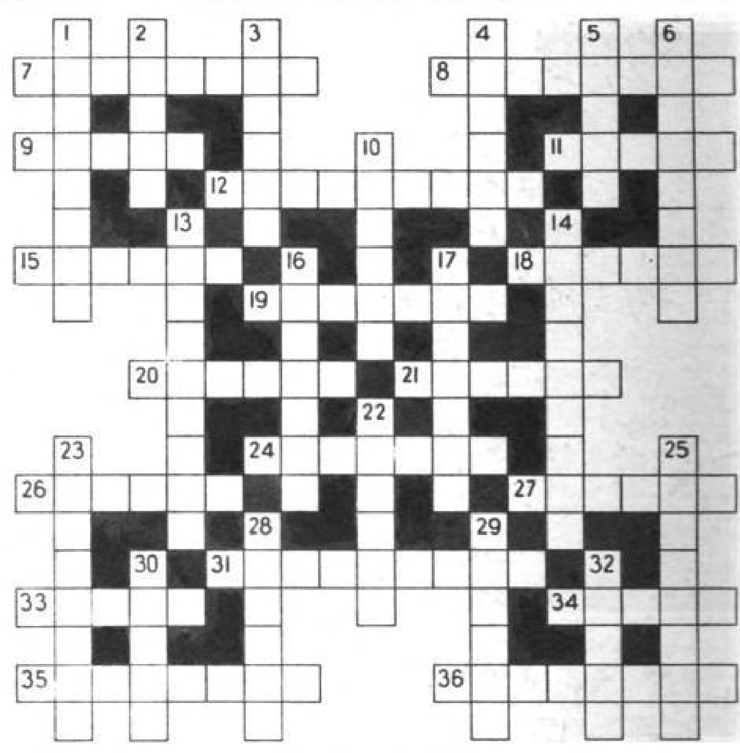
Добравшись до солидного поста
И видя пред собой помощников склоненных,
Он шевелить мозгами перестал,
Считая это делом подчиненных.

ВЗБУЧКИН-НАХЛОБУЧКИН

Взяв с собою по привычке
«Строгачей» большую пачку,
Не слезая с автобрички,
Производит он «накачку».

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Командир отряда в романе А. Фадеева «Разгром». 8. Государство в Европе. 9. Химический элемент. 11. Спутник Сатурна. 12. Город в Абхазской АССР. 15. Сорт цилиндрового масла. 18. Предметы комнатной обстановки. 19. Птица из семейства вьюрковых. 20. Остров в Финском заливе. 21. Морской залив. 24. Русский скульптор и художник. 26. Пешеходная прогулка. 27. Древнегреческий философ. 31. Советская спортсменка. 33. Республика в Африке. 34. Река во Франции. 35. Длина замкнутого контура. 36. Танец.

По вертикали:

1. Винтовая поверхность. 2. Солдат армии Монгольской Народной Республики. 3. Наука о законах мышления. 4. Нравственность. 5. Знак в правописании. 6. Литератор. 10. Расстояние между двумя опорами. 13. Роман Ф. М. Достоевского. 14. Курорт на Черноморском побережье. 16. Превышение расхода над приходом. 17. Большая группа островов Тихого океана. 22. Вид местности. 23. Ремень для ношения оружия. 25. Отрасль техники. 28. Итальянский физик. 29. Фуфайка. 30. Род пальм с гигантскими листьями. 32. Чешский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Педагог. 8. Боровое. 9. «Богатыри». 11. Павильон. 12. Чудра. 13. Эпизод. 14. Взмет. 15. Гармонизация. 18. Производство. 22. Тифон. 23. Стерня. 24. Чехол. 27. Репортер. 28. Енакиево. 29. Вариант. 30. Ренклод.

По вертикали:

1. Ледоруб. 2. Таганрог. 3. Порыв. 4. Почва. 5. Коллизия. 6. Королек. 10. Импровизатор. 11. Произведение. 16. Рамо. 17. Цент. 18. Прототип. 19. Осетинка. 20. «Либерал». 21. Соавтор. 25. Стенд. 26. Талер.

Памятник древнего зодчества

На Красной площади у стен Московского Кремля возвышается удивительный по своей красоте древний памятник русского зодчества — всемирно прославленный Покровский собор, который более известен как храм Василия Блаженного. Это сказочное здание было воздвигнуто 400 лет назад по велению Ивана Грозного в память решительной победы над казанским и астраханским ханствами.

Имена строителей храма были обнаружены только в 1896 году — это Барма и Постник, своеобразно и смело объединившие художественные особенности русского зодчества и передовую строительную технику своего времени. Архитекторы воплотили в камне все богатство разнообразных приемов, которые использовались при сооружении деревянных храмов. Удачно применено здесь и искусство древнерусской художественной резьбы по дереву.

Иван Грозный хотел, чтобы в соборе было восемь церквей, но архитекторы для улучшения композиции позднее ввели в проект девятую, которая объединяла симметрично расположенные восемь башен, возвышаясь над ними. Девять церквей-башен соединяются между собой галереей и переходами, но вместе с тем каждый храм представляет собой самостоятельное целое. Эта обособленность достигается разнообразными и очень сложными деталями.

В 1588 году по указу царя Федора (сына Ивана Грозного) у наружной стены восточной церкви пристроили новую церковь над могилой юродивого Василия Блаженного. Над папертью этой церкви была устроена крытая галерея. В 1680-х годах ее превратили в придел, переходы перекрыли сводами, вследствие чего снаружи храм стал восприниматься как постройка с единым большим внутренним помещением. В последующие периоды к основному зданию добавили еще приделы и колокольню. Но все это не нарушает общей гармонии, усиливая живописность теперь уже десятиглавого архитектурного ансамбля.

В 1812 году Наполеон распорядился взорвать Кремль и собор. По счастливой случайности этот варварский план не удалось осуществить, но все же от взрывов в Кремле стены собора дали трещины. Собор неоднократно ремонтировался, его первоначальные формы претерпевали значительные изменения.

Реставрация памятника началась в советское время. В 1918 году была восстановлена западная глава, поврежденная орудийным снарядом во время октябрьских боев. Особенно широкий размах реставрационные работы приняли в последние десять лет.

Реставраторы и ученые во главе с профессором Д. П. Суховым поставили перед собой задачу восстановить первоначальные формы собора, наружную и внутреннюю стенопись. Храм, когда его построили, был окрашен в кирпичный цвет с белой декоративной отделкой, что хорошо гармонировало с архитектурными формами. Но труд умельцев скрыли наслоения красок, нанесенные в последующие столетия. Реставраторы сняли восемь таких наслоений и под ними обнаружили великолепную древнюю живопись, сейчас восстанавливаемую по документальным материалам.

Внутри собора обнаружено и восстановлено древнее окно с железной решеткой, а пробитые в XVIII веке окна и ниши заложены. Под снятой штукатуркой ожили древние фрески, под цветистой росписью колонн появилась белокаменная резьба, на куполах — узорчатые отделки и цветная окраска. Восемь заново золоченных спиралей украшают центральный шатер.

Чудесному памятнику древнерусского искусства возвращена его первоначальная красота, мы видим теперь это сооружение таким, каким создали его четыреста лет назад великие русские зодчие.

М. МАМОНТОВ

В этом номере на вкладках: восемь страниц репродукций фрагментов Севастопольской панорамы.

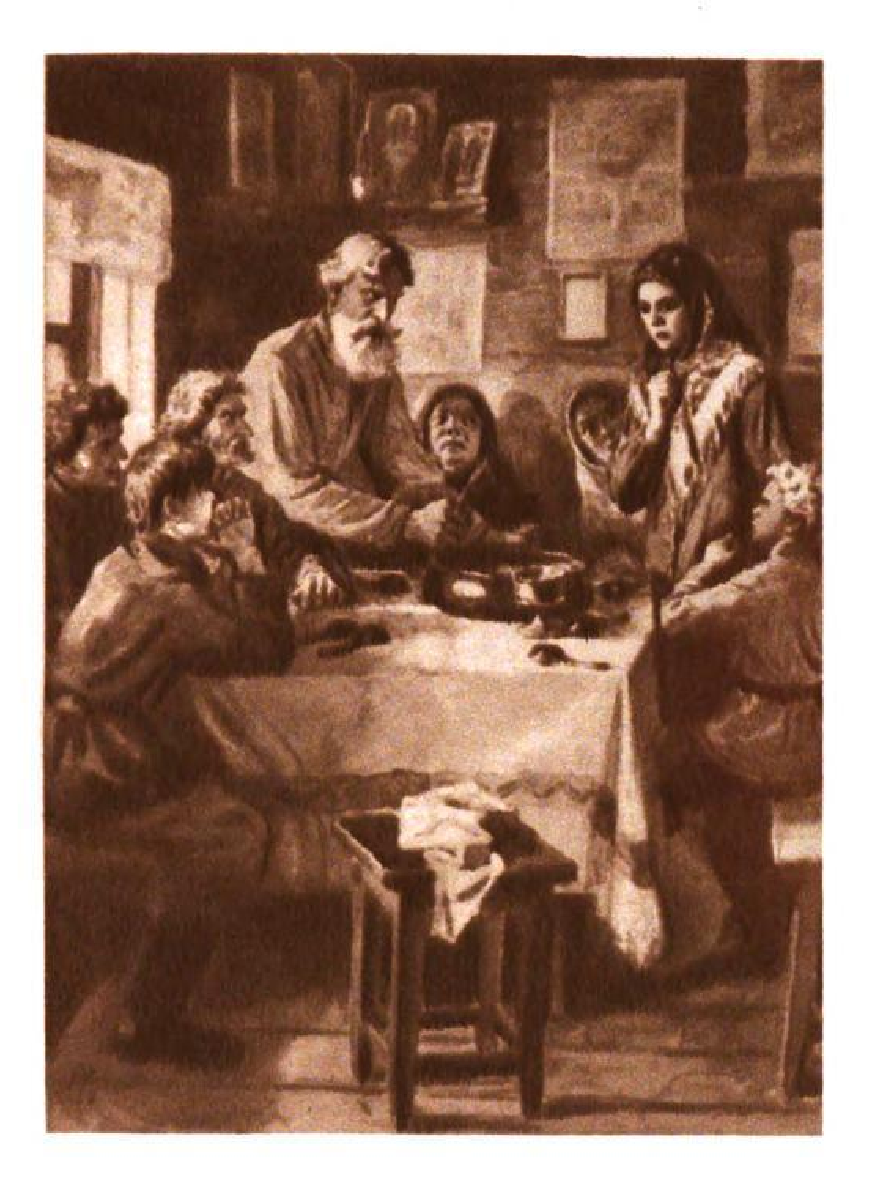
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

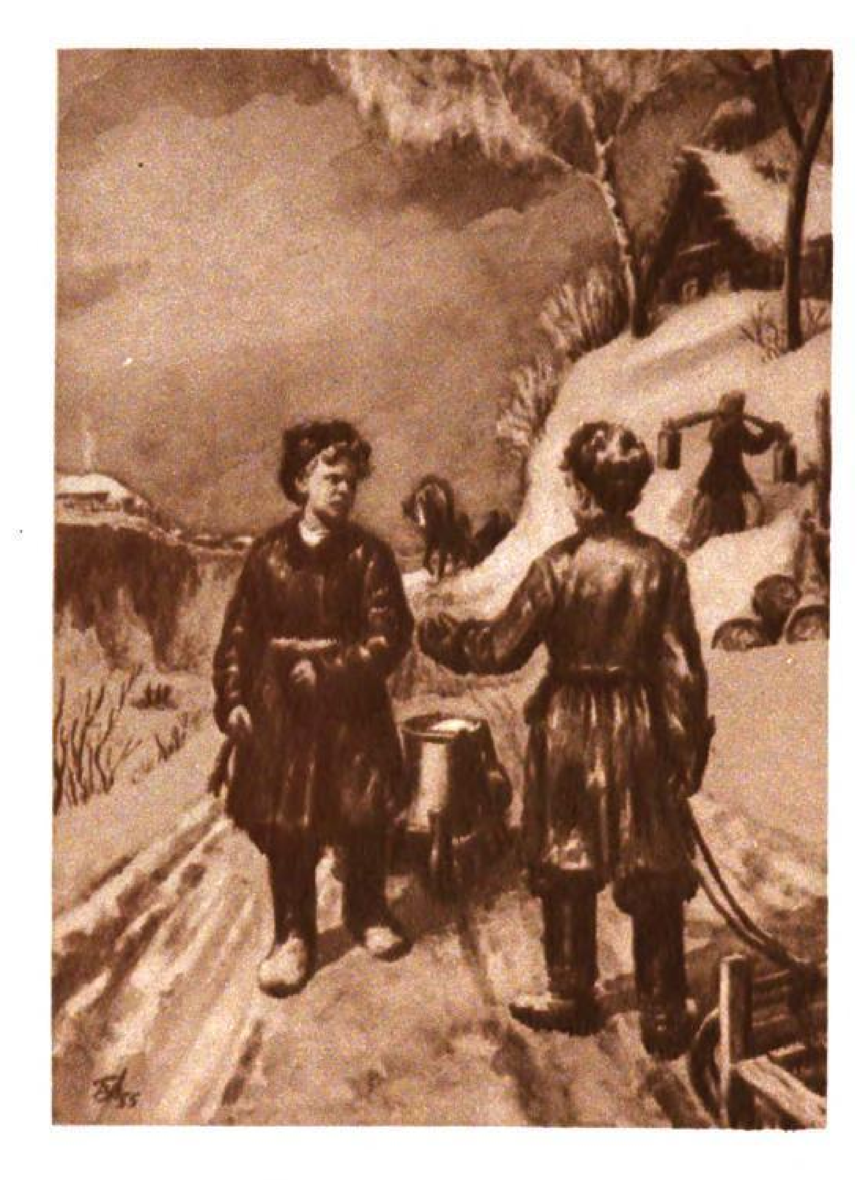
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 00754. Подп. к печ. 8/III 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 253. Заказ 438. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Б. И. ЛЕБЕДЕВ.

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К «ПОВЕСТИ О ДЕТСТВЕ» Ф. В. ГЛАДКОВА.

Семья за обедом.

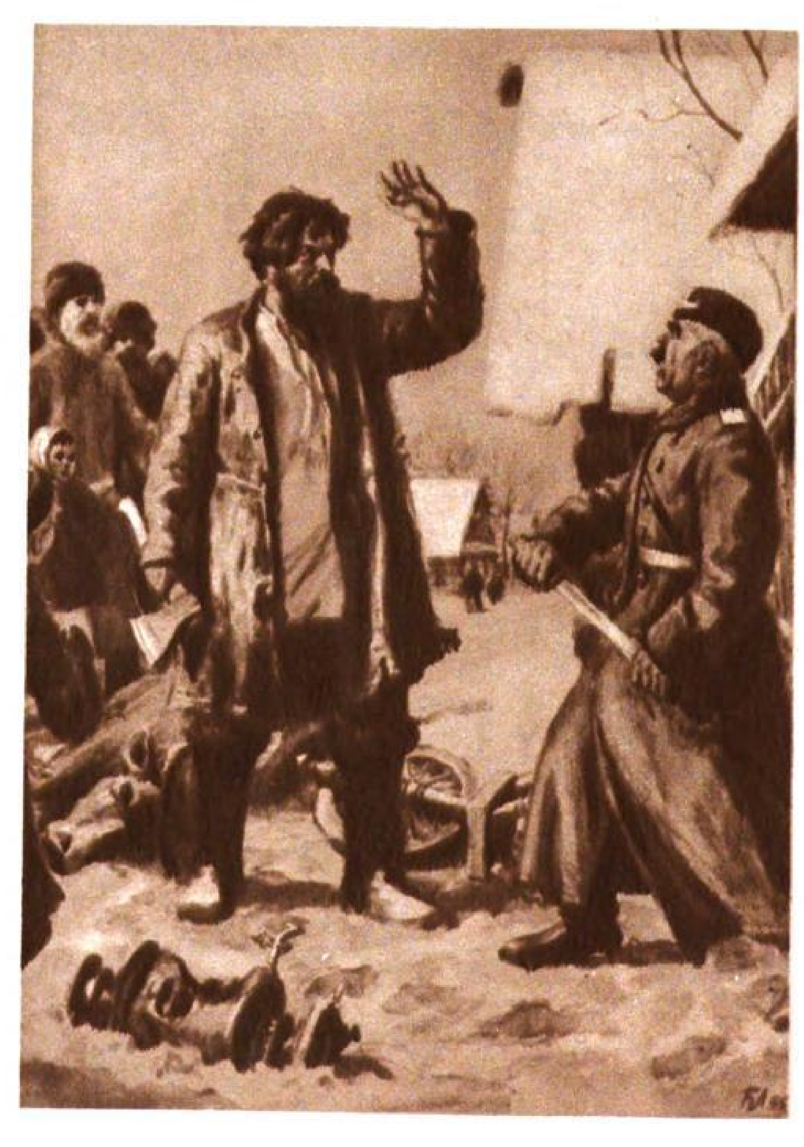
«Мать испугалась, посинела и ложку уронила в чашку. Дед протянул руку, погрузил пальцы в тюрю и вынул ложку. Он молча встал с места и деловито сказал: «Ну-ка, давай лоб-то! Череду не знаешь? Твоя череда — последняя в дому».

Федя и сын кузнеца Петя.

«Забыв о том, что он старше и сильнее меня, я сжал кулачишки и враждебно выпалил сквозь слезы: «А вы в кузнице с бесами знаетесь...»

Серега Каляганов и урядник.

«Урядник отшатнулся от него и дрожащей рукой начал вынимать саблю. А Серега с угрожающей насмешкой предупредил его: «Ты своей жестянкой со мной не играй, полиция!»

Цена номера 3 руб.

